

охота

и охотничье хозяйство

4

2007

Дикие копытные: охотничья добыча

Ежегодно неохотничьи потери косуль составляют 70—150 тыс. особей
Фото Н. Мальцева

Чтобы увеличить численность копытных, необходима зимняя подкормка
Фото А. Дигилевича

и неохотничьи потери

А. ДАНИЛКИН,
доктор биологических наук, профессор

Ежегодно при распределении квот на отстрел диких копытных разыгрываются нешуточные «баталии» между пользователями животным миром и государственными охотничьими надзорными органами, а в последнее время в этот процесс включена и федеральная экологическая экспертиза. Споры ведутся обычно за дополнительные 1—3 % лимитов добычи от общей численности видов. Квоты «выбивают», используя связи, прессу, угрозы и т. п. И горе тому федеральному и региональному чиновнику или эксперту-ученому, который осмелится настаивать на сокращении квот, стремясь сохранить скудные ресурсы! В то же время только ежегодные неохотничьи потери копытных из-за скверной работы отечественного охотничьего хозяйства во много раз больше выделяемых лимитов, что я попытаюсь показать на примере основных видов, используя при сугубо ориентировочной экспертной оценке официальные данные Государственной службы учета охотничьих ресурсов. Научное обоснование приводимых цифр потерь содержится в моих монографиях: «Олени» (1999), «Свиные» (2002) и «Дикие копытные в охотничьем хозяйстве» (2006).

Лось. В популяциях лося беременные самки составляют около 25—30 %, каждая приносит в среднем 1,3—1,6 теленка, из которых из-за высокой смертности до осени доживает далеко не каждый. Хозяйственный (осенний) прирост обычно близок к 30 % от весенней численности. Это — ежегодный дебет.

Ежегодная официальная добыча лося в России в последние годы — 10—17 тыс. голов, или 2—3,5 % от общей численности в 550—600 тыс. особей. Примерно столько же, вероятно, берут браконьеры. В целом охотничье изъятие близко к 5—7 % от численности. Куда же в таком случае исчезают остальные 23—25 %? Попытаемся найти «пропажу».

Сразу же замечу, что плодовитость самок копытных при умеренной плотности населения, хороших кормовых условиях и ненарушенных промыслом половой и возрастной структурах популяций относительно стабильна. Смертность особей промысловых видов от старости незначительна — животные обычно не доживают до предельного возраста. Удельный вес смертности лося от истощения крайне мал (всего доли процента), особенно по сравнению с другими копытными. Неизбежные трагические случаи и естественные факторы (наезды транспорта, травматизм, провалы под лед, отравления, болезни, паразиты и т. п.) уносят около 1—2 % жизней. Часть ресурсов вида, несомненно, утилизируют крупные хищники. Посмотрим, какова их доля?

Волк, как известно, весьма умелый охотник — лося могут давить не только стаи, но и одиночные звери. Всего

России насчитывают 40—45 тыс. волков и 150—160 тыс. бурых медведей. По самым скромным расчетам (исходя всего из 3 голов на одного хищника в год), волк давит до 120—135 тыс. лосей и не менее 15 тыс. особей уничтожает бурый медведь. Ежегодные совокупные потери популяций лося от крупных хищников, следовательно, достигают 135—150 тыс. особей (около 23—25 % от численности), что с учетом охотничьего изъятия (5—7 %) равно уровню воспроизводства вида (30 %) или превышает его.

Именно этот фактор, наряду с охотничьим изъятием, и определяет динамику численности лося, опровергая прогнозы ученых, проповедующих «трофическую» гипотезу динамики его населения. Очевидно же, что решение проблемы сохранения и увеличения ресурсов лося и, соответственно, увеличения уровня лицензионного отстрела упирается не в климат и растительные корма, как утверждают специалисты «Центрхотконтроля», а в «волчью напасть» — одну из традиционных российских бед, которую, как и откровенное разграбление природных ресурсов, отечественные чиновники, увы, стараются не замечать.

Европейская и сибирская косули. Доля сеголетков в популяциях европейской и сибирской косуль сразу же после периода отелов может достигать 45—50 %, но затем быстро уменьшается с каждым месяцем. Осенью и ранней зимой в период промысла их 30—42 %.

Размеры официальной добычи косуль в России в последние полвека мизерные (8—26 тыс. голов, или 2—6 % от послебрачной численности со-

охота

и охотничье хозяйство 4 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.

Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

ставляющей 300—800 тыс.). Однако с учетом масштабного браконьерства и непомерно большого числа погибших подранков (косуль у нас до сих пор стреляют карточкой и дробью!) из популяций в результате охоты, по экспертной оценке, изымают не менее 20—30 % поголовья.

На долю неохотничьих факторов смертности приходится в среднем около 10—20 %, что составляет в последние годы при численности в 670—730 тыс. особей и официальной добыче в 13—16 тыс. от 70 до 150 тыс. Основные неохотничьи потери косуль, в отличие от лосей, — не только от хищников (волка, рыси, бродячих собак, лисицы), но и от недостатка кормов. Особенно велики они в многоснежные годы, причем повсеместно преимущественно гибнут сеголетки. Общие потери курганской популяции многоснежной весной 1998 г., например, оценены в 45—50 тыс. особей, из них не менее 80 % составляли сеголетки (см.: Охота и охотничье хозяйство, 1998, № 7; Экология, 2000, № 6). Тысячи особей погибли и в соседних Челябинской и Свердловской областях. Пять многоснежных зим в период с 1996 по 2005 гг. свели на нет все усилия уральских охотников по восстановлению ресурсов этого вида.

Почему чаще гибнут сеголетки косуль? Прежде всего потому, что их растущий организм практически не накапливает осенью жировые резервы и, кроме того, они не имеют достаточно опыта для самостоятельного существования. Ищет корм и раскапывает снег обычно мать, а телята, как правило, пользуются остатками пищи в кормовых лунках. В глубокоснежье они не в состоянии самостоятельно эффективно добывать влажный подснежный корм. Другие семьи и группы косуль не принимают осиротевших детенышей, и те вынуждены жить поодиночке или объединяться в компактные группы. В любом случае после смерти матерей сеголетки обречены на гибель от голода или от хищников. Ежегодная их смертность только по вине охотников, убивших их матерей, исчисляется десятками тысяч особей!

В целом в России потери и европейской, и сибирской косуль в многоснежные зимы значительно выше, чем от охотников, браконьеров и хищников вместе взятых, и на это в охотничьем хозяйстве нужно обратить особое внимание.

Благородный и пятнистый олени. Олени — тоже сравнительно легкая добыча для волка, который давит жертву в больших количествах независимо от ее физического состояния, пола и возраста. Как и косули, эти виды весьма остро реагируют и на изменение кормовых условий. В многоснежные годы локальные группировки во многих регионах сокращаются на 30—60 %.

При нынешней численности благо-

родного оленя в 160—170 тыс. особей охотники легально изымают ежегодно 3—4,5 тыс. (2—3 %), а нелегально, по экспертной оценке, добывают минимум в 2—3 раза больше (не менее 10 тыс.), потери от крупных хищников и в многоснежные зимы — более 20 тыс.

При общей численности пятнистого оленя в 15—18 тыс. особей охотники легально отстреливают 400—700 особей (около 3 %), добыча браконьеров не менее 1—1,5 тыс., ежегодные потери от хищников и в многоснежье — около 1—2 тыс.

Кабан. Потенциальный биологический прирост у дикой свиньи, приносящей ежегодно в среднем по 5—7 поросят, колеблется в пределах 100—200 % от весенней численности популяции, достигшей 200—280 тыс. особей. Охотники ежегодно легально изымают 15—20 тыс. (7 %), нелегально — не менее 50—80 тыс., неохотничьи потери превышают 100—200 тыс.

Регистрируемые потери диких свиней от волка сравнительно невелики, хотя во многих районах этот хищник стал основным их потребителем. Основная причина низких фиксируемых потерь кроется в сложности обнаружения остатков животных, предпочитающих жить в хорошо защищенных местах. Кроме того, хищники съедают поросят практически полностью. Я наблюдал в Тульской области, как три волка в декабре утилизировали крупного поросенка за одну трапезу, оставив лишь раздробленные лопаточные кости. Начало интенсивного роста поголовья кабана в XX в. в России совпадает с периодом сокращения и максимальной депрессии численности волка, а периоды стабилизации и уменьшения ресурсов коррелируют с увеличением населения этого хищника. На Дальнем Востоке популяцию диких свиней существенно сокращают тигр и бурый медведь. Совокупная добыча копытных этими хищниками, по наблюдениям зоологов, значительно превышает объем их добычи местными охотниками.

Практически на всем ареале и всеми исследователями в той или иной мере отмечается зависимость уровней плодovitости и смертности кабана от урожайности дуба, бука, кедра, лещины, яблони. Пики его численности наблюдаются после урожайных лет, резкий спад, соответственно, после неурожайных и голодных. В целом доля гибели диких свиней от недостатка кормов и истощения на территории России составляет примерно треть от всех не промысловых потерь (от 3 до 96 % в разных районах), а в особенно голодные зимы многие стада и локальные группировки вымирают полностью. Ежегодные потери, по приблизительным расчетам, колеблются в пределах 20—130 тыс. голов, что тоже во много раз выше уровня лицензионной добычи.

Порой значительны потери кабана и от болезней. Доля этого фактора в общей смертности вида составляет в разных районах от 1 до 40 %, что все же существенно меньше уровня гибели от истощения. Поросята часто гибнут от пневмонии и острых желудочно-кишечных заболеваний, вызванных употреблением некачественного корма на подкормочных площадках, но особенно острым отход диких свиней (до 70 % в отдельных группировках) от чумы.

Гибель копытных непосредственно от гельминтозов, за исключением метастронгилеза у кабана, наблюдается сравнительно редко. Тем не менее паразиты играют важную роль в поддержании стабильности биоценозов как регулирующий фактор. Их воздействие чаще носит косвенный характер, вызывая ослабление организма хозяина и

По самым скромным расчетам, ежегодно волки дают 120—135 тыс. лосей

Фото С. Тишкевича

популяции. Ущерб от гельминтов выражается в снижении уровня воспроизводства и выживаемости ослабленного молодняка, увеличении смертности от других факторов среды, уменьшении массы тела и упитанности и, в целом, в снижении продуктивности популяции, ее трофейной ценности и качества мясной продукции.

Обобщим полученные цифры (см. таблицу). Ежегодная легальная охотничья добыча всех перечисленных выше видов диких копытных в России в начале XXI в. составляла всего 41—58 тыс. голов, браконьеры изымали, видимо, 190—310 тыс., хищники — около 250—360 тыс., от голода гибли 80—210 тыс. Совокупные ежегодные неохотничьи потери, по экспертной оценке, достигают 330—570 тыс.

Возможно, кому-то из специалистов эти ужасающие цифры потерь покажутся преувеличенными. Произведем расчет иным способом. При общей численности указанных выше видов копытных в 1600—1800 тыс. и усредненном уровне их воспроизводства в 40—50 % (с учетом высокой плодovitости кабана) ежегодный биологический прирост должен быть близок к 600—900 тыс. Если ежегодная официальная добыча не превышает 60 тыс. и почти нет роста численности, то где же остальные сотни тысяч особей, которые могли бы стать ресурсной основой экономики охотничьего хозяйства?

Некоторые охотovedы, оценив масштабы неохотничьих потерь, предлагают значительно увеличить лицензионную добычу копытных, «чтобы и волку, и зиме, и браконьеру досталось меньше». Вроде бы резон в этом есть. Но вот беда. И волк, и браконьер свое возьмут непременно — они «профессионалы». С многоснежьем и бескормией отечественное охотничье хозяйство, как показала практика, тоже справиться не может. Лишь в редких хозяйствах зверей действительно кормят, тогда как подавляющее большинство пользователей их только «пользует», а биотехника, как и охрана, остается «бумажной». О ситуации в незащищенных угодьях не стоит и говорить — здесь фактически нет ни того, ни

другого. Собственно, в плохо организованном и скверно управляемом производстве по-другому быть и не может!

Особо замечу, что крупных хищников в российских охотничьих угодьях сейчас не намного меньше, чем копытных (численность благородного оленя и бурого медведя, например, одинакова), и они добывают копытных гораздо чаще и больше, нежели охотники. Более того, в настоящее время уровень годовой добычи лося (10—17 тыс.) и волка (13—15 тыс.), а также благородного оленя (2,7—4,6 тыс.) и бурого медведя (3—4,3 тыс.) практически одинаков. Складывается впечатление, что отечественное охотничье хозяйство специализируется именно на разведении крупных хищников, волка в особенности. В осенне-зимний сезон охотники «подкармливают» его дикими копытными: ранеными или погибшими от ран; сеголетками, оставшимися без матерей и представляющими легкую добычу; животными, завозимыми из других районов в целях обогащения фауны, а фактически — ему на прокорм. На моей памяти несколько случаев, когда бригады городских охотников под руководством местных егерей и охотovedов устраивали загон на копытных, игнорируя при этом предложения об организации коллективной охоты на стаи волков, расположенных на дневки неподалеку. И самое главное, чиновники, разрушившие весьма эффективную страховую систему вознаграждений за добычу этого хищника, теперь в упор не замечают многомиллионные убытки от него сельскому и охотничьему хозяйству и ничего не предпринимают для сохранения ресурсов диких и домашних копытных на государственном уровне. Более того, в 2005 г. волк причислен Министерством сельского хозяйства к особо ценным в хозяйственном отношении объектам животного мира наряду с копытными!

Чиновникам и пользователям животного миром, ратующим за увеличение добычи копытных и громкогласно осуждающим «прижимистых» экспертов-экологов, «режущих» квоты, напомним

также, что совсем недавно, в конце 80-х — начале 90-х годов XX в., в России уже был осуществлен подобный крупномасштабный эксперимент. Очень хотелось тогда нашим специалистам от охоты «догнать и перегнать» Швецию или хотя бы Норвегию. Добыча лося в этот период при высоком уровне неохотничьих потерь выросла до рекордного уровня в 90 тыс., кабана — до 50 тыс. особей. Игнорируя протесты академических ученых, не только чрезмерно много изымали, но и отстреливали в основном крупных взрослых особей, а сеголеток оставляли на съедение хищникам и воронья. Закончился этот ведомственный эксперимент, как известно, крахом: поголовье копытных уменьшилось на миллион, затем была 15-летняя депрессия численности большинства видов, сопровождаемая запретом или ограничением охоты почти повсеместно. Некоторые виды, сайга в частности, и вовсе оказались на грани исчезновения. В конечном счете недалековидные охотничьи чиновники и ведомственные ученые, управлявшие биологическими ресурсами в конце XX в. (некоторые из них функционируют до сих пор), нанесли экономике охотничьего хозяйства колоссальный ущерб, превышающий урон от всех браконьеров и хищников, что в значительной мере способствовало деградации отрасли.

Очередной охотничий «удар» изрядно поредевшие и еще не вышедшие из депрессии популяции не выдержат! Пора бы осознать, что увеличить объем лицензионной добычи копытных можно лишь при условии резкого сокращения чудовищных потерь, сохранения и преумножения ресурсов. А для этого необходимо кардинально реформировать структуру и управление охотничьим хозяйством, улучшить охрану животных, организовать зимнюю подкормку, не истреблять репродуктивное ядро популяций и оперативно регулировать численность крупных хищников.

Задумайтесь: при уменьшении численности волка хотя бы до 10 тыс. особей (всего лишь до уровня, имевшегося в России во второй половине 60-х — первой половине 70-х годов XX в.) наши охотники, даже при нынешнем мизерном поголовье лося, имели бы потенциальную возможность легально добывать около 70—80 тыс. особей ежегодно, что почти на порядок больше, чем в настоящее время.

И только в этом случае охота на копытных, в том числе и трофейная, станет доступна не только главам администраций, «новым русским» и их окружению, но и большинству рядовых охотников, которые, что удивительно, до сих пор не потеряли веру в социальную справедливость, охотovedческий профессионализм и надежду на возрождение охотничьего хозяйства!

ОХОТНИЧЬЯ ДОБЫЧА И ОРИЕНТИРОВочНЫЕ НЕОХОТНИЧЬИ ПОТЕРИ
(тыс. особей) ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ДИКИХ КОПЫТНЫХ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Вид	Численность, тыс.	Ежегодная охотничья добыча			Ежегодные неохотничьи потери		
		легальная	нелегальная	всего	от хищников	от истощения	всего
Лось	550—600	10—17	10—20	20—40	135—150	—	135—150
Косули	670—730	13—16	120—200	130—220	50—100	20—100	70—200
Благородный олень	160—170	3—4,5	10	13—15	>10	>10	>20
Пятнистый олень	15—18	0,4—0,7	1—1,5	1,5—2	>1	>1	>2
Кабан	200—280	15—20	50—80	65—100	50—100	50—100	100—200
Все виды	1600—1800	41—58	190—310	230—380	250—360	80—210	330—570

В апрельском лесу птицы строят гнезда. У ворон они уже готовы. Из многих торчат хвосты и клювы насиживающих яйца птиц. Внизу весело цветут подснежники. А вверх, в одной из развилок берез, недостроенное гнездо — случилась беда...

У ворон и сорок давно уже появилась «мода» — укреплять гнезда алюминиевой проволокой. Материал вечный. Но птичьи клювы и лапы для работы с металлом не очень приспособлены.

Сорока так долго возилась с одним куском проволоки, что могла бы, наверное, за это время из обычных веток построить половину гнезда. То за один конец проволоку тянет, то за другой. Лбом в нее упирается, гнет, где надо. Прыгает на ней, вдавливая в стенку. Но что-то не так. Залезла под гнездо, дергает оттуда...

В конце концов вытащила проволоку и с теми же мучениями стала пристраивать ее с другой стороны.

Подлетела вторая птица. Сорока в гнезде схватила клювом новую проволоку и потянулась с ней к самцу: давай, мол, помогай строить. Тот, видно, не горел желанием заниматься этим. Но все же стал помогать. Они упорно затакивали проволоку между веток, как будто строить гнездо без проволоки в наше время никак нельзя.

Проволока торчала из всех замеченных в округе сорочьих и вороньих гнезд. Удивительно, где птицы находят ее сейчас, когда к цветному металлу уже много лет особый интерес у сборщиков металлолома?

Недалеко от охотничьей базы пара ворон даже начала строить гнездо только из проволоки.

Но случилась беда. Ворона летела к гнезду со сверкающим на солнце стройматериалом, случайно перемкнула электропровода, протянутые к базе, вырубил электричество и погибла сама.

Необычное гнездо осталось недостроенным.

Недостроенное гнездо

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Искусственные гнездовья для водоплавающей дичи

В. МИНОРАНСКИЙ, В. СИДЕЛЬНИКОВ, Е. СИМОНОВИЧ
Ассоциация «Живая природа степи», Ростовский государственный университет

Государственный охотничий заказник областного значения «Кулешовский» организован Постановлением Главы Администрации Ростовской области № 269 от 2.08.99 г. Расположен в Азовском районе (хутор Кулешовка), между городами Ростов-на-Дону и Азов. Постановлением Администрации РО № 192 от 23.04.03 г. заказник был передан в ведение Минсельхозпрода РО. Большая часть заказника расположена в пойме р. Дон, рядом с его дельтой, и занята рыбоводными прудами, озерами с зарослями тростника, каналами, речками, лугами. Наблюдения над птицами в этом районе проводились в 80-е годы, а также в 2003—2005 гг.

Одним из наиболее интересных в орнитологическом отношении участков заказника является озеро Лебяжье. В 80-х годах оно представляло собой государственный памятник природы и входило в состав Кулешовского охотхозяйства. В 90-х годах озеро катастрофически обмелело и практически пересохло. Попытки его искусственного обводнения осуществлялись до 2001 г., однако лишь с 2003 г. было налажено надежное обводнение озера из дренажного канала. Были установлены две шандоры: одна — в западной части озера из сбросного канала и вторая — в восточной части, под асфальтированной дорогой на рыбхоз. Площадь озера Лебяжье 76 га. Берега заросли тростником, занимающим значительные площади. Озеро мелководное, тростниковые куртины часто встречаются в центральной его части на больших плесах чистой воды.

В 60-е годы орнитологами кафедры зоологии Ростовского государственного университета (РГУ) под руководством Н. С. Олейникова были начаты работы по привлечению и сохранению охотничьей дичи. Эти работы при участии Б. Н. Казакова, Н. Х. Ломадзе и других сотрудников кафедры ведутся до настоящего времени. Положительное влияние на размножение кряквы, красноголового и красноногого нырков и некоторых других птиц оказывают изготовление и выставление искусствен-

ных гнездовий. В 80-х годах, когда озеро Лебяжье было памятником природы, кафедра зоологии силами преподавателей и студентов биолого-почвенного факультета РГУ, а также егерей охотхозяйства вела на нем работу по изготовлению, установке и проверке занимаемости искусственных гнезд. В тот период применялись стандартные конусные гнездовья из тростника. В 90-е годы эти работы прекратились.

При организации заказника «Кулешовский» в 2003—2004 гг. численность водоплавающей дичи была низкой, что заставило для увеличения ее ресурсов уделить большое внимание организационным, охранным и биотехническим мероприятиям. После решения вопроса по стабилизации уровня воды на озере Лебяжье возобновились работы по изготовлению, установке и проверке искусственных гнезд для водоплавающей дичи. Они ведутся силами охотников и егерей. В 2004 г. было выставлено 130, в 2005 г. — 300 гнезд, из них 200 в виде бочек. В мае-июне 2005 г. сотрудниками МСХ и ОГУ «Дирекция госохотзаказников» Ростовской области, РГУ было выполнено 5 проверок гнездования водоплавающей дичи на озере Лебяжье.

Для привлечения птиц было применено несколько типов искусственных гнездовий. Изготовили и устанавливали их в январе-феврале, когда озеро покрылось льдом. Использовали тростниковые шалашики и конусные гнездовья, традиционно применяемые на территории Ростовской области, а также новый тип гнездовий из металлических бочек (в которых ранее содержался лак). Размещали гнезда стационарно на заламах тростника. Длина бочек 50 см, диаметр 40 см. В торцах бочек были проделаны отверстия для прохода уток. Отверстия имели округлую, овальную или треугольную форму и размеры, позволяющие уткам свободно проникать в гнезда и легко покидать их при опасности или на период кормления. Дно бочки устилали сеном и листьями тростника. При установке бочек на заламы для их маскировки сверху стягивали проволокой

стебли тростника. Впервые такие искусственные гнездовья были опробованы в 2003 г. и показали высокую занимаемость водоплавающими.

Всего в 2005 г. было выставлено 300 искусственных гнезд. Занимаемость их в этом году составила 85,7 %. Из них 210 гнезд было использовано кряквой, 4 гнезда — красноноговым нырком и 43 — красноным нырком.

Искусственные гнезда в виде бочек имеют ряд положительных качеств. Они отличаются долговременностью использования, могут служить на протяжении многих лет. Бочки удобны при транспортировке. На машинах, телегах их легко перевозить на большие расстояния, быстро перемещать в пределах одного водоема. Основные искусственные гнезда устанавливали на льду. Связав 6—7 бочек, наполненных сеном, охотник тащит их за собой по льду и гнездовую подстилку поправляет на месте установки. Такие искусственные гнездовья хорошо защищают находящуюся в них птицу от пернатых хищников и неблагоприятных погодных условий (дождя и снега).

Бочки необходимо прочно устанавливать на заломленный под ними тростник, так, чтобы при волнении поверхности воды в ветреную погоду они не колебались или колебания их были минимальными. В противном случае птицы не занимают гнезда или оставляют уже отложенные в них яйца. Нижняя часть искусственного гнезда должна быть в 10—15 см от поверхности воды. Некоторые бочки, выходные отверстия которых располагались близко к поверхности воды, были заняты под кормовые столы и жилые хатки ондатрами, вытеснившими уток с ранее занятых гнездовий (кладки были брошены). Кроме того, подтопленные водой гнезда с сырой подстилкой птицы обычно не используют или оставляют их после начала откладки яиц.

В шалашиках и конусных гнездах гнездились кряква, красноноговый и красноный нырки. Искусственные гнезда в виде бочки преимущественно заселялись кряквой, незначительно — красноноговым и красноным нырком

(занятость 95 %). Проверки, проведенные в первой половине мая (9.05 и 15.05.05 г.), показали, что у краквы в этот период были закончены кладки, наблюдалось вылупление птенцов в отдельных гнездах и окончание насиживания кладок в большинстве гнезд (наседки подпускали учетчиков вплотную и позволяли фотографировать гнезда, не покидали их). При обследовании гнезд в июне 2005 г. в 23 бочках после выхода птенцов наблюдалось вторичное их заселение краквой и красноголовым нырком.

Гнездование красноногого нырка, как в искусственных, так и в естественных гнездах, было приурочено к северо-восточной части озера Лебяжье. В мае 2005 г. его размножение в бочках не отмечено, а в начале июня здесь наблюдались неполные кладки. В районе гнездовий держались самки и самцы.

При обследовании искусственных гнезд была обнаружена привязанность краквы и красноголового нырка к большой поливидовой колонии околотовных птиц (каравайки, большая и малая белая, серая и желтая цапли, кваквы). Их гнезда были обнаружены в прошлогодних гнездах аистообразных (отмечено 7 гнезд красноголового нырка и краквы в гнездах каравайки и кваквы). Замечен случай размножения краквы в гнезде серой цапли на высоте 1,2 м от поверхности воды. Вблизи этой колонии искусственные гнезда (бочки) были заняты птицами на 100 % и наблюдались повторные кладки после вылупления и ухода птенцов первых кладок.

Можно предположить, что концентрация краквы и нырков в районе большой поливидовой колонии связана с труднодоступностью западной части озера для рыбаков и защитой колониальными птицами своих гнездовий от хищников; в данной части озера отсутствовали поселения ондатры.

Наши наблюдения свидетельствуют об эффективности использования искусственных гнездовий, в том числе и в виде бочек, для повышения поголовья краквы и нырков. Высокий показатель размножения краквы в 2005 г. был подтвержден визуальными наблюдениями за численностью птиц.

На кормовом поле в 2 км от озера Лебяжье в августе 2005 г. продолжительное время держалось 2—2,5 тыс. особей краквы. Подобного количества уток в предшествующие годы здесь не наблюдалось.

1. Карта озера «Лебяжье» на территории заказника «Кулешовский»

2. Металлическая бочка — искусственное гнездо

3. Кряква в искусственном гнездовье

Знаменитые соболатники

Б. ПЕТРОВ

В свое время мне, как корреспонденту «Известий», довелось немало поехать по Эвенкии. И какие бы газетные дела ни приводили в округ, я — сам законченный охотник — всегда старался повстречаться со знаменитыми местными промысловиками, потолковать об их профессии, таежном быте и соболиных хитростях. В блокнотах сохранилось много записей о людях, трудом которых создавалась пушная слава округа и страны.

Читаешь сегодня эти заметки и вновь убеждаешься: безусловно, таежный промысел — тяжелый труд и обильный пот. Кто-нибудь удивится: пот зимой? Но это не привычный штамп: в морозный зимний день охотник добирается к вечеру до избушки в пропавшей за день одежде с покрытой обильным инеем спиной. Но уже в те годы я понял и другое: все самые знаменитые «гвардейцы промысла» (существовало такое официальное почетное звание) обязательно были незаурядными личностями со своим характером и собственными приемами достижения успеха. Охота — дело творческое, это несомненно.

Почему я сегодня рассказываю о профессиональных хитростях прежних «маяков»? Обобщение опыта, технические рекомендации — дело специалистов-охотоведов, какой вклад может внести журналист? Как говорится, записать историю современности. Ведь это несомненно, минувшие десятилетия составляют особый этап в развитии российского пушного промысла. Теперь другие времена, однако никто еще не отменил известной истины: самое-самое новое — чаще всего хорошо забытое старое. А о социально-этнографическом аспекте дела вообще написано не так много.

Я прилетел в Полигус на весенний суглан. В тот же вечер из тайги в поселок небольшим оленьим аргишем вернулся Георгий Степанович Бояки — самый знаменитый охотник округа, Герой Социалистического Труда. Мы уже встречались с ним год назад, и, увидев меня, он сказал, будто расстались вчера: «Здорово. Давай чай пить».

Держался он, надо откровенно заметить, эдак покровительственно, заметно копировал манеры главного эвенкийского начальника В. Н. Увачана (тот, сидя в президиуме, похлопывал собеседника по плечу, перебивал выступавших). Но, опять же признаю, вмешивался по существу и почти всегда остроумно. Отчитывается бригадир оленеводов, рассказывает, что волки задрали много совхозных оленшков. Бояки бросает: «Я вот все не пойму, как это волки совхозных оленчиков от ваших собственных отличают? Частные-то все целы». В собрании — весе-

лое оживление. Знаменитый был человек. Один из первых эвенков-комсомольцев, снайпер в Великую Отечественную, ранен и награжден, первый эвенк Герой. Охотился еще в войну, вернувшись с фронта по ранению. А тогда популярен был лозунг: «Один соболь — один танк!» (в денежном эквиваленте). Но тут надо сказать, что по числу сданных соболиных шкурок Бояки никогда не ходил в чемпионах. В чем причина?

Охотником Георгий Степанович был от Бога, слепопыт, каких среди прославленных американских индейцев не сыскать, это несомненно. А по шкуркам отставал от многих. Как же так? Очень просто: Бояки был профессором традиционного эвенкийского промысла — верхом на олене по соболиному следу. Капканы он не любил, вот в чем заковыка! Потому что «эвенк одним следом два раза не ходит»; потому, что добывать животных для продажи вообще считалось грехом. Именно эти «философские» сложности больше всего меня интересовали. Пьем чай, я спрашиваю Георгия Степановича, возьмет ли он меня с собой на промысел на будущий год. Он критически оглядывает меня: «Нет боей, ты тяжелый, тебя оленчик верхом не выдержит». На вопрос, сколько у него капканов, он угрюмо молчит, наконец выдавливает через силу: «Тридцать шесть».

Окружное начальство пристает с ножом к горлу: ты же «маяк», покажи пример! Ну, раз надо — вот вам. И это в то время, когда у других — до нескольких сотен. Мог бы и соврать корреспонденту, что ловушек больше (кто и как проверит?!). Но врать он тоже не умеет. Сидит, молча пьет чай, хмурится. И вдруг вскидывается: «Слушай, боей, ну какое их дело? Я же лучше знаю, сколько соболей на моей родной речке Нирунгде!»

В судьбе этого человека — весь драматизм попыток власти сломить вековые национальные представления, заставить жить «как правильно». С идеологической точки зрения кочевание — допотопная отсталость, а капканы приковывают к месту, поэтому они — прогресс. И шкурок дают больше. В Байките доживал на пенсии старый охотовед П. Н. Чунаев, тоже в своем роде человек легендарный. Я его спрашивал, чему он мог научить в охоте природных тунгусов в начале тридцатых годов. Павел Николаевич ответил, что проводилась техническая революция отрасли — переход от древних методов промысла к новым, самолетным.

Не о технике шла речь, нет. Кочевка — позиция эвенка, это его душа, олень — его крылья. Капканы на пути — это ведь мертвый якорь, прощай, вольная тайга. А душа против, вся ты-

сячетлетняя национальная традиция — против. Бояки был безусловно незаурядный человек. И однажды заявил на большом «суглане» — совещании, что капкан лучше там, где промышляют русские, — в кедровой тайге. А эвенки охотятся по лиственничникам, где зимой зверушку на другой горе сквозь тайгу видать, из тозовки достанешь. Вот и хорошо — полнее опромышляются разные угодыя.

Официальным соперником по соцсоревнованию у Бояки считался охотник из Куюмбы В. Г. Урванов. Русский мужик, но выросший в эвенкийской семье. Когда он завел первые капканы, в стойбище стали посмеиваться: «Однако ты, Валентин, всех соболей в округе распушаешь капканами». Правда, промышлял он главным образом не железными ловушками, а плашками и кулемками. Это хитрые сооружения, которые надо строить в тайге из подручных материалов и ежегодно ремонтировать. Плашник — многолетний стационарный маршрут, на котором деревянных ловушек выстраивали несколько сотен. Пути прокладывали обычно или в виде петли, чтобы к вечеру вернуться на базу, или лучами на расстояние дневного перехода, в конце каждого луча ставилась избушка-ночуйка. В общем, хорошо организованное хозяйство.

У промысла плашками и кулемками свои неоспоримые преимущества, иначе не сохранялся бы он веками. Например, не надо покупать и таскать по тайге мешки капканов; по всему плашнику можно устроить постоянные амбарчики с привадой, которые удерживают бродягу соболя на участке. Однако известны и свои недостатки. Один из существенных — плашки располагаются на земле, и пойманных зверьков часто портят грызуны и разные хищники. Охотоведы подсчитали: пропадает десять процентов шкурок. Любому охотнику досадно, а для эвенка лишить зверя жизни и бросить — грех величайший.

В Полигусе жил также известный кадровый охотник Леонид Михайлович Филиппов, мастер капканного лова. Он одним из первых стал применять установку ловушек на жерди. Соболя страшно любопытны, что его и подводит. В поисках добычи обшаривает завалы, лезет в колодины и кучи, везде ему надо сунуть свой смысленный нос. Способов установки жердей позже появилось множество, самый простой — толстый конец на земле, а тонкий кладется на вбитый в ствол дерева гвоздь. На самой вершине, сантиметрах в семидесяти от ствола, тонкой медной проволокой крепится капкан (так, чтобы пружина не мешала зверушке к нему подступиться). Соболя срывает капкан и повисает в воздухе, тут его повредить могут только птицы.

Вопрос: а зачем бы ушлому зверьку лезть на эту жердь себе на погибель? Кроме любопытства, его влечет запах приманки. Но тут своя сложность: приманка часто прельщает птиц, которые заставляют капкан срабатывать вхолостую. Так вот, Филиппов придумал заворачивать запашистую приманку в скрутку из бересты. Расчет был на то, что у птиц обоняние слабое, а для соболя чуткий нос — главный инструмент. И придумка подтвердила свою верность, настырные сойки и кукушки стали вредить меньше. На счету у Филиппова таких рационализаций много. Простая вещь — ввернул головку от лампы в большую полиэтиленовую канистру, и отпала необходимость каждый раз пачкать руки в керосине (а запах керосина на руках у капканщика — словно грязные пальцы хирурга). Одним из первых он научился пользоваться на участке переносной рацией.

Но главные капканщики-академики жили в поселке Бурный. Соболей добывали много, однако власть постоянно царапала одна пикантная деталь: Бурный был чисто староверческим поселением. Ни советской власти в нем не вошло, ни даже захудалой профсоюзной организации. Я попал в такое экзотическое место случайно и оказался... на торжестве. Известному охотнику А. А. Сидоркину сам председатель окрисполкома вручил орден. Была тайная надежда убедить орденоносца вступить в профсоюз на условии, что взносы будет платить раз в год в райцентре, но он так и не поддался на уговоры. Сидоркин был участником Великой Отечественной войны — в отличие

от большинства сверстников-староверов, которые от мобилизации сбежали в тайгу (защитить безбожную власть коммунистов не хотели). Я спросил кержака-орденоносца, за что же он воевал? Он твердо отрубил: «Я за русскую землю воевал!»

Все мужики поселка Бурный были закоренелыми капканщиками. Главная задача при таком методе — приманить зверя к ловушке. Эту роль должна выполнять наживка в капкане, по-местному «накроха». Что нынче у соболя в моде — зайчатина, рябчик, хариус с душком или мясо копалухи? А может, осиное гнездо? Не угадаешь — пролетишь. Известно, что вкусы у пушистого гурмана меняются. А. А. Сидоркин готовил свое зелье еще с лета. Из мяса сохатого рубил фарш, раскладывал его по трехлитровым банкам, закрывал крышкой и ставил в теплое место для «ферментации». Когда мясо хорошо прокисло, добавлял испорченное сливочное масло, рыбий жир, медвежье сало. Можно представить, какой дух шел от этого месива. А чтобы оно в морозы не превращалось в камень, разводил глицерином. И все — с молитвой, с молитвой (порой больше походившей на языческий заговор). У ловушки разбрасывал куски птиц, одобренные ароматной приправой. Эффект был вполне ощутимым — орден Ленина за успехи на промысле тому свидетельство.

А вот другой капканщик Ф. Е. Вершинин над чем только не мудровал, чтобы соблазнить соболишку. Доказывал, что самое любимое мясо для него — не рябчик, не глухарь, а сушеный бурундук.

Полосатеньких надо ловить летом, затем, ободрав, вялить под крышей и хранить в корзине. Из духовитых приправ какого только парфюма не перепробовал охотник: валерьянку (коли она неотразимо притягивает кошек), «Тройной» одеколон, духи «Белая сирень» и «Ландыш серебристый»... Утверждал, что «Ландыш» лучше, его «дух» держится дольше всего. Все эти ароматы он использовал так: намочит тушку рябчика и волочит ее по снегу на шнурке («постаск») до ловушки. Хитер соболишка, но и охотник извилинами шевелит — кто кого? Даже зеркальце пробовал приспособлять у капкана. Мол, увидит зверушка, что незванный соперник хочет первым залезть под плашку, — не допустит этого. Шутки шутками, а соболей добывали и по сотне, и больше.

Но совершенно классическим капканщиком в начале 70-х гг. был Михаил Григорьевич Юхлин, личность во многих отношениях примечательная. В Эвенкии он был пришлым, отслужившим свое флотским офицером, «с ветра», как здесь говорят. Получил участок на речке Юнтукон в Ванаварском (Тунгусско-Чунском) районе и развернул целое фермерское хозяйство: центральная база с баней, 14 избушек, моторы, лабазы, несколько тысяч капканов. Его размах и показатели всех поражали: 100—250 соболей за сезон. Местный народ стал относиться к нему, мягко выражаясь, настороженно. «Ты, — говорили, — свой «лимон» сколотил и смотаешься. А нам тут жить!» Но Юхлин твердо отвечал, что ведет учет и сам себе во вред хищничать не будет.

Вел свое хозяйство Юхлин по науке, читал специальную литературу, выписывал охотничий журнал. Приезжим охотоведам и журналистам демонстрировал таблицы численности соболей по сезонам и цветные графики динамики прибылей-убылей — считай, готовый материал для диссертации. Он утверждал, что изымать можно 30—35 % соболиного поголовья, не больше. В соответствии с этим правилом, в зимы не очень урожайные снимал по несколько сотен ловушек, чтобы не наносить излишнего урона. Однажды корреспондент окружной газеты написал, что Юхлин на его глазах выпустил из капкана живую соболешку, объяснив, что приплод от нее ему важнее одной шкурки. Заметка вызвала бурное обсуждение: кто недоверчиво ухмылялся, кто крутил пальцем у виска; понимания поступок не нашел ни у кого. Ловил много — осуждали, отпускал на волю — тоже не восхищались. Так и остался чемпион Юхлин чужаком для жителей округа: не эвенк, не русский — американец какой-то. А это уж вообще...

Промысловик из поселка Чемдальск Валентин Корнилович Карнауков, тоже орденоносец, отличался особыми чертами характера. По облику богатырь, по натуре прямодушный, трудолюбивый, он ко всяким хитростям относился как-то пренебрежительно, считал, что все просто: как потопашешь, так и полопашешь. А необычность его метода состояла в том, что он не признавал постоянных путиков. Считал, что к долговременным ловушкам соболи привыкают и чем дальше, тем реже попадаются. Охотился Карнауков с собакой, но одновременно расставлял и капканы в тех местах, где предполагал удачу.

Надо подчеркнуть, что охота на соболей с лайкой — занятие менее всего промысловое. Да, добыча, конечно,

ценная и можно прилично заработать, но... Уж очень короток срок, в который собаки могут продуктивно работать, — пока снег в тайге не углубеет до непосильного. Бояки, я упоминал, собак использовал, но он водил их на поводке сидя на олене, пока не дойдет до верного горячего следа. Это совсем иная охота. А с лаечкой, отпущенной в вольный поиск по малым снегам, это занятие большей частью любителей-отпускников, которых в тайге набиралось очень прилично.

А Карнауков — штатный охотник, работал всю зиму. Но не сидел на путиках. Найдет место постоянного перехода соболей через речку — все обгородит. Шишка уродилась на верхах, легкая на подъем белочка вся за ней ушла, — соответственно, и соболь там же будет рыскать. В другую пору соболь больше держится по речным долинам — по ним и карнауковские ловушки появляются. В одном месте зверьки не попадают — переставит в другое. Эта методика давала Карнаукову пушнину самую разнообразную, кроме соболей — и сизых белок, и коровьих горностаев, и благородных норок. Его показатели были одними из самых высоких в Эвенкии, если переводить их в денежное исчисление. Капканы он ставил и под след и в дуплянках, и на жердях — как в конкретном месте удобнее.

Но такой вариант обрекал ходить по большей части без лыжни, то и дело переносить ловушки, заново все оборудовать. Когда же отдыхать? Да, метод творческий, вот только требовал недюжинной физической силы и выносливости. Совершенно ясно — не всякий на такое способен. А Валентину Карнаукову в те поры силенок было не занимать, своих выше края. Перенять его опыт большинству промыс-

ловиков было не под силу. Про творцов-художников говорят: стиль — это человек. Так оно и на промысле. Физические данные в этой профессии — как природный дар, на этом многое строится. В этой связи было бы несправедливым не сказать о его дальнейшей судьбе. С ним случилась беда — неизлечимо повредил ногу. Эвенк-охотник Михаил Владимирович Керенский, вернувшийся с фронта на одной ноге, охотился верхом на олене. Конечно, это ему доставалось нелегко, что тут говорить. Однако верхом на учуге эвенки осваивали свою тайгу сотнями лет! А русского богатыря Карнаухова оленчику не поднять. И все же Валентин Корнилович после трагедии тоже не смирился, добывал помаленьку. Но прежней славы уже не имел.

Одним из самых знаменитых и безоговорочно интересных в округе был штатный охотник Михаил Николаевич Курейский, участок которого располагался в ста километрах от поселка Ошарово, в районе обширных гарей. Эвенк по национальности, среди соплеменников он был самым, как теперь говорят, продвинутым. На участке у него стояла капитальная база и пять избушек, каждая со своими путиками. Длина путика — 15—20 км, на этом протяжении 20—30 капканов и кулемок. Кочевки Курейского стали короткими — по полмесяца, которые уходило на один осмотр всех путиков. Это была уже почти «русская» (цивилизованная) система. Однако все же не стационарная, а, как бы сказать, экспедиционная. Правда, до общего числа в тысячу и более ловушек Курейский далеко не дотягивал. Почему? Очень просто: легкие и малорослые по физическому складу эвенки прекрасно приспособлены кочевать верхом на учуге, а вот таскать тяжести — занятие не для них. Так распорядился господин тысячелетний естественный отбор. Один попутный пример: старые русские промысловики придумали надежный костер для ночлега в лесу — нодью. Однако эвенкам ворочать бревна в рост человека просто не по силам, и они отработали свою конструкцию — с подкладным «туруем» и прочими хитростями. Так что, возможно, и хотел бы Курейский потягаться с русскими великанами, да только четыре сотни капканов были для него пределом. Зато какое знание тайги, характеров и повадок зверья! Тут он оставался чистым тунгусом. То и другое, объединившись в одном человеке, давало удивительный эффект: в 1972 г. Курейский сдал 230 соболиных и 180 белых шкурок (в том числе 190 соболей — из капканов).

А в целом происходило то, что и должно было происходить, — национальные культуры живущих вместе народов друг друга дополняли и обогащали. Сближались они естественно и постепенно. И, между прочим, не столько благодаря, сколько вопреки административному нажиму властей.

Фото Д. Дебабова из книги
Э. Регистана и Д. Дебабова
«Сладопыты далекого севера»

«Худые» люди

Л. МАМОНОВ

Что удивительно, работаю охотоведом Госохотнадзора уже не первый десяток лет, ко всему вроде бы должен притереться, ко многому привыкнуть, так ведь нет: как увижу в лесу зверя, погибшего от браконьерской пули, так прямо наваждение со мной какое-то приключается. Тоска просто давит, а к ней еще и чувство стыда примешивается. И вроде бы вины моей в произошедшей трагедии нет, но все равно... Стыдно за то, что факты злостного браконьерства еще случаются, стыдно за людей (если их так можно назвать), презревших закон, мораль, честь и стреляющих круглый год во все, что шевелится. Насмотревшись дешевых заграничных боевиков, возманили они себя суперменами. Для них жалость — удел слабых. Убийство ради убийства — вот их закон. И ладно бы еще, кушать им было нечего, а то ведь просто так, потешаются.

Вот и сейчас стою я весь потерянный и разглядываю творение рук отморозженных суперменов. Передо мной лежит туша трехгодовалого лося, начинающая уже распухать, как-никак июль месяц на дворе. То, что лось погиб именно от браконьерской руки, красноречиво говорит перебитая пулей его нижняя челюсть. Так что лось не просто погиб в результате браконьерского выстрела, а мучительной голодной смертью. Но стрелков-суперменов такие детали не интересуют. Оставаясь в душе, как правило, обычными трусами, браконьеры подранков не добирают, боясь лишний раз шуметь да светиться в лесу. Тут же невольно вспомнил о еще одном факте злостного браконьерства, произошедшем также в закрытые для охоты сроки в феврале месяце. На большом участке леса жил пятилетний кабан. Один на весь тот лес. Стараясь удержать его, егеря регулярно проводили подкормку, да все оказалось напрасно. Осталась от кабана лишь глубокая борозда в снегу, окропленная его кровью, да вот еще след чужого снегохода. По нему-то и вышли на браконьера. Молодой парень, работник милиции, а глаза, как костяшка домино: пусть-пусто. Спросил его, неужели не жаль было убивать кабана, ведь всего-то и был один на весь участок. «Нет, не жаль», — ответил он спокойным голосом, в котором не чувствовалось никакого раскаяния. Такому что

комара прихлопнуть, что кабана убить — без разницы.

А вот случай с косулей мне долго не забыть. В самом начале весны это приключилось, будь оно неладно. Ранним утром шел я по лесу, как вдруг где-то впереди громыхнул выстрел. Не успело смолкнуть эхо его, как я уже бежал туда, но не успел. Пробежав метров четыреста, услышал шум удаляющегося вездехода, а вскоре я наткнулся на след раненой косули и пошел по нему. Через некоторое время вышел на поляну, на которой спиной ко мне лежала косуля, услышав мои шаги, она не пошевелилась, только закинула голову как-то назад, вбок, посмотрела на меня глазами, из которых непрерывными бисеринками скатывались слезы, и тоненько закричала. Этот крик, в котором смешались и боль, и страдание, и страх смерти, буквально разрезал меня надвое. В жизни мне довелось испытать немало, считал я себя крепким мужиком, способным на многое, но вот посмотреть в глаза этой косули я так и не отважился и, дабы прекратить напрасные мучения животного, произвел выстрел ему в голову. Если бы в этот момент мне попался этот отморозок, но куда там. Этот «герой» катил уже далеко отсюда и, спокойно поплеывая из окошка своего вездехода, подыскивал себе новую жертву.

А с одним из таких же вот «стрелков» мне как-то довелось побеседовать на месте преступления. Дело было летом, сидел я с удочкой на берегу небольшого лесного озера да потихоньку таскал себе карасиков. Вдруг на том берегу появилась лосиха с теленком, который только начал познавать этот мир. Картина была настолько прекрасна, что я забыл про поплавков, наблюдая эту семейную идиллию, но, как оказалось, не я один наблюдал за лосями... Грянувший выстрел хлестко ударил по нервам, лишь на мгновение я перевел взгляд в ту сторону откуда произошел выстрел, а когда посмотрел в сторону лосей, то увидел, что лосиха лежит безо всякого движения. Теленок сначала отскочил в сторону, но тут же подошел и стал тыкаться носом в еще теплый бок матери. Сбросив болотные сапоги, я что есть силы бежал за мелькавшим впереди среди деревьев негодяем. Когда расстояние между нами значительно сократилось, тот, не ос-

танавливаясь, на ходу несколько раз выстрелил в мою сторону, но стрелял поверху в надежде на то, что я, испугавшись, прекращу его преследование. Отобрав у браконьера ружье, за шиворот приволок его на место трагедии. Лосенок, так и не понявший, что произошло с его матерью, продолжал тыкаться в нее носом, потом подошел к нам и ткнулся своим влажным носом в мою руку. Негодование буквально захлестывало меня, но я сдержался и насколько можно было спокойным голосом спросил у негодяя, какие эмоции он испытывает в данный момент. Взглянув на меня какими-то бесцветными глазами, тот лишь криво ухмыльнулся. Потом вдруг придал своему лицу деловое выражение и попробовал со мной «договориться по-хорошему». Свидетелей-то, мол, все равно нет, как докажешь, кто убил лосиху? Когда до него дошло, что «договориться по-хорошему» не получится, зло пробурчал в мою сторону: «Сам-то сколько зверья повалял, поболее моего будет». Да, за свою жизнь я добыл достаточно много различных охотничьих животных, но делал это по лицензиям и в разрешенные для охоты сроки, о чем и поведал этому горе-стрелку. «Да какая разница, — вскипел вдруг он, — тому же лосю, кто его убьет, и в какое время, и будет ли при этом лицензия. Ему что так, что эдак — все равно смерть!» «Лосю-то, понятно, большой разницы нет, — ответил я как можно спокойнее, — кто его убьет, охотник ли с лицензией, или отъявленный браконьер. А вот для людей разница есть. Во-первых, я не стреляю маток с потомством; во-вторых — не делаю подранков, обрекая их тем самым на долгую мучительную смерть; в-третьих — заплатив за лицензию (частенко неоправданно большие деньги), я прихожу в лес на охоту не как вор, а как законопослушный гражданин. Так что, повторюсь еще раз, лосю, конечно, без разницы, кто его убьет, а вот для охотника разница большая — вором ли он ходит по родной земле или хозяином».

Вот в таком ключе проводил я с этим негодяем разъяснительную беседу, а сам все вспоминал, как же называют подобных «стрелков», т. е. браконьеров, мои старые таежные друзья с Дальнего Востока, и вдруг всплыло: «худые люди». Добавить к этому нечего.

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; ксерокопии паспорта и страхового пенсионного свидетельства; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

Русская подсадная утка и ее стандарт

В. ЛОБАНОВ

Подсадная утка — это домашняя подружейная птица, обладающая специфическими, присущими только ей охотничьими качествами. Настоящая подсадная утка должна вести себя как полноправный участник охоты, не бояться выстрелов и охотника, быть азартной, стойко переносить все тяготы полевого быта и при этом обладать специфическим по своим свойствам голосом. По значимости подсадную утку можно сравнить с подружейной собакой, особые рабочие качества которой определяют успешность охоты.

В XII в. одним из распространенных промысловых способов охоты на крякву в Западной Европе стало применение подсадных уток. Для этих целей население в своих хозяйствах разводило и содержало в большом количестве уток, выведенных в результате одомашнивания кряквы (Алфераки¹; Фокин²). Впервые эти утки были описаны Ч. Дарвином³, как одна из пород домашних уток, под названием «криковые». Он ссылается на опыт охотников Великобритании, успешно применявших этих уток для спортивной охоты на крякву. С применением подсадных уток промысел кряквы проводился при их массовых скоплениях как во время осеннего пролета, так и на зимовках. Подсадные утки обычно применялись для приманивания диких уток в сети и ловушки и, реже, при ружейной охоте.

В России среди населения бассейна реки Волги охота на крякву с подсадными утками в виде промысла зародилась скорее всего в конце XIX столетия. Если в среднем течении Волги охота проводилась в местах осеннего скопления пролетных водоплавающих, то южнее — на их зимовках. Обычно подсадные утки применялись для заманивания кряквы в сети и различные ловушки (Алфераки). Широкое развитие охоты с применением подсадных уток связано с высотой ее добычливостью при сравнительно небольших затратах времени и сил. Успешность этого промысла целиком зависела от рабочих качеств подсадных уток. Скорее всего domestикация кряквы и получение подсадной утки было результатом приручения утят, полученных при инкубации под курицей-наседкой или домашней уткой. Довольно узкая цель искусственного отбора, направленная на по-

Подсадная утка высажена для работы

Фото из архива В. Лобанова

лучение определенных голосовых качеств, и дала основное направление селекции подсадной утки. В данном случае селекция подсадных уток целенаправленно велась на совершенствование аттрактантных (призывных) голосовых свойств, что, в конечном счете, определяло их добычливость на охоте. Возникновение подсадной утки как породы — один из ярких примеров народной селекции.

Возникновение ружейной охоты с подсадными утками связано с разработкой и массовым производством казнозарядных ружей. До этого среди охотников ружейная охота на дичь была привилегией зажиточных слоев населения в связи с дороговизной охотничьего оружия и боеприпасов. До середины XIX века на Руси охота проводилась исключительно по «красной дичи», к которой не причислялись утиные. И только с началом производства сравнительно недорогого охотничьего оружия и вовлечения в число охотников среднего сословия и крестьян добыча водоплавающей дичи стала пользоваться большей популярностью. Именно в этот период на охоте по диким уткам начали применяться подружейные подсадные утки, потомки промысловых подсадных, обладавшие хорошими манерными качествами голоса.

Как ни странно, но после описания подсадной утки, проведенного Ч. Дарвином³ в конце XIX века, эта утка, разводимая в Западной Европе и России почти триста лет, не привлекала к себе внимания специалистов-птицеводов и охотоведов вплоть до середины XX века. В России, по существу являясь народным промыслом, охота с подружейной подсадной уткой долго не вошла в число «благородных» охот, а селекционеры-птицеводы относили под-

садных уток к беспородным (Осипов⁴). И только в 50-х годах в работах Н. А. Горюнова⁵, Ларионова и Панкратьева⁶ она впервые упоминается как порода «русская подсадная утка», хотя из других публикаций известны и другие ее названия: «русская охотничья», «подсадная», «криковая», «круговая», и т. п. (Русанов⁷; Рябов⁸). На Зоологической станции МГУ В. Ф. Ларионовым и Г. В. Панкратьевым впервые были проведены сравнительные исследования весовых и экстерьерных параметров подсадной утки и кряквы, показавшие достоверные различия между ними.

В. В. Рябов в книге «Охота по перу» (1980) подробно описывает различные способы охоты с подсадной уткой. Он впервые приводит описание породных групп подсадных уток, образовавшихся в результате изолированного содержания в различных регионах России (тульская, саратовская, воронежская, семеновская).

Большой вклад в изучение вопросов, связанных с содержанием, особенностями поведения и приемами охоты с подсадной уткой внес Я. С. Русанов. Его книга «Подсадная утка и охота с ней» (1975) стала настольным пособием для многих охотников.

Исследования по сравнению весовых и морфо-биологических характеристик подсадных уток, диких и парковых

¹ Алфераки С. Н. Очерки утиных охот. Справочник. — М., ООО «ПТП Эра», М., Изд. Дом Рученькиных», 2004. — 208 с.

² Фокин С. Ю., Костин И. О., Чернов В. В. Биоакустические основы отбора подсадных уток по голосам. Дичеразведение в охотничьем хозяйстве. Сб. научн. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. М., 1985.

³ Дарвин Ч. Изменение домашних животных и культурных растений. Собр. соч. Происхождение видов, т. 4, гл. VIII, под ред. Е. Н. Павильщикова, изд. АН СССР, М., 1954.

⁴ Осипов А. Разведение уток с хозяйственной и промышленной целью. М., 1930.

⁵ Горюнов Н. А. Разведение уток. М., Сельхозиздат. 1958.

⁶ Ларионов В. Ф., Панкратьев Г. В. Русские подсадные утки. Ж-л. Птицеводство. 1955, № 4.

⁷ Русанов Я. С. Подсадная утка и охота с ней. М., Лесная промышленность, 1975.

⁸ Рябов В. В. Охота по перу. М., Лесная промышленность, 1980. 237 с.

крякв были проведены в 80-х годах в ЦНИИЛ Главохоты РСФСР и там же — сравнительные биоакустические исследования голосов крякв и подсадных уток (Фокин и др.⁹). Сравнение призывных сигналов кряквы и подсадной утки показало их отличия, причем диапазон изменчивости голосовых вариаций у подсадных уток значительно шире, чем у кряквы, и обладает большей аттрактантностью, что значительно повышает охотничьи качества последних.

В результате предыдущих исследований были установлены достоверные отличия экстерьерных признаков кряквы и подсадной утки, а также выявлены и зафиксированы критерии голосовых вариаций подсадной утки, весьма отличные от кряквы, что позволило выделить подсадную утку как домашнюю породу и целенаправленно вести селекционный отбор «по голосам» и выведение подсадных уток, обладающих хорошими манными качествами (Фокин и др.).

Всестороннее изучение биологии подсадной утки было начато нами в 1986 году на охотничьей базе «Борки» госохотхозяйства «Смоленское» МСХ СССР. В 1994 году исследования были продолжены в фермерском хозяйстве «Золотые петушки» Красногорского района Московской области, в котором в 2001 году был организован «Опытный питомник подсадных уток и манных птиц Клуба любителей охоты с подсадными и манными птицами» (КЛОС-ПИМП). Для этих целей в хозяйстве было собрано поголовье подсадных уток из ГОХ «Смоленское», «Загорское», питомника ЦНИЛ Главохоты, ряда охотничьих хозяйств и в основном от заводчиков из разных районов Московской области и прилегающих к ней областей.

У изученного нами поголовья подсадных уток, прибывших в питомник от разных заводчиков и из разных регионов России, преобладают общие основные экстерьерные и интерьерные критерии, стойко передаваемые по наследству и характеризующие поголовье как породу. Также выявлены достоверные отличия между подсадной уткой и кряквой в морфометрии, поведении и оометрии.

Длительная селекция подсадной утки в условиях домашнего содержания привела к необратимым изменениям ее экстерьерных и весовых характеристик, отличающих ее от кряквы и других пород уток. У подсадной утки, по сравнению с кряквой, увеличилась на 20 % масса тела, уменьшилась относительная масса легких, сердца и несущая поверхность крыла, произошло укорочение клюва на 10 %, уменьшилась масса мышц летательного аппарата.

Подсадная утка также достоверно отличается от кряквы по темпам роста и развитию в онтогенезе.

Как показали исследования результатов полевых испытаний подсадных уток, в случаях увеличения морфометрических параметров у крупных подсадных уток наблюдались такие нежелательные изменения, как ухудшение манных свойств голоса и снижение охотничьих качеств. Крупные утки не могут долго находиться в воде, намокают, стремятся на берег и прекращают работать.

Для статистического анализа были выбраны 6 показателей, характеризующих длину тела, крыла, цевки, длину и ширину клюва, а также длину клюва с головой. Эти показатели наиболее объективно отражают степень доместикации (Боголюбский¹⁰) и методически являются наиболее точными, т. к. относятся к тем частям тела утки, которые не подвержены сезонным изменениям. Всего было промерено 1169 подсадных: 645 уток и 524 селезня. Морфологической обработке подвергались только те птицы, экстерьерные и интерьерные признаки которых соответствовали Проекту стандарта на Русскую подсадную утку.

Для морфометрических промеров были выбраны следующие параметры частей тела подсадной утки.

Длина тела. Измерение производится от кончика клюва до кончика хвоста. Птица распластывалась на спине по широкой линейке. Этот параметр характеризует общую величину тела утки;

Длина крыла. Измеряется согнутое и прижатое крыло от сгиба до кончиков махового пера. Таким образом контролируется динамика изменений параметров рабочей части крыла;

Длина цевки. Измеряется длина цевки от локтевого сгиба до сгиба среднего пальца.

Клюв. Проводится два измерения клюва: длина — от коготка до начала оперения за восковицей на верхнем надклювье. Ширина — в самой широкой части верхнего надклювья.

Длина головы с клювом — от коготка до затылка головы утки.

В условиях домашнего содержания подсадные утки, как и другая домашняя птица, получают корм из кормушек. Причем одновременно кормится все стадо. Это изменило пищевое поведение подсадных уток. Совместное поедание корма в условиях конкуренции принуждает уток поглощать его быстро. Для этого наиболее удобен небольшой, но широкий клюв. Подобное изменение клюва впервые было отмечено Ч. Дарвином (1868) в результате сравнительных остеологических исследований челюстного аппарата кряквы и подсадной утки. Сравнительные морфометрические исследования, проведенные нами в питомнике КЛОСПИМП,

подтвердили тенденцию укорочения длины надклювья и увеличения его ширины по сравнению с надклювьем кряквы.

Подсадные утки постоянно попадают в сложные условия для размножения. До начала весенней охоты размножение подсадных уток нежелательно, так как оно отрицательно влияет на рабочие качества подсадной. Поэтому в этот период от них отсаживаются селезни и из гнезд убираются яйца. Период яйцекладки подсадной утки, по сравнению с кряквой, сильно растянут. Начало брачного поведения, с последующим несением яиц, у подсадных начинается уже в феврале, в случаях, когда во время продолжительных оттепелей днем t достигала $+10^{\circ}\text{C}$. Весной, после установления среднесуточной t выше $+5^{\circ}\text{C}$, несмотря на то что в это время селезни отсаживаются, утки начинают активно нестись, порою разбрасывая яйца по всему вольту. В самый благоприятный период размножения утки находятся на охоте, порою в экстремальных условиях, близких к стрессовому состоянию. После охоты утки теряют в весе и им требуется определенное время для того, чтобы привести себя в порядок, найти и построить гнездо. Получив возможность сесть на гнезда лишь в конце репродуктивного периода, они делают небольшие кладки (5–6 яиц), причем оказывается большой процент яиц-болтунов. Бывают случаи, когда утки не строят гнезда, а яйца сносят где попало.

Размеры яиц подсадных уток: 44.5–67.7х32.3–46.9. Средние их размеры достоверно больше, чем у кряквы, соответственно: 56.1х39.6 и 53.5х39. В условиях птичника подсадным уткам приходится устраивать гнезда в ограниченном пространстве, используя гнездовые ящики, состоящие из 3–5 секций. В этих условиях утки нередко устраивают двоянные гнезда. Каждая насиживает свою кладку, но со временем эти кладки сливаются в одну. После того как утята более ранней кладки покидают гнездо, с ними уходят обе утки, бросая насиженные яйца. В том случае, когда подсадные утки содержатся полувольно, они устраивают индивидуальные гнезда в природных биотопах вблизи птичника, часто в самых неожиданных местах около построек, в бурьяне, кучах мусора и т. п. Однажды подсадная утка устроила гнездо в старом хомуте, брошенном около ворот конюшни.

После вывода утят утки приводят их в птичник, где они объединяются с другими выводками. Такое объединение позволяет уткам лучше охранять свои выводки от хищников. Причем они смело нападают на приблизившегося к выводкам человека.

В птичниках подсадные утки-наседки часто объединяют выводки, если разница возраста утят составляет не более 10 дней. Более поздние выводки они встречают агрессивно, и если уткам-наседкам не удастся увести утят

⁹ Фокин С. Ю., Костин И. О., Чернов В. В. Биоакустические основы отбора подсадных уток по голосам. Дичеразведение в охотничьем хозяйстве. Сб. науч. тр. ЦНИЛ Главохоты РСФСР. М., 1985, с. 96–112.

¹⁰ Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., Советская наука, 1959.

на безопасное расстояние, то утята из таких выводков могут быть уничтожены.

У подсадных уток отсутствует миграционный инстинкт. Даже в условиях вольного содержания подсадные утки, улета кормиться в близлежащие угодья, всегда возвращаются домой, в птичник. Известны факты, когда некоторые заводчики-егеря не «подперивали» своих подсадных и сразу после охоты освобождали их от поводка и выпускали в угодья. Утки неизменно возвращались домой. В окрестностях Тулы мы наблюдали, как подсадные утки, содержащиеся вольно у заводчиков, утром улета на протекающую вблизи р. Тулянку, но к вечерней кормежке возвращались обратно. В фермерском хозяйстве «Золотые петушки» содержащиеся вольно подсадные утки утром и вечером поднимались всей стаей и улета, совершая круг диаметром примерно 3 км, при этом пролетали над водными угодьями, но неизменно возвращались домой. В питомнике КЛОС-ПИМП подсадные утки, которым по разным причинам удавалось освободиться от поводка или ногавки, несколько раз возвращались из близлежащих охотничьих угодий. Причем, будучи «подперенными», они возвращались домой пешком. В октябре 2003 года 15 подсадных уток, будучи напуганы ястребом-тетеревятником, улета на расположенный недалеко водоем, заросший по берегу рогозом. До начала ноября они обитали здесь, а после того как водоем замерз, пришли пешком по первому снегу в питомник.

Эксперименты с выпуском подсадных уток вблизи питомника показали, что у подсадных уток можно развить хоминг. Это позволит содержать уток в хорошей форме, особенно если они до этого были в закрытых вольерах.

На основании полученных данных был разработан Проект стандарта на породу «Русская подсадная утка», который позволил закрепить ее экстерьерные и морфометрические характеристики для ведения селекционной работы, направленной на сохранение ее экстерьерных и охотничьих качеств. Доработка Проекта проводилась во время экспертных оценок подсадных уток, проведенных на птицеводческих выставках.

Внешний вид. Русская подсадная утка сравнительно крупнее кряквы, но мельче, чем другие породы уток. «Русская подсадная» по своему происхождению ближе всего к дикой крякве и внешне очень похожа на нее. Это небольшая птица, компактная, плотного сложения, подвижная, хорошо передвигается по земле, охотно идет в воду, летает. Оперение жесткое, плотно прилегающее к телу. Селезень крупнее утки и более ярко окрашен.

Голова небольшая, закругленная, с выпуклой макушкой и покатым лбом. Клюв средней длины, типичный для кряквы, ровный, с загнутым кожистым ноготком. На внутренней стороне надклювья должны хорошо просматри-

ваться бугорки в количестве не менее трех. Считается, что большое количество бугорков является признаком хороших голосовых качеств утки. Длина клюва для селезня — не более 61,5 мм, для утки — 52,2 мм; ширина: для селезня — не более 26,6 мм, для утки — 25,1 мм. Длина клюва с головой; для селезня — 113,5 мм, для утки — 109,6 мм. Глаза достаточно большие, расположены почти на середине головы. Лицо полностью оперенное. Шея короткая, изогнута, как и у обыкновенной кряквы. У утки перья задней части шеи образуют жесткую гривку, располагающуюся по всей ее длине. Тело вытянутое, компактное, поставленное горизонтально. Допустимая длина тела для селезня составляет 575,1 мм, для утки — 570,3. Спина узкая, длинная, почти горизонтальная. Грудь широкая и полная, округлая. Крылья длинные, доходят до половины хвоста, высоко расположенные, с узкими маховыми перьями, плотно прилегающими к телу. Длина крыла для селезня не более 290,7 мм, утки — 275,7 мм. Живот длинный, не слишком заметный, плотный и весьма округлый, без киля и подчревя. Хвост довольно короткий, сердцевидной формы, у селезней в брачный период 2—4-е средние рулевые завиты колечком. Голены полностью покрыты перьями, заметна только их нижняя часть. Перья, кроющие голень, расположены горизонтально и плотно прилегают к телу. Длина цевки для селезня — 61,9 мм, утки — 59,6 мм.

Селезень. Общая окраска состоит из сочетания серого, каштаново-бурого и черного цветов с металлическим отливом. Голова и передняя часть шеи с металлическим блестящим отливом. За ярко расцвеченной частью шеи следует беловатое кольцо, прерванное наверху. Задняя часть шеи и передняя часть спины бурые, с мелкими серыми поперечно-волнистыми линиями, особенно развитыми на плечевых перьях. Задняя часть спины и надхвостье черные, с зеленым металлическим отблеском. Брюхо и бока тела серовато-белые, с мелкими бурыми поперечно-волнистыми линиями. Подхвостье черное, с металлическим отливом. Рулевые перья с белыми каймами. 2—4-е рулевые черные, завитые колечком. Первостепенные и второстепенные маховые крыла черные, а остальные серовато-белые. Большое фиолетовое зеркальце спереди и сзади ограничено сначала белой каймой, а затем и бархатисто-черной. Количество перьев, составляющее фиолетовое зеркало, колеблется от 5 до 10, причем площадь фиолетового пятна на перьях сокращается от центра зеркала к периферии. Клюв оливково-зеленый, заканчивается кожистым ноготком. Ноги желто-красные. Селезень в межбрачном наряде по окраске, в общем, сходен с взрослой уткой, но зоб коричнево-бурый, темя, уздечка и полоса над глазом черноватые.

Утка. Общая окраска рыжевато-бурая с пестринами. Грудь и брюхо более

светлые, чем тело. Голова: верх (шапочка) темный (черновато-бурый). Лицо серое с пестринами. Некоторые разновидности имеют более светлое или более темное лицо. Бровь: над глазом хорошо просматривается беловатая полоса. Уздечка черновато-бурая, идет от клюва через глаз. Ус: небольшая полоска черновато-бурого цвета идет от края рта в виде запятой. Горло имеет светловато-охристое пятно, захватывающее верхнюю часть шеи. Передняя часть шеи светло-рыжая (возможно с редкими пестринами). Задняя часть более темная, образует небольшую гривку из жестких перьев. Грудь и брюхо — рыжевато-бурого цвета. Перья, кроющие голень, рыжевато-бурые, с более крупными пестринами. Спина рыжеватая, с более темными каймами перьев. Первостепенные и второстепенные маховые перья темно-бурые. Кроющие крыла рыжевато-бурые. Окраска зеркальца — как и у селезня. Коготок клюва черный. Надклювье двухцветное. Кончик клюва (сразу за коготком) и его основание более светлые. Ноги желто-красные.

Молодая птица сходна с взрослой уткой. Брюхо покрыто большим количеством резко выделяющихся темно-бурых пятен. Пальцы и цевка грязно-телесного цвета, перепонки черноватые.

Пуховой птенец очень похож на птенца дикой кряквы. Спинная сторона темно-оливкового цвета с двумя парами желто-белых пятен сзади крыла и с обеих сторон поясницы. Окраска брюшной стороны серо-желтая, переходит с возрастом в желто-палевую, щеки светло-рыжего цвета. От верхней части клюва через глаз до затылка проходит темная узкая полоска, в области уха темное пятно. Ноги оливково-серые, такого же цвета и клюв с розовым коготком.

Допустимые недостатки. Возможна более светлая или более темная окраска оперения, вплоть до рыжеватой, характерной для «волоколамской популяции». Возможны также некоторые вариации морфометрических параметров в пределах стандартного отклонения. В стандарте дано описание признаков номинальной породы, но в настоящее время известно несколько породных групп, в ту или иную сторону отличающихся от номинала, но не выходящих за пределы основных параметров.

Недопустимые недостатки. Рыхлое телосложение, наличие складки на животе. Хорошо выраженный хохол на голове утки, изменение конфигурации перьев, кроющих голеней, которые загибаются вниз и закрывают более трети голени, любые отклонения от номинальной окраски и особенно наличие белых перьев и белых отметин на груди и т. п. Изменение в окраске лица; отсутствие бровей, уздечки и уса, а также превышение размеров частей тела относительно приведенных в стандарте морфометрических показателей.

30 мая - 2 июня
2007

Москва, ВВЦ,
павильон № 69

фото О. Пантелеева

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В соответствии с приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 29 июня 2006 г. № 190, на территории Всероссийского выставочного центра с 30 мая по 02 июня 2007 г. пройдет 2-я специализированная выставка «Животный мир России-2007» (Охотничье хозяйство, охотничьи трофеи, таксидермия, охотничий туризм).

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ МЕРОПРИЯТИЯ:

- * поддержка отечественных охотопользователей - производителей охотничьей продукции и охотничьих услуг;
- * распространение передового опыта, повышение эффективности работы охотничьих хозяйств России;
  - * восстановление охотничьего хозяйства России как самостоятельной отрасли;
  - * формирование положительного общественного мнения, популяризация и пропаганда рационального использования природных ресурсов животного мира России.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ ВЫСТАВКИ:

✂ Охотничьи ресурсы и их охрана	✂ Оружие и боеприпасы
✂ Охотничьи и рыболовные хозяйства	✂ Луки и арбалеты
✂ Охотничий туризм	✂ Охотничье снаряжение
✂ Охотничьи трофеи	✂ Оптика и приборы навигации
✂ Таксидермия	✂ Специализированный транспорт
✂ Национальные традиции охоты	✂ Спецодежда и экипировка
✂ Пушнина и меховые изделия	✂ Народные промыслы
✂ Звероводство и разведение животных	✂ Произведения искусства
✂ Заповедники и национальные парки	✂ Сувенирная продукция
✂ Экологический туризм	✂ Литература и СМИ

ДЕЛОВАЯ ПРОГРАММА:

научно-практическая конференция «Охотничье хозяйство и охотоведение»;
конкурсы «Лучшие охотничьи трофеи», «Лучшее охотничье хозяйство России»; круглые столы и семинары;
выставка охотничьих собак; соревнования лучников; соколиная охота.

Участникам выставки предоставляется право на реализацию их товаров и услуг,
в том числе охотничьим хозяйствам - охотничьих туров и путевок на охоту в осенне-зимний сезон 2007 года.

ПРИГЛАШАЕМ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ВЫСТАВКЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ ВЫСТАВКИ:
Министерство сельского хозяйства
Российской Федерации,
ОАО «ГАО «ВВЦ»
ООО «Природа Экспо»
ОАО «СВК ВВЦ»

ДИРЕКЦИЯ ВЫСТАВКИ:
129223, Москва, Проспект Мира, 119,
ВВЦ, павильон № 69, «СВК ВВЦ»
Тел.: 8 (499) 760-3335, 760-3831, 8 (495) 544-3416
Факс: 8 (499) 760-3378
e-mail: ostanin@svkvvc.ru, valahov@svkvvc.ru

Весенняя охота на камчатских медведей

И спокон веков на Камчатском полуострове проводилась весенняя охота на медведей.

В настоящее время такая охота открывается на Камчатке ежегодно сроком на месяц — с конца апреля до конца мая. Это наиболее рациональный и добычливый период. На фоне довольно глубокого снега медведь хорошо заметен, после выхода из берлоги достаточно упитан, его вылинявшая шкура великолепна и первосортна, он более доступен охотнику, чем осенью. Весенняя охота сокращает количество подранков до минимума, кроме того, она дает возможность проводить селекционный отстрел.

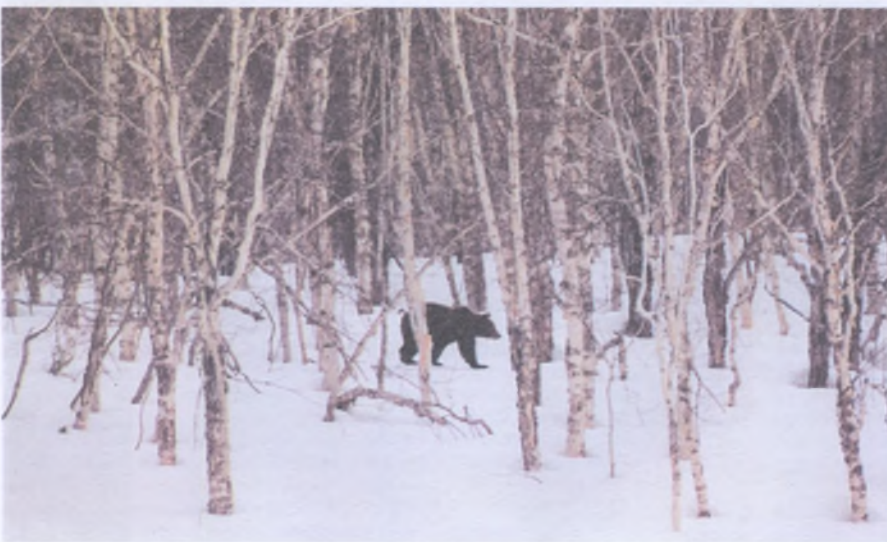
Охота на медведя проходит, как правило, с подхода. Скрадывают зверя или во время кормежки, или на солнцепеке, когда он отдыхает. Использование снегоходов с нартами для преследования, нагона и отстрела медведей запрещается, поэтому их применяют только как средства доставки охотников в места предполагаемой охоты, а также для транспортировки добытых трофеев в охотничий лагерь.

Покинув берлогу и очистив прямую кишку от «пробки», медведи держатся в поясе кедровых стлаников, свободно перемещаясь по насту в поисках корма. В стланиках звери устраивают дневки и ночные лежки. При хорошем прошлогоднем урожае перезимовавшие орешки стланика служат высококачественной пищей в период весенней бескормицы. Весной медведи кормятся целые сутки, поэтому проводить охоту можно весь световой день.

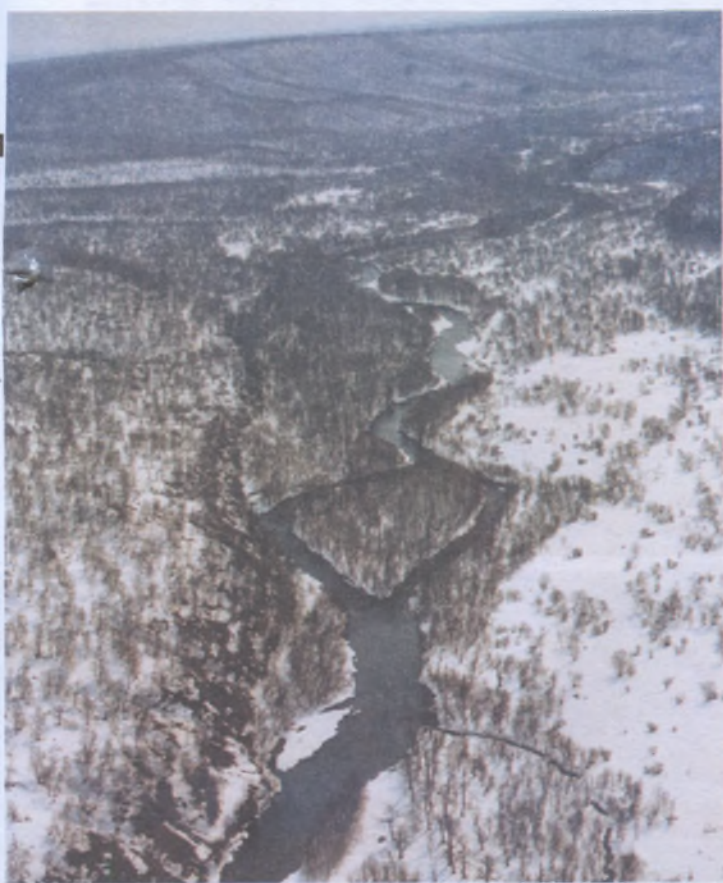
Не так-то просто добыть крупного взрослого зверя. Если он дожил до больших размеров и лет, то наверняка обладает сверхосторожностью, сообразительностью, ловкостью и смелостью. Чаще всего под выстрелы попадают медведи молодые и средних лет. Добыть крупного зверя с длиной шкуры от кончика носа до кончика хвоста в 2 м 70 см и более удается немногим, это считается большой удачей.

Численность медведей всегда необходимо регулировать. При современном уровне добычи, рассредоточенной по всей территории Камчатки, угрозы сокращения популяции медведей нет. Камчатский медведь — ценный охотничий трофей. Шкура и череп основные трофеи. Кроме того, жир медведя обладает целебными свойствами, а желчь употребляется для лечения различных заболеваний.

Сергей ТИШКЕВИЧ
Фото автора

Знакомьтесь:

зеленая

щурка

Л. МАЛОВИЧКО,
доктор биологических наук
Фото В. Мосейкина

Любимое лакомство — стрекоза

Родители с кормом

В первых числах мая высоко в небе раздается нежный птичий голос: «тири-тири...». Постепенно он усиливается: кажется, что где-то под землей звонят стеклянные колокольчики. Проходит еще две-три секунды, и над жаркой степью появляются миниатюрные, окрашенные в яркие зеленые цвета птицы. Это зеленые щурки! Их становится все больше и больше; скоро над степью реют уже десятки птиц. Их крылья распростерты, длинный хвост раскрыт веером, солнечный свет проникает через оперение. Чудесное зрелище! Особенно когда птицы, описав плавную дугу, снижаются. Их тела вспыхивают в солнечных лучах изумрудом. Великолепное оперение переливается, попеременно сверкая то голубым, то зеленым. Птицы обращают на себя внимание изяществом фигурок, легкостью полета. Но вот красочный воздушный хоровод постепенно исчезает в пещерках, где гнездятся щурки.

Так она отдыхает

верхушках кустов, но не на боковых ветвях, как золотистая щурка, и летает не так высоко и не так далеко. В Ставропольском крае гнездится в полупустынной зоне, где растет тамариск. Предпочитает песчаные почвы для устройства нор.

Длина норы может достигать более 2 м. Она хорошо защищает птиц и их потомство и от горячих солнечных лучей, и от весенних ливней, и от хищников. Чтобы выдолбить нору, щуркам приходится усердно трудиться почти целую неделю. Длинным острым клювом они взрыхляют землю, а лапками (велосипедными движениями) выгребают ее. За время работы выбрасывают до 10 кг грунта, а клюв щурок значительно стирается, но быстро отрастает снова. В конце норы туннель расширяется, образуя помещение, напоминающее по форме опрокинутую сковороду. В гнезде нет никакой выстилки, и самка откладывает на голую землю 3—7 белых, блестящих, почти круглых яиц. Насиживает кладку 18—20

дней, а самец кормит ее и охраняет гнездо. Птенцы щурок появляются на свет голыми, недоразвитыми, с глазами, скрытыми под кожистой складкой. Малыши проводят в гнезде 26—28 дней. Растут они быстро и постоянно просят еду. Во время кормления выводка родители приносят корм более 400 раз в сутки! Когда птенцы начинают оперяться, родителям приходится прилетать с добычей почти непрерывно. Каждый птенец стремится занять позицию поближе к входу в туннель. Если птенец, получивший корм, место не уступает, остальные птенцы оттягивают его за хвост. В борьбе за еду выживают наиболее сильные и здоровые. Часть выводка в каждой норе погибает. Так survives закон естественного отбора. Погибших птенцов родители затапывают в норе. Непереваренные остатки пищи отрыгиваются птенцами в виде сырых маленьких комочков, которые затем высыхают и рассыпаются. По этим остаткам изучают питание щурок. В кон-

це июля родители выманивают из норы уже оперившихся птенцов, способных летать. Взрослые птицы обучают их ловить насекомых, но почти до самого отлета на юг они подкармливают молодых.

Корм для птенцов щурки выбирают разнообразный: стрекозы, пчелы, жуки, мухи, бабочки... В переводе с латинского щурка — пчелоед. Но преувеличивать ущерб, наносимый ими пчеловодству, не стоит. Зеленая щурка питается в основном насекомыми средних и крупных размеров (около 82 % рациона — прямокрылые), летающими в дневное время на открытых участках — над лугами, полями, водоемами. С присады преследует различных насекомых размером от 5 до 40 мм на высоте 40—50 м от поверхности земли. А в поисковом полете они поднимаются до 100 м и выше, добывая в основном мелких насекомых. Крупных насекомых щурки преследуют преимущественно бреющим полетом, чередуя его с быстрыми взмахами крыльев.

В ожидании родителей

Схватывают добычу чаще снизу или сбоку, при этом птица переворачиваясь, как бы «ныряет» под жертву. При поиске добычи обычно слышен щелчок клювом. Зеленые щурки в основном проводят время на земле. Ночуют в тростниках или на невысоких деревьях, иногда на земле. Часто купаются в пыли, избавляясь от паразитов. Осенью объединяются в стаи, иногда вместе с золотистыми щурками, и летят вдоль Каспия на юг: в Африку, Аравию и Индию. И большие расстояния эти нарядные птицы преодолевают не хуже, а часто лучше других пернатых. Они преодолевают в день до 500 км (с посадкой на обед).

Часто их норы занимают скворцы, воробьи, удопы, сизоворонки, сычи, галки. Врагов у щурок немного — мелкие соколки, ласки, змеи, заползающие в норы, и одичавшие кошки. В Ставропольском крае зеленая щурка внесена в Красную книгу.

Остается пожелать Андрею Севастьяновичу Раку доброго здоровья, многих лет полноценной жизни, наполненных интересами нашего коллектива.

С. ПРИКЛОНСКИЙ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЮБИЛЕЙ

В Окском заповеднике отметили юбилей известного биолога-охотоведа Андрея Севастьяновича Рака. В 2006 году ему исполнилось 90 лет. С детства полюбив родную природу и пристрастившись к охоте, он раз и навсегда избрал свой путь. После школы и четырех лет работы на производстве он поступил во Всесоюзный зоотехнический институт пушно-сырьевого хозяйства (ВЗИПСХ), после чего всю жизнь (до выхода на пенсию) работал охотоведом и руководителем различных охотничьих и природоохранных организаций страны.

Окончив институт в 1942 г., Андрей Севастьянович был сразу же призван в армию и направлен на фронт. В действующей армии служил до Дня победы и только к концу 1945 г., как специалист народного хозяйства, был демобилизован и направлен на работу по полученному в институте профилю: вернулся в Рязань на должность охотоведа областной Госохотинспекции. Здесь он проработал до марта 1951 г., после чего был назначен Главным Госохотинспектором Грозненского облисполкома. Работа А. С. Рака в Чечено-Ингушетии (Грозненская область) протекала в строгом соответствии с тогдашними порядками. На него легло восстановление охотничьего хозяйства этой республики. Была налажена охрана охотничьей фауны, проведены первые учеты численности охотничье-промысловых животных, осуществлялся контроль за их добычей.

В июле 1957 г. Андрей Севастьянович был «переброшен» в Окский заповедник. Он проработал директором Окского заповедника 20 лет. Научные проблемы, которыми занимались сотрудники заповедника, живо его интересовали. А. С. Рак — автор более десятка крупных научных статей. Не оставались за чертой интересов директора и хозяйственные дела. Центральная усадьба ОГЗ — пос. Брыкин бор — соединена с районным центром дорогой с твердым покрытием (18 км), началось восстановление охранной зоны, организован питомник чистокровных кавказско-беловежских зубров. После ухода на заслуженный отдых Андрей Севастьянович активно участвует в работе ученого совета заповедника, в жизни его коллектива.

А. С. Рак не только охотовед, но страстный охотник и рыбак. Он заслуженно гордится многими трофеями: добытыми в окладах лисами, горными козлами, кабанами. На горных реках Чечни он успешно ловил форелей, а в Охранной зоне ОГЗ как-то поймал пудовую щуку.

Остается пожелать Андрею Севастьяновичу Раку доброго здоровья, многих лет полноценной жизни, наполненных интересами нашего коллектива.

Состязания, ожидаемые как праздник, но открывшие множество проблем

Н. ШАРОВА, эксперт I категории, Москва

В прошедшем году впервые в России под эгидой РФОС был проведен первый открытый полевой чемпионат собак легавых пород «Памяти Гернгросса, Сороть-2006». Он был инициирован и организован питерскими энтузиастами-охотниками, любителями легавых. Ими же были предоставлены уголья в Псковской области, на реке Сороть, и комфортабельная база; собраны две экспертные комиссии, на сайте Hunt Club дана подробная информация о правилах проведения данного мероприятия, проезде к месту состязаний. Спасибо питерцам за превосходную идею и за их труд по ее воплощению в жизнь.

В чем же уникальность этих состязаний? Здесь могли выступать только собаки-перводипломники, победители и призеры соревнований 2005—2006 годов, а также допускались молодые собаки, получившие приз «Лучшей молодой собаке» сезона 2005—2006 гг. По идее организаторов каждая собака выступала два раза. Это давало ей дополнительный шанс, а всем судьям — возможность просмотреть всех участников и получить полную картину их качества и подготовленности.

Ожидания были велики. Члены экспертных комиссий, одну из которых возглавлял эксперт Республиканской категории В. И. Солганик (Москва), другую — эксперт Республиканской категории А. З. Турок (Минск), были уверены, что получат большое удовольствие от просмотра высококлассных легавых, что судейство будет интересным и быстрым. Ведь все собаки — лучшие из лучших!

Всего на Сороти было 57 выступлений собак, из них две — пойнтер и ирландский сеттер — из Киева, курцхаар из Минска и пойнтер из Финляндии. Последний абсолютно не подготовлен к нашим условиям, но интересный по стилю, быстрый и очень послушный. Оговорюсь, что буду говорить только о том, что я видела, о своих ощущениях и впечатлениях.

До начала соревнований, по приезду, ощущение праздника было полным. Мне есть с чем сравнивать. Я со своими английскими сеттерами ч. Ассоль и ч. Ассоль-Геллой выступала на двух всесоюзных и нескольких республиканских смотрах, на матчах между командами Белоруссии, России и Украины, не раз участвовала и в судействе. Подобные выезды — всегда праздник, радость от встреч с друзьями, от просмотра новых хороших собак, обмен

информацией. Но от данных состязаний ждали чего-то особенного. Здесь не могло быть случайных собак, поскольку все они высококлассные по своим результатам.

Что такое высококлассная собака? Прежде всего это яркий, блестящий типичный представитель породы, т. е. имеющий высшие баллы за стиль. Классная собака не может быть скучной, она должна быть азартной, отлично поставленной, ее челнок должен быть плотным (по чутью), широким, равноплечим, т. е. таким, чтобы не было сомнений, что после ее прохода по угольям осталась не найденная птица (это особенно важно для успешной охоты), ее ход должен быть быстрым, поиск управляемым, она должна иметь сильное и верное чутье. Не удивляйтесь, что чутье я поставила на последнее место. Собака — живое существо и выступает на живой природе, которая не всегда предоставляет лучшие условия. Даже с сильным чутьем при слабом или излишне сильном, хуже того — рваном ветре наши питомцы не могут показать ожидаемую дальность и верность. Кроме того, они имеют право просто неважно себя чувствовать. Но их класс-то при этом никуда не исчезает! Много ли таких собак нам

показали на Сороти? Увы, нас ждало разочарование. Оговорюсь, это не относится к пойнтерам — здесь был их праздник. Три первых места — за ними. Победителем с двумя дипломами второй степени стал Атос В. Селиванова из Рязани, вторым и третьим стали питерские собаки Анжу О. Носкова (отец Атоса, он же призер за лучший породный стиль) и Дакки А. Карнауха. Высокопородные, напористые, как и должно быть, нагловатые, хорошо поставленные пойнтеры доставили экспертам большое удовольствие. Вот на таких смотреть не скучно! Таких мы и ожидали здесь увидеть! Они настоящие победители, охотники, бойцы!

Хорош по стилю призер по этому показателю в своей породе — шотландский сеттер из Москвы Один Е. Смирновой. У него хорошо поставлен поиск, он быстр и послушен. Эта собака диплома не получила, ей не повезло с птицей, вернее с ее отсутствием (отсюда и пустые стойки, за которые Один был снят), но она запомнилась и стоит того, чтобы воспроизводить потомство, так как это — классный типичный гордон!

Совсем не плохо выглядели английские сеттеры не по количеству дипломов, а по стилю, постановке. К сожа-

Победитель чемпионата «Памяти Гернгросса, Сороть-2006» — Атос В. Селиванова, 2 диплома II степени (Рязань)

Лучший стиль работы английского сеттера — А-Лорд-Нестл А. Костяева, диплом II степени (г. Жуковский Московской области)

лению, непохож на себя был владелец Глории-Грейс А. Носов из Ярославля. Он — отличный натасчик, умеющий ставить и показывать собак, заядлый охотник. Практически все его собаки, включая последнюю, имели дипломы первой степени. Но он слишком хотел победить именно на этих состязаниях! И... мешал своей собаке как мог, передавая ей свою нервозность. Однако Глория, как и Один, еще один пример высшего класса, когда диплома нет, а собаку помнишь. Веселая, быстрая, экспрессивная, с хорошим поиском, она привлекла внимание судей и зрителей.

«Англичанка» Артемида М. Крысанова из г. Жуковский (МООиР), выступая под нашей комиссией и не встретив дупеля, все-таки показала, что, как и две предыдущие, может быть победителем и набирать высокие баллы. У нее широкий, с плотными параллелями челнок, кошачья потяжка и лежачая стойка (все это мы видели лишь по жаворонку, дупель ей не достался).

Сын Артемиды, первоипсодипломник Лорд А. Костяева, остался без птицы под комиссией Солганика, выступая утором последним на голом сухом месте, но он привлек внимание экспертов высочайшим стилем. На следующий день вечером Лорд закрывал состязания, и теперь под комиссией Турка сделал две дальние работы по дупелю (к сожалению, перемещенной птицы не было), продемонстрировав не только типичность стиля хода, но и потяжки, и лежачей стойки с высоко поднятой головой. Он заработал диплом второй степени при 80 баллах, потеряв на испорченной неопытным владельцем подводке, стал четвертым, получив приз за лучший породный стиль. Я назвала

только семь собак из тридцати. Может быть, другим экспертам понравились еще какие-то собаки — не знаю, это мое мнение.

Хочется отметить, что идея организаторов состязаний отмечать лучших по стилю собак заслуживает внимания. Это делалось впервые. Думается, что данную практику нужно ввести и на других состязаниях высокого уровня. Ведь именно стиль характеризует породу, и необходимость поддерживать его на высоком уровне не поддается сомнению, дабы не уподобиться американцам, у которых собаки всех пород скачут примерно одинаково и издали трудно определить, где пойнтер, а где ирландский или английский сеттер.

До начала выступлений эксперты договорились, что этот новый приз будет присуждаться не лучшей собаке среди худших, а действительно лучшей среди лучших. Увы, среди ирландских сеттеров, курцхааров и дратхааров таких призеров не оказалось. Теперь перейдем к проблемам. Да, вероятно, не все первоипсодипломники и победители были привезены на Сороты. К примеру, не смог приехать Г. Ильин из Москвы со своими прекрасно поставленными высокопородными ирландками: Зарей-Зарницей (семь дипломов второй степени, дважды победитель Московских областных межпородных состязаний легавых) и Дер-Радой (призер кубка Каданка при 92 баллах).

Возможно, владельцы собак других пород тоже не нашли времени для участия в состязаниях. Но ведь те, что были на них, все где-то кого-то победили! При этом одних собак, даже получивших дипломы, просто не помнишь из-за их невыразительности. Других помнишь, да не по-хорошему: болтаю-

щиеся в лугах, с хаотичным поиском, ловко обходящие дупелей, которые поднимались из-под ног экспертов, или медленные, унылые.

Мне думается, что одна из причин (пусть не обижаются на меня мои коллеги, ведь это не ко всем относится) в недостаточно ответственном, а иногда не очень квалифицированном или излишне мягком судействе. Ни для кого не секрет, что уровень подготовки экспертов снизился, что рекомендации на первичное присвоение категории или ее повышение даются подчас излишне легкомысленно. Не может стать экспертом человек, не поставивший толком ни одной собственной собаки, не участвовавший сам в состязаниях, тем более не державший в руках ружье. Как не охотнику понять, можно ли в деле использовать ту или иную собаку, как он оценит ее мастерство? В Москве, главном кинологическом центре страны, перестали проводиться курсы повышения квалификации. Категория экспертов иногда растет по чисто формальным признакам, а не по уровню знаний и умения.

У владельцев собак появилась опасная тенденция — стремление получить диплом высокого качества не вложив труда. Никогда раньше не было такого количества дипломов высшего достоинства. Получение подобного диплома должно быть событием, так как первоипсодипломник — почти идеал. В 70—80-е гг. владельцы таких собак с удовольствием и гордостью их везде показывали. Это не значит, что высшая оценка всегда подтверждалась. Да это и невозможно. Но, как я уже отмечала, класс подтверждаться обязан, должно быть видно, что собака может иметь 80 и более баллов. Добиться диплома первой степени реально лишь при хорошем, ровном ветре, влажности, прохладе, не очень высокой траве, обязательно при наличии перемещенной птицы. Чтобы все это совпало — большая редкость и большая удача. При этом далеко не всякая собака может воспользоваться такими условиями. В наше время бывают случаи, когда, получив высшие баллы смолоду, собака исчезает из вида или, выставляясь, не подтверждает диплом, а своей племенной класс. Старые эксперты с большой осторожностью давали дипломы высших степеней: один-два за жизнь. Они понимали всю меру ответственности такого шага, боялись уронить свое доброе имя, и прежде всего навредить породе. В наше время девальвировалась ценность диплома второй степени, а уж третьей и подавно. Но ведь с собаками средней чуткости, но верными и хорошо поставленными можно прекрасно охотиться. Бездумная раздача высших оценок может сказаться в будущем на снижении силы чутя, так как именно собак, получивших такие дипломы, в первую очередь используют в племенном разведении.

Думается, что руководители пород и владельцы собак должны быть более критичны к себе и к своим питомцам.

Уверенность, что мы лучшие (об этом пусть говорят другие), приводит к успокоенности. А нужно видеть недостатки и исправлять их.

В секции любителей английских сеттеров Московского общества охотников, где я в течение 20 лет руководила полевой работой, было принято решение не допускать в племя кобелей, пусть и с высокими дипломами, не просмотрев их на внутрипородных испытаниях. Полное доверие было лишь к дипломам, полученным в Белоомуте при судействе В. К. Сомова и И. А. Найдёнова. Это же относилось и относится к ныне работающим В. Солганику, И. Ильину, С. Шагинову, С. Берману, А. Селиванову и некоторым другим благодаря их объективности, глубокому пониманию типичности стиля и всей работы собак. Они сами имели отличных собак и не раз с успехом отстаивали честь своих пород на состязаниях самого высокого уровня. Отсюда к ним доверие и уважение. Еще прослеживается странная тенденция, появившаяся недавно: пренебрежительное отношение к постановке легавой. В некоторых публикациях авторы пишут, что постановка — это «игрище» для состязаний. Лично я не понимаю, как можно продуктивно охотиться с собакой, обладающей хаотичным поиском, непослушной, гоняющей птицу, то есть мешающей стрелять. Поскольку я более 30 лет занимаюсь собаками породы английский сеттер, в опровержение слов г-на Жиборовского (журнал «Охота и рыбалка 21 век», №№ 2—5, статья «Семинар по антидрессуре») хочу с полной ответственностью, со знанием

дела на практике сказать, что с быстрым, хорошо поставленным английским сеттером (равно как и с пойнтером, и ирландским сеттером) добычливо и очень неутомительно охотиться. Плотный челнок, с шириной, удобной для стрелка, позволяет ходить не уставая, подходить к стойке спокойнее, а значит и более результативно стрелять. Быстрая собака проверяет в одно и то же время гораздо большие уголья, чем медленная. При этом бежит-то она, а не владелец.

На состязаниях, послуживших поводом для этой статьи, я обратила внимание на спянность пойнтеристов из С.-Петербурга и Рязани, на их контакты с любителями этой породы из Украины и Белоруссии. Распад СССР привел к разобщению собаководов, это еще больше усугубилось с появлением многочисленных клубов, не всегда профессиональных, а иногда и не очень честных. Сейчас, на мой взгляд, настало время «собирать камни», отбросив в сторону амбиции. Состязания, инициированные питерцами, могут послужить этому. Они должны стать традиционными. Ведь это — прежде всего племенное мероприятие, позволяющее понять, куда ли мы идем, увидеть лучших производителей, установить контакты с их владельцами, завозить в свой регион щенков от наиболее понравившихся собак, использовать лучших из увиденных в племенной работе. Надеюсь, что через год встреча на р. Сороть снова состоится, на которой собаки выступят с большим успехом, показав настоящий класс победителей.

Фото О. Носковой

Призер за лучший стиль работы пойнтер Анжу де Брав О. Носковой, II место в состязаниях (С.-Петербург)

Вопрос: Б. И. Убушаев из г. Элисты (Республика Калмыкия) спрашивает: какие правовые последствия влечет несвоевременное продление срока действия охотничьего билета?

Ответ: Будет полезным, наверное, рассмотреть поставленный вопрос не только в отношении охотничьего билета, но и охотничьего членского билета. Охотничий билет выдается специально уполномоченным государственным органом по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания и его территориальными подразделениями. Порядок выдачи охотничьих билетов определен Инструкцией о порядке выдачи охотничьих билетов и учета охотников на территории Российской Федерации, утвержденной приказом Минсельхозпрода России от 25 мая 1998 г. № 302. Охотничий билет выдается по месту постоянного жительства гражданина сроком на 5 лет с обязательной ежегодной регистрацией до 31 марта в органе, который выдал билет. Охотничий билет без регистрации считается недействительным. Ежегодную регистрацию можно пройти и после 31 марта, но охотиться с охотничьим билетом, который своевременно не был зарегистрирован, нельзя. Это будет нарушением правил охоты, за что его владелец может быть привлечен к административной ответственности по ст. 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. По истечении срока действия, т. е. 5 лет, охотничий билет заменяется. Заявление о замене охотничьего билета надо подавать за 30 дней до истечения срока его действия. Новый охотничий билет должен быть выдан в течение 30 дней со дня подачи заявления.

Некоторые особенности имеются в вопросах, связанных с охотничьими членскими билетами. Правовые отношения в деятельности общественных объединений, в том числе обществ охотников и рыболовов, регламентируются Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» с последующими многочисленными изменениями и дополнениями. В соответствии с этим законом условия и порядок приобретения и утраты членства определяются уставами общественных объединений. Членство в обществе и срок действия охотничьего членского билета по срокам могут не совпадать. По Типовым правилам охоты в РСФСР, которые действуют с 1988 г., срок действия охотничьего членского билета и охотничьего билета устанавливается со дня выдачи или продления до 31 марта следующего года, однако членство в обществе может сохраняться после окончания срока действия охотничьего членского билета еще некоторое время, например до 1 июля, но это должно быть огово-

Юридическая консультация для охотников

На поступившие в редакцию журнала письма с вопросами по законодательству отвечает Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции Н. АСТАФЬЕВ.

рено в уставе. Если и к этому времени членские взносы не будут уплачены, член общества может быть исключен за неуплату взносов. С просроченным охотничьим членским билетом охотиться нельзя. Его владелец может быть привлечен к административной ответственности за нарушение правил охоты.

Вопрос: В настоящее время в Республике Башкортостан в Ассоциацию охотников и рыболовов лесного хозяйства входит около 30 охотхозяйств, Ассоциация является членом «Росохотрыболовсоюза». Охотники Ассоциации имеют охотничьи членские билеты с логотипом «Росохотрыболовсоюза».

Одновременно в Республике Башкортостан создано около 40 других охотхозяйств: общественных, частных. Могут ли члены этих охотхозяйств иметь охотничьи членские билеты с логотипом «Росохотрыболовсоюза»?

Ответ: Нет, члены этих охотхозяйств, если эти охотхозяйства не являются членами «Росохотрыболовсоюза», не могут иметь охотничьи членские билеты с таким логотипом. Эти охотхозяйства не могут выдавать и охотничьи билеты, аналогичные билетам, выдаваемым государственным органом. Незаконная выдача таких билетов может повлечь за собой привлечение виновных лиц к уголовной ответственности за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов (ст. 327 УК РФ).

Вопрос: Из Тульской региональной общественной организации охотников и рыболовов «Тулачермет» сообщают, что ОАО «Тулачермет» решило изъять закрепленные за обществом охотничьи угодья, а исполнителем своих стремлений избрало Тульскую природоохранную прокуратуру, которая, не вникнув в суть проблемы, поставила вопрос о прекращении пользования животным миром по имеющейся у общества долгосрочной лицензии. В каких случаях общество может быть лишено долгосрочной лицензии на право пользования животным миром?

Ответ: Вопрос о перераспределении охотничьих угодий в настоящее время является очень актуальным, поэтому обращение общества охотников полезно рассмотреть более подробно.

Тульская региональная общественная организация «Общество охотников и рыболовов «Тулачермет» создана 15 февраля 1995 г., зарегистрирована 4 июня 1999 г. с таким же названием. 26 ноября 2002 г. организация с этим же названием была внесена в Единый го-

сударственный реестр юридических лиц. Заявителем на получение объектов животного мира в пользование указана эта же организация. Заявка согласована со всеми заинтересованными лицами. В Договоре о порядке пользования охотничьими угодьями от 29 марта 2002 г., заключенном с Администрацией Тульской области, общество имеет такое же название. Это же название имеет и в Уставе.

Из названных документов видно, что общество охотников не скрывало своего названия, да и смысла в этом нет. Однако в выданной 24 мая 2002 г. охотуправлением Тульской области и подписанной его начальником В. Ю. Кокоревым долгосрочной лицензии охотхозяйство названо «Тульская региональная организация охотников и рыболовов «Тулачермет», то есть пропущено слово «общественная», а в графе «Разрешенные виды пользования животным миром» кроме охоты указано еще ведение охотничьего хозяйства. Природоохранной прокуратурой отмечено еще нарушение в заполнении в лицензии графы «Результаты согласования предоставления территории (акватории) для осуществления пользования животным миром».

Из выявленных прокуратурой нарушений все относится к оформлению долгосрочной лицензии и ни одного нарушения обществом законодательства РФ об охране окружающей природной среды, животного мира и условий пользования охотничьими животными, оговоренных в долгосрочной лицензии. Несмотря на это, во внесении 20 ноября 2006 г. руководителем Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Тульской области Г. Т. Быкову представлении прокуратура потребовала решить вопрос о прекращении обществом пользования животным миром по указанной долгосрочной лицензии.

4 декабря 2006 г. приказом Г. Т. Быкова указанная лицензия была аннулирована. Мотивировал свой приказ Быков целым перечнем статей из Федеральных законов «Об охране окружающей среды», «О животном мире», но ни одна статья не является основанием для аннулирования лицензии. Вместе с тем он указал, что делается во исполнение представления Тульской природоохранной прокуратуры.

Посмотрим в нормативно-правовые акты: какие в них указаны основания для аннулирования долгосрочной лицензии.

В ст. 47 ФЗ «О животном мире» и в ст.ст. 19 и 20 Положения о порядке вы-

дачи долгосрочных лицензий на пользование объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты (с изменениями от 29 марта 2001 г.), утвержденного приказом Минсельхоза РФ от 26 июня 2000 г. № 569, лицензирующий орган аннулирует долгосрочную лицензию только в трех случаях: отказа от пользования охотничьими животными; истечения установленного срока пользования; нарушения законодательства РФ об охране окружающей природной среды, животного мира и условий пользования охотничьими животными, оговоренных в долгосрочной лицензии. Проверкой природоохранная прокуратура таких оснований не выявила, а допущенные нарушения в оформлении лицензии не могут служить основанием для ее аннулирования.

По согласованию сторон или через суд долгосрочная лицензия может быть аннулирована в 2-х случаях: возникновения необходимости в изъятии из пользования охотничьих животных в целях их охраны и использования территории, акватории для государственных нужд, исключающих пользование охотничьими животными.

Этот перечень исчерпывающий, других оснований для аннулирования долгосрочной лицензии нет.

Г. Т. Быков своим приказом дал поручение начальнику отдела надзора за охраной, воспроизводством и использованием объектов охоты Н. К. Чикову выдать предписание обществу охотников о возврате долгосрочной лицензии. 4 декабря 2006 г. Н. К. Чиков такое предписание выдал, но руководствовался при этом не приказом № 193, а приказом № 293, которого не существует. Это еще раз подчеркивает низкую квалификацию работников управления.

Любая общественная организация является частью гражданского общества. В соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях» государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, оказывает поддержку их деятельности. В приведенном примере видно, как из-за ошибки, допущенной не по вине общественной организации, органы власти пытаются ее ликвидировать, и только потому, что кому-то понадобились охотничьи угодья, закрепленные за этой общественной организацией.

Тульская региональная общественная организация «Общество охотников и рыболовов «Тулачермет» обжаловала принятое решение об аннулировании долгосрочной лицензии в суде.

Мастеровитый Джек

Г. ЛАПСИН. Новосибирск

У нас с Джеком сложились доверительные взаимоотношения, мы никогда не подводили друг друга. Много раз мне приходилось отыскивать его в кромешной тьме, облаивающего соболя.

Однажды в вершине Делинды, впадающей в Пеледуй, я в первый раз проверял экспериментальный участок по отработке прогрессивной технологии промысла соболя. Дело клонилось к концу короткого ноябрьского дня. Медный диск солнца скрылся за серыми увалами. Пока я доливал бензин в топливный бак «Бурана», Джек прихватил относительно свежий след соболя и исчез в темном море тайги.

Судя по карте, мне еще надо было проехать по профилю не менее тридцати километров до ноcheвки в заброшенной избушке. Со слов охотников, в ней не было ни окон, ни двери, ни печи. Мне предстояло в кромешной тьме сначала отыскать зимовье, затем установить жестяную печь которую я вез в нарте, чем-то заменить отсутствующую дверь, заделать все дыры и щели, напилить дров; поэтому я не испытывал никакой радости от несвоевременной активности Джека.

Я взял охотничий топор с длинным топорщиком, фонарь, ружье «Белка» и поспешил за Джеком. Следы уходили на север, в темень неумолимо надвигающейся ночи.

Джек уверенно лаял на высоченную ель, вершина которой расплывчато просматривалась на чуть светлом небе. Луч электрического фонарика в три батарейки более или менее сносно высвечивал разлапистые ветви в нижней части ели. Но чем выше, тем бледнее был его свет. Почти в вершине дерева неожиданно вспыхнули две яркие точки — глаза затаившегося соболя.

Теперь предстояло самое сложное — поразить малокалиберной пулей невидимого соболя. Я ужим лучом фонаря снова с трудом отыскал в кромешной тьме и густом сплетении веток светящиеся глаза притаившегося зверька и начал их выцеливать. Естественно, я не видел расположения маленького хищника по отношению к его светящимся глазам. Раз за разом палил из малокалиберного ствола. Терял и снова находил то исчезающие, то снова появляющиеся две светлые точки, напоминающие блуждающие светлячки, пока не расстрелял пачку патронов. Наконец услышал характерный хлопок — попадание пули в костные ткани.

Мы с Джеком, как по команде, приготовились встретить падающий трофей. Но он почему-то не появлялся. Снова отыскал на ели светящиеся глаза соболя. Но свет их был менее яркий, чем прежде. Я осмотрел снег под елью,

на нем появились мелкие капельки крови. К моему огорчению, соболю, будучи уже мертвым, завис в развилке дерева, которое придется валить.

Промысловики всегда опасаются это делать по простой причине — можно погубить под падающей лесиною собаку, а если ее привязать — упустить соболя. Точно определить наиболее вероятное направление падения дерева было сложно. Тем не менее при свете фонаря я подрубил наполовину ель с одной стороны. Затем привязал Джека к одинокой елочке, расположенной метрах в тридцати пяти с другой стороны.

Ель медленно клонилась в сторону подруба, с каждой секундой увеличивая скорость падения, круша на своем пути ветви соседних деревьев и стволы молодых елей. Глухим стоном отозвалась земля на падение лесного исполина. Еще некоторое время откуда-то с невидимого верха сыпались мелкие ветки деревьев и потоки снежной пыли. И сразу установилась гнетущая тишина.

Отпустил Джека. Он бросился к поваленному дереву, обожегал его несколько раз и, не найдя выходного следа, обследовал само дерево. Через несколько томительных минут, показавшихся мне вечностью, нашел под снегом тушку соболя.

С возрастом Джек отлично изучил повадки соболя и мог предугадывать дальнейшие действия убегающего или затаившегося в укрытии зверька. В мягкую пасмурную погоду кобель преследовал соболя не торопясь, особенно в тех случаях, когда зверек жировал. Помню, пересек на снегоходе «горячий» след соболюшки, по которому бросился Джек. Не успел надеть лыжи, как услышал в гари еле слышный одиночный лай. Я поспешил к собаке. Только отошел — навстречу с каким-то виноватым видом трусит мой пёс. Я даже мысли не мог допустить, что Джек «сколослся». Решил проверить по следам, что же там случилось. Собака бежала рядом, не проявляя никакого желания повторно бежать по следу соболя. Оказалось, соболюшка спокойно лакомилась сладкими ягодами голубицы. Джек подкрался к ней и молниеносным броском овладел добычей. Придушив зазевавшегося зверька, бросил его, так как не был приучен к апорту. Таких случаев за нашу промысловую практику было несколько.

Обычно участок местообитания соболя небольшой. В зависимости от плотности зверьков в данной популяции, он колеблется от 5 до 10 и более квадратных километров. На своем участке соболю имеет несколько убежищ в корнях или дуплах перестойных деревьев, в поваленных лесинах, в пустотах под выворотами, в каменистых россы-

пях и в иных местах. Джек гнал соболя напористо и изо всех сил. В таких случаях соболю не успевал добежать до припасенного убежища и заскакивал на первое попавшееся дерево, зачастую низкорослое, хотя рядом находились огромные деревья с густой кроной, где спокойно можно было спрятаться на одному десяток соболей.

В тех же случаях, когда маленькому хищнику удавалось скрыться в своем гнезде, добыть его без Джека было бы невозможно. Вспоминается один забавный случай. Соболю спрятались в пустотах под слегка наклонившейся небольшой елью. Джек азартно, с истощением лаем раскапывал входное отверстие. Соболю был рядом, ему некуда было деться. Я отогнал собаку в сторону и начал готовиться к выкуриванию. В это время Джек с противоположной стороны разрыл мох и нос к носу столкнулся с ошалевшим соболем. Тот в панике бросился в мою сторону и высунул наружу кончик носа, который непрерывно двигался из стороны в сторону, черные глаза оценивающе уставились на меня. Я мгновенно закрыл отверстие правой ногой. Джек просунул голову в раскопанную дыру и вот-вот должен был схватить желанную добычу. Но не тут-то было! Соболю просунул голову в узкую щель между моей ногой и стенкой норы. Я чувствовал, как он настырно сначала головой, затем и туловищем расширял щель. Вот его рыжая головка показалась на воле. Не успел я хватить ее в области шеи, как соболю оказался на воле и поскокал прочь. При этом его бег всегда вызывал у меня невольную улыбку: своеобразный галоп на коротких ножках с одновременными изгибами из стороны в сторону длинного пластичного тела.

Тайгу всколыхнул мой истошный вопль, бросивший Джека в погоню. Пара секунд, и соболю на дереве.

В тайге с Джеком я всегда чувствовал себя комфортно, он всегда предупреждал меня о приближении медведя или человека. И в то же время он чувствовал мое к нему уважение, но никогда ни одним движением или взглядом не просил моей ласки. Конечно, он любил те редкие мгновенья в нашей суровой таежной жизни, когда я хвалил

Окончание. Начало см. в № 1, 2007 г.

его и ласково чесал у него за ушами. По-видимому, он настолько изучил меня, что предугадывал последствия своего поведения по отношению к любому предстоящему действию. Создается впечатление, что по отношению к лайкам мы занижаем их умственные способности. Не исключаю, что наиболее выдающиеся из них обладают элементарной рассудочной деятельностью.

Моя жена утверждала, что Джек принимал все, что мы ему говорили. Конечно, он не мог понимать смысла слов, но, обладая прекрасным слухом, в десятки раз превосходящим наш, он улавливал тончайшие интонации речи. С учетом острого зрения, изумительно-го обоняния и многочасового ежедневного наблюдения за человеком в течение тысячелетий появлялись такие «умные» собаки.

Джека со щенячьего возраста отучили работать по белке. Но охотничий инстинкт к ней как к объекту промысла, конечно, тайлся в глубинах его подсознания. Однажды в сентябре я проверял ход заготовки кедровых орехов в одной из бригад штатных охотников. На рассвете меня разбудил неистовый лай десятка лаек, мечущихся рядом с зимовьем, — они «работали» по многочисленным белкам, привлеченным вкусными орехами.

Я вышел наружу. В пяти метрах от меня сидел Джек. Он не замечал моего присутствия. Все его внимание было приковано к пепельной белочке с пыльным хвостом и уже завязывающимися кисточками на кончиках ушей. Ловкий зверек держался задними и передними лапами на стволе отдельно стоящего кедра, перемещаясь вокруг дерева вниз головой. Вслед за белкой следовал пес. По-видимому, зверьку давно надо было перебраться на другой кедр, но не позволяла собака. Джек сидел молча. Глядя на висящую в каких-то полтора метрах недовольную его присутствием белку, которая к тому же возмущенно цокала и стучала передними лапками по стволу, у него от волнения клацали челюсти, а из пасти стекала густая светлая слюна.

Через много лет Джек все-таки «свалился», но это случилось только один раз. Он только начал гнать по «горячему» следу молодую соболешку, как раздался его призывный лай. К моему удивлению, он обливал на молодом кедре белку. Соболюшка пробежала под самым деревом. Ее след терялся в ельнике.

Мне ничего не оставалось делать, как добыть белку. Я подошел к Джеку. С виноватым видом он подошел ко мне. Весь его вид как бы говорил: «Прости, сам не понимаю что со мной случилось». В горячке первый раз в жизни ударил его несчастной белкой по голове. Обрадованный такой легкой взбучкой, мой верный трудяга дал радостный круг вокруг злосчастного дерева, без моего наставления нашел след зверька и в считанные минуты загнал его на дерево.

В 1988 году я работал в Барнауле. Джек остался в Ленске и очень грустил. Через год я переехал в Новосибирск. Осенью дочь привезла его ко мне на самолете.

В Ленске собака круглый год жила в волере. В Новосибирске мне пришлось поселить ее в совершенно не свойственных условиях — на открытый балкон второго этажа. В первый же день Джек выпрыгнул с балкона и три дня прихрамывал на левую заднюю ногу.

На балкон можно было пройти по длинному коридору через комнату жены. Джеку было запрещено входить в другие комнаты и тем более на кухню. Ни разу он не нарушил запрет. Всегда вел себя сдержанно и аккуратно, как будто в доме его не существовало. Часто с собакой гуляла моя жена или дочь. В таких случаях он далеко не отходил от них. Безо всяких принуждений и натаски осуществлял их охрану.

Два промысловых сезона мы с Джеком добывали соболей в междуречье Шегарка — Икса, в непосредственной близости от границы с Томской областью. Охотничьи угодья существенно отличались от угодий юго-западной Якутии. Совершенно болотистая равнинная тайга. Пойменные кедряки в весеннее половодье заливаются на метр-полтора водой. Высота паводковых вод отчетливо просматривается даже в зимнее время по грязно-серым иловым отложениям на коре деревьев. В сухие годы соболь кормился в болотах мышевидными, живущими на высоких кочках с хорошей травянистой растительностью. Получалась забавная картина: соболь с завидной легкостью скачет по заснеженным кочкам, а у собаки такой фокус не проходит — из кочек видна только ее голова. Пешком я тоже вынужден пробираться низом, с трудом продираясь через осоку,

сवेशивающуюся седыми космами с кочек.

Хвойная тайга занимает незначительную площадь среди огромных сплошных вырубок и обширных болот, занятых чахлой сосной. Конечно, собаке и мне охотиться в такой тайге намного сложнее: ноги то и дело проваливаются в мох, ямы и колдобины, зачастую затянутые предательски тонким льдом, да и ориентироваться среди равнинной местности, особенно в пасмурную погоду, далеко не просто. Джеку было уже шесть лет. Он быстро приспособился к новым условиям. В этом не было ничего удивительного — фактически расцвет физических сил и мудрости мастеровитой собаки, для которой не существовало абсолютно никаких секретов в работе по соболу.

В морозное утро Джек прихватил в редком снотке свежий след соболя. Голодный зверек направлялся через заснеженное болото в старую гарь. Мне не хотелось ломать ноги в кочарнике, поэтому пошел краем болота по редкому сосновому бору. Холодный ветер пронизывал насквозь легкую сукожную куртку. Но я знал, что через пару километров с меня повалит пар.

Джек нагнал соболя на противоположной стороне болота. Лаял азартно и радостно по зрячей добыче, он, как и я, соскучился по волнующей охоте на соболя.

На золотисто-зеленой сосне в лучах холодного солнца нас с интересом и боязнью рассматривал изящный соболь. Явно он был недоволен нашим присутствием, не переставая урчал, перебегал по толстым сучьям от ствола к их вершинкам, пытаясь перепрыгнуть на соседние деревья.

Я дал возможность Джеку потрепать добычу, не без труда отобрал у него соболя и тоже залюбовался красотой и гордостью российской тайги!

Это был наш первый соболь, добытый в Западной Сибири! Он развеял мои сомнения о наличии соболя в Новосибирской области! И неважно, что он был светло-рыжий по окрасу — зато золотой по значимости. А для Джека цвет не имел никакого значения.

В августе мы занимались заготовкой и сушкой белых грибов. Жили неделю в сосновом бору. По возвращении в город заметил, что Джек стал каким-то вялым. Внимательно осмотрел его и, к собственному ужасу, обнаружил под густейшим волосным покровом полтора десятка разъевшихся до размера горошин клещей.

Джек заболел пироплазмозом в жесточайшей форме. Он настолько ослаб, что не мог ходить. К несчастью, моя машина была в ремонте, пришлось нести его на руках до автобуса, затем до ветлечебницы, где ветврач, покосанный ранее собакой, категорически отказался делать укол.

Принес умирающую собаку домой. Вся семья была в шоке. Сын учился в медицинском институте. Он сделал Джеку укол, от которого состояние собаки временно улучшилось. Я отыскал по телефону частного ветеринара, поставившего точный диагноз и спасшего Джека от верной гибели.

В конце октября мы заехали в тайгу. Джек был еще слаб, но в те несколько дней, пока я подготавливал снегоход, ремонтировал жилье и пилил дрова, он обследовал ближайшие уголья. Привычная таежная жизнь быстро способствовала выздоровлению.

Первые охоты показали, что Джек далеко не тот, что был раньше. Он быстро утомлялся, несколько раз облаивал дерево, на котором уже не было соболя. Да и гнал соболя без того скоростного напора, когда бедному зверьку не оставалось времени на выбор хорошего укрытия. Теперь нам все чаще приходилось выкуривать соболей изпод корней кедров, поваленных лесин и дупл высокоствольных деревьев.

В целях экономии сил я привязывал Джека на короткий поводок к поняжке. Он очень быстро научился следовать за мной по любой, даже сильно захламленной тайге. С установлением снежного покрова высотой пять-семь сантиметров я сел на снегоход. Большую часть рабочего дня Джек сидел на сиденье сзади меня и не уставал. Дело с промыслом пошло намного успешнее.

Постепенно глубина снежного покрова возрастала. Охотиться с собакой становилось трудней. Старый соболь, услышав преследование, несколько часов водил Джека по самым неудобным для него местам: густому подросту ельников, болотам с кочками и густым кустарникам. Хитрый зверек не проваливался так глубоко в снег, как тяжелая собака, поэтому имел солидную фору, часто меняя направление, принуждая усталую собаку делать лишние круги в поисках следа. Я уже потерял надежду, но не мог бросить собаку одну в зимней тайге.

Глубокий снег вымотал и меня. Следя рядом со следом Джека, я услышал

его редкий хриплый лай буквально рядом. Он давно загнал соболя в дупло трухлявой осины, вокруг которой было плотно утопан снег, а усталая собака лежала рядом. Я выстрелил из малокалиберного ствола несколько раз в предполагаемое местонахождение зверька. Раздалось привычное урчание, но соболь не появлялся. Пришлось свалить дерево. Зверек оставался в дупле. Джек в мгновение ока подскочил к отверстию в дупло и разразился радостным лаем. Его радость передавалась мне. Еще бы! Несмотря на трудные условия, многочасовое преследование увенчалось успехом!

Я отогнал моего помощника от дупла и приготовился к выстрелу. Очень важно не упустить первого разведывательного появления соболя из своего укрытия. Обычно часть аккуратной головки появляется из укрытия на долю секунды, которой хватает зверьку, чтобы оценить обстановку и, увидев рядом злобную морду собаки или сияющее лицо охотника, надолго скрыться в свое убежище. Не успел отстрелять — готовься долгие часы выкуривать его из сложных лабиринтов. Слышу легкое движение внутри дерева — в отверстии дупла появляется часть хитрой мордочки с бусинками черных глаз. Выцеливаю по головке, нажимаю на спусковой крючок, и в это мгновение — морда Джека на мушке. Звук выстрела сливается с визгом собаки, катающейся по снегу. Вокруг снег окрашивается в ярко-красный цвет.

— Убил Джека! — осознаю я. На меня наваливается такая боль утраты, боль жалости за любимую собаку, боль к самому себе за такое фатальное невезение. Долгожданная и выстраданная нелегким трудом радость успешной охоты вдруг омрачается трагической потерей верного друга. Я разражаюсь безудержными рыданиями, не прекращающимися несколько минут.

Я бросил ружье и подбежал к Джеку, который, катаясь по снегу, с визгом и остервенением тер передними лапами окровавленную морду. Я прижал голову бедной собаки к снегу. Оказалось, малокалиберная пуля пробила самый кончик носа. Я вздохнул с облегчением, словно с плеч свалилась гора.

Примерно через четверть часа кровь перестала течь из раны собаки. Она успокоилась. Развожу костер, завариваю крепкий чай. С удовольствием пью душистый напиток. Кормлю Джека размоченными сухарями, сдобренными сливочным маслом. И только теперь замечаю красоту и очарование зимнего дня. Воздух чист и свеж. По голубому небу величаво, невесомо, словно сказочные бригантины, плывут над заснеженной тайгой легкие облака.

...На открытие осенней охоты на водоплавающую дичь Джек исчез. Или его украли приезжие охотники, или пристрелил хозяин овец. Мы сильно переживали. Джек стал частью семьи. Такой умной талантливой лайки у меня не было ни до, ни после него.

Он часто снится мне по ночам. Боль утраты не исчезла до сего времени.

А. БИКУМЛЛИН

Полная апрельская луна скатывалась в верхушки ночных сосен, когда восточный ветер нанес легкий запах дождя. Сунув при свете тлеющих углей в стволы первый номер и разворотив кострище, я не торопясь стал пробираться к старому глухарину токовищу, на которое еще ходил когда-то дед Максим.

При луне идти по лесу — одно удовольствие. Видны коряги, сложенные сучья, поваленные деревья. Сходи несколько раз в апрельские леса за глухарем и забудешь герценовские «Как проходят пустые страхи».

Посидел на приметной валежине, слушая ветер и шум сосен. Прошло с полчаса, не меньше. Луна стала невидимой, пропали звезды, сильнее запахло недалеким дождем, упали первые капли, и вдруг слух поймал шорох чьих-то сторожких шагов. Не заяц. Не кабан. Не человек. Шаг двуногий, осторожный, увесистый. Кто? Стало любопытно, и хотел уже включить фонарик, но передумал. Шаги по окружности обошли и стихли в сосняке. Потянул в темноте над лесом вальдшнеп. Капли дождя стали чаще, глухарь молчал.

Решил спуститься вдоль вырубки, чуть пониже в долочек и слушать встречу ветру. Только дошел, останавливаясь через каждые 30—40 шагов, до середины склона, как недалеко от того места, где недавно сидел на валежине, послышалось глухариное точение. Щелканье прослушивалось плохо, а точение, несмотря на моросящий дождь, резко набавлявший силу, больше угадывалось по ритму. Начал безнадежный, в общем-то, подход. Петух, сыграв несколько песен под дождем, смолк, но лопота крыльев слышно не было. Горопитаться мне было некуда и, скорчившись под сосной, прижавшись к шершавой коре в своем камуфляже, я стал ждать рассвета.

Промок. Ударил гром, блеснула первая в этом году молния. Еще и еще

В темнотворье

сверкнула рядом. На всякий случай я отложил ружье в сторону. Но вот дождь стал стихать и запоздалый из-за туч рассвет закурился волглой блескостью, оттесняя остатки сумрака в густые сосновые кроны.

Неясная тень мелькнула впереди справа, приблизительно там, где сидел на валежине вначале. Мелькнула и пропала. Вот снова показалась, но уже ближе. Послышался сторожкий двуногий шаг тяжелой птицы, и я узнал — догадался, кто обходил меня в темноте «по полу». Глухарь! Обходит пешком свое родовое владение.

Мы как бы поменялись ролями. Я сидел затаившись, вжавшись в сосновый комель, а петух, настороженно прислушиваясь, с остановками, как истый глухарятник, спускался вниз по склону гривы. Иногда я терял его из виду за стволами деревьев. Петух обходил меня, склевывая что-то с кустиков подлеска и делая глотательные движения, совсем как чомга. Вскочить и бить с разворота во взлетающего петуха не стоило, хотя кто-то изнутри и подначивал: «Стреляй же, уйдет!»

Гусакom, вытянув вверх шею, белея белым погоном на крыле, матерый петушище ушел от меня без вреда.

На следующее утро я вновь был на этом же току. Подошел к долго не рапевавшему глухарю (видно, филин, угукавший неподалеку, был тому причиной). Всмотрел быстро, а стрелять — мушку не видно. Петух играл вполдерева, иногда разворачиваясь и двигаясь по сосновому суку. Не знаю, как в северных лесах, а здесь он как на ладони.

Надо было решиться на выстрел и бить из правого ствола двойкой, а я медлил и дождался того, что мошник слетел «на пол» в отдалении и снова заиграл. Щелканье «с пола» прослушивается хуже, чем точение. Начал подход, но стало светло, пичужки глушили глухарину песню. Глухарки бабакали иногда, и незамеченными из соседских крон слетели два молчуна, встречавшие свою первую весну. Опять пусто... Сколько их было, пустых зорь, но на то она и охота! Неудачи только сильнее разжигают страсть и закаляют охотника.

Подход к поющему мошнику я освоил довольно четко и, если не глухарки, скрадывал петуха и обнаруживал его сравнительно быстро. Еще с юности, после первых неудач, я понял, что глухарь на картинке или чучело в охотни-

чем магазине и живой петух в сплетении сучьев в кроне сосны — это две совершенно разные величины. В магазине или где-то в прихожей мы видим чучело в упор, как бы с соседнего сучка, расфуфыренного, важного, большого. В лесу же намного уменьшенного, скрытого в хвое и сучьях, полуразмытого сумраком. Глаза ищут и ловят вначале какое-то шевеление, уменьшающееся и увеличивающееся пульсирующее пятно в темнотворье. И только потом сердце радостно тукает: «Глухарь!» Тень-силуэт поворачивается в вершине или где-то на суку, распуская и вновь собирая хвост. «Да, это глухарь», — позже всех соглашается разум.

Как правило, на току дело решает единственный выстрел и нет нужды таскать весь запас патронов с собой. Пару патронов в стволы да пару в карман. Остальные можно оставлять на таборе. Кто как, а я ружейный погон стал уже давно отстегивать и класть в карман, едва только заслышу глухариную песню. И за ветви не задеваю, и не качается, когда замираешь в перерыве между точением.

Полумрак соснового бора, полузакрытый ветвями глухарь, многочисленные советы из книг и журналов, когда один автор предлагает не спешить с выстрелом и ждать рассвета, а второй, наоборот, не медлить со стрельбой, ставят охотника-глухарятника перед сложным выбором. Ждать рассвета — в любой момент петух может слететь «на пол» или перелететь в другую крону. Стрелять с невидимой мушкой — можно промахнуться, и весь кучный заряд пройдет стороной, срезая ветви и хвою. Как в жизни. Чем больше чем-то дорожишь и боишься потерять, тем больше рискуешь потерять.

Сверхкучность патронов, по своим охотам знаю, тоже не всегда желательна. Иной раз вблизи жалеешь, что один ствол не цилиндр. Полуцоковый или чоковый дробовой сноп из-за волнения и неверного прицела в темнотворье проходит мимо, а при попадании сильно разбивает птицу. Разное случалось. Мой первый глухарь был взят из одностволки 16 калибра сверловки цилиндр с напором, лично самим снаряженным патроном. Были очень досадные проколы: затяжной выстрел старым патроном или, еще хуже, всякий мусор по полам с дробью разных номеров в нарядном заводском патроне со знаком 0 на дробовом пыже.

На мой взгляд, самое оптимальное сочетание стволов — это цилиндр и чок. Случись подойти к петуху чуть не в упор, сидящему на низкой сосенке или обомшелой колодине, впотьмах — нет ничего лучше двоечки-троечки из правого цилиндра, когда небольшая погрешность в прицеле компенсируется более широкой осыпью. На дальний выстрел, конечно, хорош чок с первым или, как писал Аксаков, с «безымянным» нулевым номером и пыж-контейнер в спецпатроне.

Это не жесткое наставление, а размышление и обобщение своих удач и неудач, которые и составляют у каждого охотника тот самый выстраданный опыт. Многое зависит от индивидуальных особенностей ружей, а главное — от их хозяев.

Один охотник никогда не мажет по глухарю. Выстрел для него легче легкого, но он жалуется на трудность подхода. Дед Максим, например, смело целил из своей старенькой, потерявшей воронение тулки даже в темнотворье, так как планка и стволы давным-давно стали серо-белесыми. Для него был важен подход, а разность дульных сужений он понял из практики: «Ежели сблизил, то бью из правого, а ежели вдаль, то целю из левого». Теперь уже, по прошествии времени, когда не стало ни деда, ни ружья, я понял, что правый ствол у тулки был цилиндрический, а левый — или чоковый, или полуцоковый. С дульной части была очень заметна разница в диаметрах каналов. И заводские патроны с жевелом и бездымкой старик оценивал намного выше, говоря: «Злей бьют!» А ведь жил в глуши и не держал в руках ни журналов, ни книг об охоте.

Каждый, думаю, согласится со мной, что не бывает двух одинаковых охот. Каждая охота складывается неповторимо индивидуально, и решать, стрелять в поющего мошника или погодить, должен сам охотник, судя по обстоятельствам. А уж что ему иметь — царский трофей или изнурительное возвращение пустым домой после бессонной ночи — зависит от его самообладания, знания своего ружья, боеприпасов, меткости глаза и твердости руки.

А без трофея я в ту весну не остался. Через два дня, натерев мелом прицельную планку и мушку, смело выцелил поющего на сосне глухаря и снял его из левого ствола.

Публикация А. Кузьмичевой
Рисунок Б. Игнатъева

Оптимальная масса пуль Полева

Ю. АЛЕКСЕЕВ, В. ГРОЛЬМАН

Изначально гладкоствольное ружье было создано для стрельбы пулями, и в этом качестве оно прослужило достаточно долго и весьма успешно. Длительная эволюция ружей и боеприпасов привела к появлению нарезного оружия и к довольно четкому разделению областей применения ружей: нарезные — только для стрельбы пулями, гладкоствольные — для стрельбы дробью и пулями на ограниченных дистанциях. Но опыт развития ствольной артиллерии показал, что из хорошо сработанного гладкого ствола можно стрелять так же точно, как из нарезного, если снабдить качественно изготовленный снаряд хорошим стабилизатором. Появление полимеров позволило сделать прорыв в конструкции пуль и в технологии их изготовления. Так, пули Полева, начиная со второй модели, снабжены хорошим стабилизатором и во многом напоминают современный подкалиберный снаряд. Именно эти пули показали, насколько современное гладкоствольное ружье удобно для российских охотников своей универсальностью — на дистанциях до 150 метров выстрел пуль Полева из гладкоствольки по эффективности ничем не уступит выстрелу из наших переделочных карабинов, включая самый мощный из них — «Тигр». Где гладкоствольное оружие пока не может конкурировать с нарезным, так это в «варминтинге», но эта высокоточная стрельба — все-таки не охота. Ну а для большинства россиян, проповедующих «русскую охоту», расстояние в 150 метров для надежного пулевого выстрела по зверю на сегодняшний день вполне достаточно.

Пуля является основным компонентом пулевого патрона, а в то же время ее конструктивные параметры далеко не полностью характеризуют его эффективность. Часто в публикациях по пулям для гладкоствольного оружия в качестве недостатка той или иной конструкции приводятся небольшой вес пули или же малый диаметр поражающей части подкалиберной пули. Так, например, в книге В. Костенко, посвященной пулям для гладкоствольного оружия, есть утверждение, что пуля Полева весом 28...29 г легка и поэтому она проигрывает по эффективности более тяжелым конструкциям. Но ведь пули в патронах «Винчестер магнум» калибра .458 весят всего 26,6 г, но ими стреляют слонов. В России слоны не водятся, а пуля, имеющая кинетическую энергию 2500...3000 Дж, при попадании по месту надежно поразит любого зверя, являющегося объектом охоты, будь то лось или даже медведь. Нельзя, обсуждая весовые или иные конструктивные

характеристики пуль, отрывать их друг от друга, не увязывая с основной внутрибаллистической характеристикой — кинетической энергией пули при вылете из ствола.

Как показала практика, лучшими подкалиберными пулями для гладкоствольных ружей на сегодняшний день являются пули конструкции В. В. Полева. Пули Полева выпускаются Кировским заводом охотничьего и рыболовного снаряжения в нескольких модификациях. Выпускаемые другими предприятиями пули аналогичных видов, иногда даже называемые «пулями Полева», как правило, не соответствуют всем тонкостям авторских конструкций и значительно уступают оригиналам по точности. Мы исследовали авторские модификации пуль Полева, и выводы по полученным результатам касаются лишь этих модификаций.

Какова же оптимальная масса пули Полева с точки зрения достижимой кинетической энергии, какую максимальную кинетическую энергию пули можно получить при использовании доступных охотникам порохов и каким порохом лучше всего снаряжать патроны с пулями Полева?

Для ответов на эти вопросы нами проведены исследования внутрибаллистических характеристик пулевых патронов с пулями Полева 2-й и 3-й модификаций. Общая масса исследованных пуль, включая массу отделяемых при вылете из ствола элементов пули — пыжа-обтюратора и контейнера, — составляла 20,0 г, 26,8 г, 32,0 г, 37,5 г, 41,5 г. Использовались пороха для

охотничьих патронов: «Сокол», Сунар 35, Сунар 42, Сунар 46. Порох Сунар 46 относится к последним разработкам ФГУП ГосНИИХП и предназначен для снаряжения охотничьих патронов с массой дробового снаряда 46 г в 70 мм гильзе с давлением пороховых газов, для обычных (не магнум) ружей.

Патроны собирали, используя гильзы Шеддит (Франция) с капсюлями-воспламенителями (КВ) СХ — 2000, характеристики которых близки к характеристикам применяемых в России КВ — «Жевело Н», КВ-209. Дульца гильз закатывались «завальцовкой». Результаты баллистических испытаний представлены на рисунке в виде зависимости максимально достижимой кинетической энергии пули на вылете из ствола (E_0) от массы пули (q) при давлении пороховых газов, не превышающих установленную норму — 75 МПа.

Полученные результаты показали, что при использовании любого из перечисленных ранее порохов наибольшая кинетическая энергия достигается при массе пуль 30...33 г. Этот оптимум достаточно четко выражен, и можно отметить, что уменьшение массы пули с 32 г до 28 г приводит к незначительному снижению E_0 , в то же время даже небольшое увеличение массы пули свыше 33 г приводит к резкому снижению E_0 . Тут надо отдать должное интуиции В. В. Полева, который, не имея инструментальных средств для определения внутрибаллистических характеристик пулевого патрона, разработал пули, серийно выпускаемые сегодня, с оптимальными массами — 29...32 г.

Наибольшая кинетическая энергия пули — 4800 Дж — была получена при использовании пороха Сунар 46, характеризующегося самой низкой скоростью горения из исследованных нами порохов. С увеличением скорости горения пороха максимально достижимая кинетическая энергия пуль снижается до 4500 Дж при использовании Сунара 42, до 4000 Дж — при использовании «Сокола» и до 3000 Дж — при использовании Сунара 35. При этом несколько уменьшается и оптимальная масса пули. Так, если с Сунаром 46 максимальная кинетическая энергия достигается при массе пули 33 г, то с «Соколом» — при 30 г. Максимум кинетической энергии пуль получен при следующих навесках пороховых зарядов: Сунар 46 — 3,4 г, Сунар 42 — 3,0 г, «Сокол» — 2,4 г, Сунар 35 — 1,8 г. Можно отметить, что даже порох «Сокол» сообщает пуле 12 калибра кинетическую энергию, сопоставимую с энергией пули патрона Win.308 (7,62×51 мм), а пороха Сунар 42 и 46 обеспечивают

E_0 , КДж

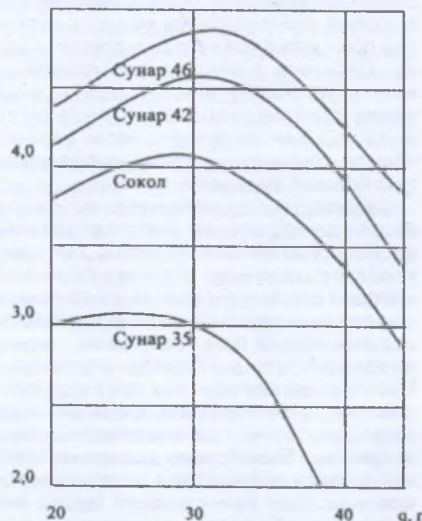

График зависимости величины энергии (Дж) от массы пули (q).

пуле превосходство по энергии и перед патроном 7,62×54 мм. Порох Сунар 35 был создан как оптимальный для стандартного дробового патрона 12 калибра, и для патронов с пулями Полева он оказался наименее пригодным из исследованного ряда из-за высокой скорости горения.

Что касается второй важнейшей характеристики пулевого патрона — куч-

ности боя, то для оценки пулевых патронов, снаряженных пулями Полева 3-й модификации массой 32 г и исследованными порохами с максимально возможными навесками, были проведены их отстрелы из ружья ИЖ-27 с оптическим прицелом. Дистанция стрельбы составляла 100 м. Стрельба проводилась на открытом воздухе при температуре минус 3 °С. Патроны, сна-

ряженные Сунаром 35, дали поперечник рассеивания 15...20 см. Патроны с «Соколом» и с Сунарами 42 и 46 показали очень близкие результаты — 8...15 см.

В заключение можно сказать, что умеющий стрелять охотник патронами с такими характеристиками на дистанциях до 150 м без проблем добудет любого зверя, являющегося объектом охоты в России.

Ружье МЦ 21-12

А. ЛИПИН

В различных статьях часто рассматриваются вопросы качества изготовления отечественных ружей. В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 7 за 2006 год А. Азаров написал про доводку самозарядного ружья МЦ 21-12. Не собираюсь оспаривать его утверждения, но расскажу о своих впечатлениях, так как я имею такое ружье с 1980 года.

Я имел и имею сейчас несколько двустольных ружей, но во время различных охот, особенно на водоплавающую дичь, на зайцев и др., я стал замечать, что хорошо бы иметь третий выстрел, и в 1980 году приобрел новое МЦ 21-12 рядового исполнения (335 руб.).

Это удобное, с пистолетной ложей прикладистое ружье с хорошим ровным боем, но ни с каким-то особо выдающимся.

Мое ружье стоило 335 рублей, эта сумма в то время была несколько больше моей месячной заработной платы, то есть немалая. И что же? Ружье было упаковано в картонную коробку очень низкого качества, ни в паспорте, ни на ружье я не обнаружил дату его выпуска. У всех моих ранее купленных ружей из г. Ижевска и др. даты выпуска и фамилии слесарей-сборщиков были проставлены.

Деревянные части у моего ружья МЦ 21-12 довольно небрежно врезаны в металлические.

Примерно после 20 лет эксплуатации при среднем расходе патронов примерно 130—150 патронов в год стало частично разрушаться хромирование в канале ствола и потрескалась ложа в местах сопряжения со ствольной коробкой. Также появилась трещина на цевье у текстолитовой втулки.

Существенный недостаток — это большой вес, что очень неудобно при ходовых охотах. В начале эксплуатации МЦ 21-12 были задержки из-за недостаточного хорошего качества боеприпасов, но я, разобравшись с причинами, изготовил несколько несложных

приспособлений для проверки и калибровки полиэтиленовых гильз до снаряжения и калибровки патронов после снаряжения, завальцовки закруткой (звездочкой), и задержки практически прекратились.

Патроны я снаряжаю очень аккуратно, только порохом «Сокол», в основном 2,2—2,3 г с навесками дробы: 31—32 г для мелкой дробы и 32—33 г для крупной дробы. В патронах для очень ответственных конкретных охот я применяю и другие способы снаряжения и другие навески.

Заявляю вполне ответственно, что из самозарядных ружей для того, чтобы они долго и безотказно служили, необходимо стрелять только качественными боеприпасами, патроны снаряжать только в новые гильзы, а не «экономить на спичках», используя гильзы по нескольку раз. «Многоразовость» использования гильз допустима только для двустольных (однозарядных одностволок) для неответственных охот, да и то при тщательной подготовке гильз и аккуратной снаряжке патронов.

А. Азаров описывает в своей статье, как надо регулировать и доводить «до ума» механизмы ружья. Так вот, считаю, что охотнику не только обременительно это делать, но и категорически противопоказано. Для выполнения таких работ нужна очень высокая квалификация, и эти работы (как и любые другие) должны выполнять опытные мастера с применением специальных инструментов, так как испортить ружье очень легко.

Но вообще-то любое ружье сразу же после покупки должно и обязано долго и безотказно работать без каких-либо регулировок и тем более ремонтов. Заводы-изготовители должны отвечать за качество выпускаемой продукции вплоть до уголовной ответственности.

Статьи про различные самостоятельные ремонты и регулировки сразу же настраивают охотника на то, что он за свои немалые деньги получит некаче-

ственное огнестрельное оружие, и призывают (вольно или невольно) смириться с этим и выполнять ремонт и доводку самому, зачастую кустарными способами.

Нет, уважаемые производители охотничьего оружия, смириться с этим подавляющее число охотников не хочет и не будет, да и наши охотники уверены, что вы способны поддержать марку и выпустить очень качественное отечественное охотничье оружие.

Надо отметить, что за все годы на охотах с МЦ 21-12 мне ни разу не понадобился 5-й патрон, и в итоге я стал заряжать ружье 4-мя патронами, да и то все их использовал редко.

Это говорит о том, что для уменьшения веса правильнее изготавливать самозарядные ружья на три патрона и снабжать их сменными удлинителями магазинов (от 1 до 5 патронов). У охотников я встречал самодельные удлинители магазинов на 3—5 патронов. Их использовали успешно в основном на загонных охотах на косяль.

Больше дичи с МЦ 21-12 я не стал добывать, но резко уменьшились потери подранков, а при охотах со спаниелем дичь не терялась совсем, ни своя ни чужая.

Начинал я охотиться с ружьем 16 калибра, затем перешел на 12-й, сейчас имею МЦ 21-12 и ИЖ-26Е 12 калибра, ИЖ-58 16 калибра и пришел к мысли, что для большинства охот самыми универсальными, удобными, экономичными и достаточно мощными являются ружья 16 калибра.

К горизонталке ИЖ-58 я намереваюсь приобрести вертикалку 16 калибра и газоотводное самозарядное ружье «Бекас-16М Авто» Вятско-Полянского завода «Молот» с двумя стволами (620—650 мм и 700—710 мм) и с дополнительной насадкой «Парадокс» (50—70 мм длины) на ствол длиной до 650 мм. Возможно, сменные дульные сужения необходимы только для «короткого» ствола. Может быть, мне удастся приобрести такое ружье на заказ.

«ЦКИБ СОО»

Оригинальное МЦ255

А. НАЙДЕНОВ, Н. КИСЛИЦЫНА

Анализ исторического пути развития огнестрельного оружия, и в частности огнестрельного длинноствольного револьверного оружия, показал, что инженерная идея револьверного (барабанного) ружья родилась в самом начале этого пути. Но револьверное ружье ожидала долгая дорога, прежде чем оно заняло отведенную ему нишу среди охотничьего оружия. Развитие этих образцов не было прямолинейным: мы наблюдаем и прогрессивное движение вперед, и стагнацию, и даже движение вспять.

Процесс развития револьверных ружей очень хорошо характеризуется известным философским изречением: «Развитие идет не прямолинейно, а по спирали, каждый новый виток которой расположен на более высоком уровне».

Историческая линия развития револьверных ружей имеет и своеобразие отвлечения, например короткоствольное оружие — револьвер, идея которого была заимствована у длинноствольного барабанного оружия.

В свою очередь револьвер дал новое направление в конструировании оружия: оружейники сначала оснастили револьвер съемным прикладом, а затем удлиннили ствол, и получилось нечто среднее между револьвером и револьверным ружьем. И так, взаимно дополняя и обогащая друг друга, эти две группы оружия успешно вошли в третье тысячелетие.

Современный охотник, как любитель, так и профессионал, сегодня может свободно приобрести любое охотничье ружье, которое удовлетворит самый взыскательный вкус. Отличительным признаком такого ружья является его выполнение по классическим схемам.

Но наряду с образцами охотничьего оружия, выполненными по общепринятым схемам, охотникам предлагается единственное в своем роде охотничье одноствольное ружье револьверного типа МЦ255.

Ружье МЦ255 — это не револьвер в общепринятом понятии, и тем более не револьвер с длинным стволом и прикладом от охотничьего ружья. МЦ255 — это первое ружье револьверного типа, сочетающее преимущества магазинного и самозарядного ружей, простое по

конструкции и надежное в эксплуатации. В нем револьверная схема объединена с ударно-спусковым механизмом двойного действия, что гарантирует надежность функционирования и обеспечивает производство выстрела как самовзводом, так и с предварительным взведением курка. Стрельбу охотник может вести из любого патронника барабана по своему выбору любым патроном, так как энергетика не влияет на перезарядание.

Схема обеспечивает гарантированное производство выстрела, так как при осечке поворот барабана позволяет произвести выстрел патроном из другого патронника. Так же просто — путем поворота барабана — решается задача выбора необходимого патрона (различного снаряжения) при стрельбе по разной дичи, что трудно получить при применении ружей иных схем. Определенным преимуществом револьверной схемы является сохранение непосредственно в барабане патронных гильз для их дальнейшего использования.

Итак, создание охотничьего одноствольного револьверного ружья МЦ255 сравнимо в области охотничьего оружия с появлением в свое время всемирно известного автомата Калашникова. Конечно, необычное для охотничьего оружия конструктивное решение и консервативная привычка людей к существующим веками схемам ружей требуют от специалистов проведения большой рекламной и разъяснительной работы, прежде чем этот образец займет подобающее ему место в ряду охотничьего оружия.

МЦ255 — чисто охотничье оружие, которое в случае необходимости может использоваться как служебное.

Для российского читателя интересно знать, где и как родилась идея такого ружья, которое не только было разработано, но и серийно выпускается.

Вообще это — ребенок тульских конструкторов, которые в начале пере-

стройки разработали и предложили гладкоствольное револьверное оружие под патрон с охотничьей гильзой 32-го калибра. Тогда проявилась вполне логичная мысль создать два образца: один — револьвер для МВД, получивший в дальнейшем название «Гном» — с гладким 100-мм стволом и лазерным целеуказателем и револьверное оружие под охотничьи патроны для охотников и фермеров, но с более длинным стволом. Образец для МВД моментально получил путевку в жизнь, а вариант оружия для охотников и фермеров вошел в противоречие с Законом об оружии и был остановлен. И тогда туляки приступили к созданию принципиально нового револьверного ружья.

На основе 12,5-мм гильзы гладкоствольного револьвера «Гном» тульский конструктор, сотрудник филиала ГП «КБП» — «ЦКИБ СОО» Владимир Иванович Серегин совместно с другими специалистами: Б. А. Борзовым, В. В. Головкиным, С. В. Зотовым и А. Н. Невижимым — разработал три модели револьверного ружья: МЦ255-32, МЦ255-20 и МЦ255-12 соответственно под охотничьи патроны 32, 20 и 12 калибров. Теоретическое обоснование этого ружья провел Ю. П. Платонов, а общее руководство осуществлял В. И. Бакалов.

Проведенные в дальнейшем маркетинговые исследования рынка показали заинтересованность потребителя в этих ружьях под патроны калибра .410. И в результате мы имеем семейство револьверных ружей: МЦ255-12, МЦ255-20 и МЦ255-410 под патроны соответственно 12,20 и .410 (10,4 мм) калибров, развивающих среднее максимальное давление пороховых газов 650 кг/см² (12 калибр), 720 кг/см² (20 калибр) и 900 кг/см² (калибр .410).

Для стрельбы из револьверного ружья используются стандартные охотничьи патроны с бумажной, пластмассовой или металлической гильзой. Кроме того, ружье МЦ255-12 и МЦ255-20

комплекуются сменными дульными устройствами ДС-0,5 и ДС-1,0, а ружье МЦ255-410 — ДС-0,3 и ДС-0,1.

Итак, семейство револьверных ружей МЦ255 — это образцы неавтоматического оружия барабанного типа. Они снабжены ударно-спусковым механизмом (УСМ) двойного действия, который позволяет быстро открывать огонь нажатием на спусковой крючок. Барабан ружья емкостью 5 патронов заряжается путем раздельного вкладывания патронов в патронники, причем зарядание можно осуществлять патронами различного снаряжения, например дробовыми или пулевыми попеременно. Для зарядания, разрядания и извлечения гильз барабан надо откинуть влево. Ствол и патронники хромированы. На ружье можно устанавливать прицелы различных типов.

Особое внимание разработчики уделили мерам безопасности. Конструкция ружья обеспечивает необходимую прочность деталей и надежную работу механизмов при стрельбе.

Повышенная безопасность обеспечивается также надежно функционирующим разобщителем бойка и механизмом, блокирующим курок до момента фиксации барабана. Но самая высокая степень безопасности — это, конечно, сам владелец ружья, соблюдающий требования по обращению с оружием.

Все модели ружья МЦ255 предлагаются потребителю с коротким стволом (за исключением МЦ255-12) длиной 560 и 645 мм и с длинным стволом — 705 или 755 мм, при этом вес этих образцов (в зависимости от длины ствола) изменяется в интервале от 2,8 до 3,6 кг. Усилия на спусковом крючке при самовзводе составляет не более 6 кгс, а при взведенном курке — 1,5–2,6 кгс.

Анализ представленной конструкции нового образца — револьверного ружья МЦ255 — выявляет несомненные преимущества этой схемы по сравнению с полуавтоматическими ружьями и ружьями, перезаряжаемыми движением цевья. Во-первых, из револьверного ружья можно стрелять патронами с металлической, пластмассовой или бумажной гильзой. Во-вторых, револьверное ружье обеспечивает избирательность используемого из барабана патрона (стрелок может снарядить барабан с различными снарядами — дробовыми, пулевыми, спецназначения и даже с разными гильзами), а общее количество деталей ружья МЦ255

(57 деталей) примерно в два раза меньше, чем у вышеупомянутых ружей.

При стрельбе из ружей, перезаряжаемых движением цевья, заклинивание, или разрыв гильзы, или отрыв донца приводят к прекращению стрельбы, а в револьверном ружье следующий патрон подается на линию огня нажатием на спусковой крючок.

Не менее важным преимуществом является возможность применения патронов, переснаряжаемых охотником самостоятельно, и отсутствие экологически вредного разброса гильз на местности.

Необходимо также отметить, что появление на рынке оружия револьверного ружья МЦ255 вызвало много споров и «кривотолков». Оппоненты пытались найти крупные недостатки и выступали со своим мнением в печати. Найденные «недостатки» оказывались результатом недостаточного знакомства авторов с конструкцией ружья.

Конечно, вступать в полемику с «противниками» револьверных ружей, а в частности ружья МЦ255, мы сейчас не будем, а приведем результаты испытаний МЦ255 независимыми экспертами, а также мнения охотников, владельцев этого оружия.

А. Васильев в статье «Барабанное ружье» (журнал «Ружье», №5, 1999, с. 22–24) пишет, что в МЦ255 барабан прижат к стволу и отходит назад, когда давление почти полностью упало и зазор, необходимый для вращения барабана при стрельбе, минимален. Патронник находится в барабане. Часть пульного входа в барабане содействует прижатию барабана силой пороховых газов к стволу, гильза под воздействием этих же газов отходит назад и зажимает барабан в момент выстрела. Небольшой прорыв газов, который иногда замечается, происходит, когда данные силы ослабевают. При этом говорить о вспышке, слепящей глаза, не приходится. Благодаря прижиманию барабана к казенному срезу ствола полностью ликвидировано повреждение дробин при переходе из каморы барабана в канал ствола. Декоративная щечка на ружье служит не для предохранения руки от газов, а закрывает ось барабана, и с ее помощью сдвигается заклинившая гильза.

Ружье МЦ255 имеет большой запас прочности, ствол и барабан делают из ствольной стали 30xH2MФА с последующей закалкой, поэтому запас прочности очень велик: родоначальник

МЦ255 — револьвер 32 калибра ОЦ-20 — прошел три серии испытаний на живучесть, выдержав более 20 тысяч выстрелов.

Независимые испытания ружья МЦ255-20 были проведены специалистами на базе журнала «Калибр.ru» в первом полугодии 2002 года, и результаты были опубликованы в №5, 2002 г., с. 27–29, журнала Калибр.ru: «Этот тест мы решили посвятить интересному с конструктивной точки зрения образцу — охотничьему револьверному ружью МЦ255. Впервые показанное широкой публике несколько лет назад, МЦ255 вызвало настоящее удивление и неподдельный интерес». Тестовые испытания показали, что баланс ружья неплохой, вес ружья находится в разумных пределах, ружье имеет отличную обзорность в узле соединения «ствол-барабан», оружие надежно, прикладисто и универсально в использовании патронов с различными гильзами, но универсальность снижается из-за применения патронов только с длиной гильзы 70 мм, а не 76 мм.

УСМ позволяет произвести мягкий спуск, отдача вполне умеренная. На испытаниях использовались патроны пулевые «Rio» (Испания) и дробовые патроны «ПОЗИС», дробь №5. За время испытаний задержек не было. В целом револьверное ружье МЦ255 — универсальное ружье и пригодное для большинства охот в России. В качестве оружия самообороны, по мнению редакции журнала, его можно применять при отсутствии другого спецобразца. Редакция по результатам испытаний считает целесообразным «...задуматься о «полицейской» модификации этого ружья с упрощенной конструкцией, укороченным стволом и складным прикладом».

Подводя черту под сказанным о семействе ружей МЦ255, мы видим, что тезис «сколько людей, столько и мнений» к этому образцу не подходит. Все материалы говорят о заинтересованности охотников в МЦ255, и не только из-за оригинальной схемы, но и благодаря ряду достоинств и неприязнели конструкции. Конечно, создателям предстоит большая работа, которую они, несомненно, успешно выполнят: это проведение рекламы по револьверному образцу и пропаганда его схемы и достоинств. Одновременно ведется проработка образцов под патрон с длиной гильзы 76 мм и оружия для спецслужб.

ФОТОКОНКУРС

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» проводит
Очередной фотоконкурс под девизом «Охота и природа, 2007»
Подробная информация о фотоконкурсе — в № 1 за 2007 год**

Кафе-хаус «Алабама»

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Северное солнце перевалило полдень, короткий день предзимья начал меркнуть, и лесник Михаил Фотеев собрался поворачивать к дому. Но тут ушедшая вперед его рыженькая карельская лаечка Кнопка вновь подала голос. «Опять, должно, белка», — подумал лесник. Уходить еще дальше от дома не хотелось. Он побелковал сегодня неплохо: в его заплечной торбочке уже была дюжина шкурок, переложенных, чтобы не слиплись, еловыми лапками. Добытых зверьков он обрабатывал тут же, в лесу, сьемка шкурки с парной тушки занимала у него от силы пару минут, и вечером шкурки оставались только опривить и подвесить на подсушку. Лесник уже подумывал о домашних делах, когда возвратится, а лайка звала продолжать охоту... Фотеев посвистел ей, но лайка не вернулась, лишь азартнее залилась лаем. Притихший осенний лес охотно выкапывал дробное эхо. Хозяин знал, что Кнопка непозывиста, упряма, и подумал в сердцах: «От, язва! Вольется — не оторвешь! По ком это она так?»

Пришлось идти. Пушистая, красно-рыжая, как лиса, карелка облаивала куницу. Застигнутая собакой врасплох, куница взвешивалась на первое попавшееся дерево — им оказалась ольшина — и, чувствуя себя неуютно на гибкой вершине дерева, открыто сидела на виду у лайки, медленно, точно разгибая с натугой скрытую в шее проволоку, поводила головой — следила за перемещениями обзавиравшейся собаки. Отозвать ли ее от такого близкого зверя!

Как ни осторожно подходил Фотеев к работавшей лайке, куница заметила его первой. Услышав крадущиеся шаги охотника, она перемахнула на ближнюю сосну, обворвалась, едва не угодила в зубы собаке и дальше пошла верхом, перескакивая с одной елки на другую. За ельником ершились ровные ряды сосновой посадки — сам лесник сажал ее лет пятнадцать назад с рабочими лесхоза.

Несведущему человеку кажется, что зверь или птица уходит от опасности куда попало, лишь бы скрыться. Но это не так. Чаще всего они, потревоженные, стремятся в свои обжитые, «домашние» районы, где пребывали в покое, где лиса, например, наперечет знает все норы, не раз спасавшие ее от гончих, где белка помнит густо сросшиеся ели, укрывавшие ее от глаз охотника, а тетерева и глухари направляются в привычные укромные крепи... Кунице сейчас нужно было дупло, недостижимое для собаки и для человека, чтобы затаиться и переждать брех и топотню. Она пошла в посадке вер-

хом — «грядой», как говорят охотники, резво перескакивая по вершинкам ровесниц-сосенок, а внизу, стараясь не упустить ее из виду, рыжим клубком катилась неотвязная лайка, натываясь на колючую хвою и кусты междурядий.

«Ходовая попалась, пришла», — думал лесник, поспешая за Кнопкой. Ее голос продолжал удаляться и почти сошел со слуха. «Куда завела, змеюка, — бормотал Фотеев, имея в виду то ли куницу, то ли лайку, — до самого Кошозера утонула, не помню, когда и был тут...»

Действительно, слева за стволами деревьев холодно засветилось широкое, протяженное с северо-запада на юго-восток, как повсюду в Карелии, Кошозеро, за которым темнели, кучась, избы деревни с тем же названием, как и озеро. Не принято так на Севере, но по-настоящему деревню следовало бы именовать селом — в ней стояла старая церковь Святителя Николая. Ее остатки и сейчас издали виднелись на высоком берегу. Кое-где в избах уже светились окна, и лесник опять с тоской подумал о близких сумерках и долгом обратном пути к дому.

Наконец лай собаки стал доноситься из одного места. «Ну, остановила, кажись», — обрадовался охотник и ускорил шаг. Посадка кончилась, пошел матерый, не выдавший пилы ельник. В густых, обросших бородами лишайников деревьях было темно и глухо. Кнопка облаивала куртину плотно сросшихся елок. «Н-да, куничка не дура, недавно так далеко упиляла», Фотеев подошел под навис древних елей. Среди них светлела стволom могучая осина с полусохшей вершиной. В продольной трещине-морозобонне чернело дупло, выбитое, вероятно, дятлом. «Ага, вот ты где...»

Леснику не впервой было добывать куниц и в дуплах. Он взбирался на дерево, затыкал отверстие и ниже по стволу прорубал в дупло дыру, чтобы просунуть руку в толстой рукавице и придавить пушистого хищника в его убежище. На такое решались далеко не все — но недаром же лесник слыл человеком отчаянным!

Однако сейчас он находился в замешательстве: дупло было высоко, ствол был гол, как коленка, дело шло к вечеру — когда этим заниматься? Он обступил осину топором, но куница не показала: она либо намертво затаилась, либо ушла, заслыша человеческие шаги. Лайка то крутилась под осиной, то облаивала вершины соседних елей. Может, там, в хвое?

Голос человека или собаки в сумеречном лесу всегда звучит сиротливо и печально, откликающееся ему эхо

словно бы напоминает об уходящем дне, истекающем времени людских дел и наступающей порою ночных зверей.

Сумеречное небо еще более померкло, насунулось, и посыпалась, шурша по опавшей листве, снеговая крупка.

Что делать? Лайка настаивала... Всматриваясь в вершины сомкнувшихся елей, Фотеев заметил что-то темневшее в хвое. Гнездо? Беличье гайно? Или просто нарост на стволе?

Укаливаясь иголками, он полез на ель, поднял голову — и обомлел: в гущине ветвей над ним висел человек. Прежде всего он заметил ноги: одна в сапоге, другая голая, потемневшая, иссохшая, страшная...

Лесник поспешно спустился и наткнулся в спутавшейся траве на второй сапог.

Евгений Шпырёв был страшно раздосадован: крепкий пятистенок в Кошозере, на который он «положил глаз», оказался уже продан какому-то горожанину на вывоз. В нем всегда располагалась столовая, а в меньшей половине — почта. Но с наступившими реформами почту закрыли, заменив ее синим ящиком на развилке дорог, а столовая какое-то время, все больше хирея, продолжала работать. Ее существование поддерживал дорожный люд. Деревня Кошозеро стояла на пересечении дорог, расходящихся в одну сторону на Косую Губу, на пристань, а в другую — в административный поселок Сижму — там-то Шпырёву и подтвердили огорошившую его новость.

«До чего же ушлый пошел народ, — матюкался про себя Шпырёв. — Не успело что-то шевельнуться в голове, как оказывается, кто-то уже заступил наперед... Однако он зря дом вывозит, не дотумкал, что тут на дороге можно тоже неплохо подкалывать: дорога становится бойчее, начинают лес сводить подчистую, лесовозы пойдут на Косую Губу, туда и туристы гулом прут, а в Сижме теперь ярмарки — тут бы и поставить кафе-бар...»

Собственное кафе — это была голубая мечта Шпырёва. Пива сейчас полно, водки — залейся, харчишки оптом закупить — и считай барыши... Где только укорениться? В городе уже тесно, конкуренция, опоздал... И пришла блестящая мысль: на перехлесте дорог он будет один, тут его не минуют! В Кошозере столовка, считай, бесхозная, дом крепкий, обустроить его под терем-теремок, пристроить веранду открытую с видом на озеро — и вот тебе дорожный ресторан! Ну, может, и не ресторан, а уж кафе-бар — это точно. Назвать как-то поукоряднее, как это сейчас все делают... Ну, скажем,

«Кафе-бар Алабама»... Хорошее название, запоминающееся. Засело оно в голове Шпырёва после поездки на поезде, когда спутники по купе, веселые очкарики-студенты, принялись от скуки играть в города, стали припоминать те, в названиях которых есть четыре «а». Перечислили Кандалакшу, Балаклаву и прочие города Советского Союза, и кто-то произнес это слово — «Алабама». Заспорили, потому что это не город, а штат, к тому же американский, закордонный, а такие в игре не участвуют... Но сказанное въелось, и теперь Шпырёв только такой и представлялась вывеска над входом в его будущее заведение: «Кафе-бар Алабама». Нынче модно давать названия заковыристые, иностранные, завлекающие своей загадочностью... В Москве, он видел, много всяких «хаусов», может быть, даже лучше так: «Кафе-хаус Алабама»...

Евгений задумчиво бродил по поселку, поглядывал на свой «Опель», пучеглазо упершийся фарами в озеро, поблескивающий возле загоры из наклонных жердей, чуждый округе, как случайно залетевший инопланетянин...

— Шпырь! Ты чего тут шлэндраешь! — подошел к нему его одноклассник по школе Генка Ревякин, обрадованно хлопнул по плечу. — Вот где не

думал встретить! Чё-то тебя вообще давно не видно, я уж подумал, куда нибудь на юга, на Кипр махнул.

— Да вот... Перекусить хотел, а столовку ликвиднули...

— А ты чё — не знал? Мой хозяин купил, Мотья Фишкин — у него магазинчик в подвале, «Интим». Не был? Загляни — обхохочешься! Я его и навел на Кошозеро, он маркет хочет поставить... Так ты чё — голодный? Пойдем, бабка моя накормит, у нее корова недавно отелилась.

— Нет, спасибо... Поеду скоро.

Женьке Шпырю хотелось отвязаться от некстати подвернувшегося знакомого, оказавшегося к тому же связанным с его неожиданным конкурентом.

Так он оказался у старой церкви, стоявшей на высоком берегу озера. Старожилы еще помнили, как в ней, поставленной в XIX веке разбогатевшим на рыбе купцом, до войны шла служба, звон ее колоколов широко разносился по озеру, вторил эхом на противоположном лесном берегу. Потом колокола сняли вроде бы на Кижский погост, и после этого притихшая церковь стояла с заколоченными окнами и дверями, далеко видная с воды. Ее сруб довольно хорошо сохранился благодаря высокому прочному фундаменту, сложенному из тщательно подогнанных диких

камней. Он-то и привлек внимание Шпыря, топтавшегося вокруг церкви. «Только старики умели делать такую кладку, — размышлял предприниматель. — Без цемента, на глине, камешек к камешку... Простоял полтора века и еще простоят столько же... Церковь снеси, а на фундаменте — новый сруб... И не там, у пыльного грейдера, а тут, над озером! Красота-то какая! Кто у нее хозяин? Но если спросить — могут не разрешить, а время сейчас такое — делай и ставь перед фактом, а когда дело сделано, взад не попятишь, «поезд ушел»...»

Он еще и еще раз обошел вокруг, довольный своей догадкой, равнодушно оглядел изображение какого-то святого над заколоченным входом.

— Все! — утвердился Шпырёв в своем решении. — Заметано. Мужики за пару зеленых расхвиряют, а там думать будем, как строить. Дизайнера привезу, чтоб все чинарём...

Но с мужиками вышла загвоздка. Все, кто помоложе, отправились в город на «халтуру», а немногие оставшиеся в деревне старики отказывались, ссылаясь кто на занятость: «С покосом не управились, огород не полот», а кто на боязнь работать на верхотуре: «Не могу, и без того в голове кружение, заносит».

— Двести баксов, почти шесть тысяч — где тут такие деньги заколыми-те, в деревне работы никакой? — напирал Шпырёв. — К первому рассыпешь — прибавлю еще зеленую!

— Не надо мне твоих баксов! — махнул Шпырёва тракторист Егошин, единственный из кошозерских мужиков, имевший постоянную работу на дороге, разравнивающий ножом бульдозера выбоины после тяжелых лесовозов, а зимой угольником-«утюгом» отгребавший снег. — Зачем тебе это? Чего ты удумал?

И Шпырь поделился с ним планами: человек дела, поймет!

— Ты попробуй с Самуней поговорить, с Кольшей Самуниным... К нему недавно дочь из города вернулась с двумя хвостами: пацаненка там прижила и растрату сделала в киоске, ее хозяин выгнал да по суду потребовал возместить. Ну, из-за ребятенка не посадили, по подписке отпустили.

— А как же она из города уехала?

— Да она же кошозерская, здесь прописана. Под надзор участкового. Отец теперь рыбой на развилке торгует, сумму ей набирает. Может, согласится. Только навряд ли...

Самунина Шпырь нашел на берегу. Стоя в лодке с прилипшим в углу рта охныриком, щурясь от солнца, он выпрастывал рыбу, чтобы повесить мокрую сеть на вешала.

— Ну, как улов, рыбак?

— Плохо ходит, — не сразу ответил Самуня. — Луна меняется. Северига тянет. Стоит рыба.

— Но все же есть маленько, — отметил Шпырь.

— Купи! — тут же определил денежного человека Самуня. — Чтоб на до-

рогу мне не ходить. Токо что плавала. В городе, небось, такой не купишь.

— Рыбу-то я куплю, — согласился Шпырь, хотя она была ему не нужна. — Но у меня к тебе есть разговор.

Застигнутый врасплох неожиданным предложением, Самунин мялся, поглядывая на церковь, чертившую маковкой проплывающие кучевые облака.

— Ну, чего никак не растелишься? Церковь жалеешь? Простой еще двадцать-тридцать лет, все одно рассыплется... Вон и крыша уже худая, быстро будет преть... А так и ты, и дочка будете при деле, у нее опыт есть торговый, а ты — на постоянном подхвате: дрова, вода, что-то принести, что-то разгрузить... Для себя же работу сготовишь. Бизнес пойдет — деньги будут хорошие. Растрату помогу выплатить...

— Ну, ладнень, — решил, будто в омут кинулся, Самуня. — Напарника найду — сделаем. Одному тут никак нельзя.

Он уже прикинул, кого сговорить на работу — бомжа, которого сердобольная бабка Егориха пустила к себе на вышку: как и другие некоторые бомжи, с весны подавшиеся из города в окрестные деревни на сезонные шашаки, он уже второе лето отирался в Кош-озере.

— Ломать — не строить! — философски заметил Бомж. — Годится. Исполу, что ли?

— Из трети, — уже чувствуя себя хозяином, определил Самуня. — Одну — тебе, две — мне: мне надо Веркину растрату покрывать.

— Воровать надо меньше, — тем же тоном назидательно просипел Бомж.

— Наворовала, так хоть деньги бы были, — вздохнул Самуня. — На пересортице погорела. Не по той цене продавала. Пойдешь, что ли?

— А... с тобой! — сплюнул компаньон. — Так и работать буду — на одну треть.

Они выставили на скорую руку шаткие леса и принялись разбирать луковку-макву. Отполированные ветрами и дождями серебристые осиновыя лемеха, фигурной чешуей покрывавшие каркас маковки, козыряли на ветерке, колесились, попадая на камни.

— Гляди, как строили, ни единого гвоздя, чтобы ржави не было, — не удержался, восхитился Самуня, срывая деревянную «черепицу».

Отсюда, с колоколенки, широко открывалось озеро и поселок с аккуратными рядками поднявшейся по огородам картошки с сизыми грядами лука, был виден сквозивший за избами большак, по которому нечасто проносились, поблескивая стеклами, машины. На уровне лесов-подмостей, чуть шевеля крыльями, плавно проплывали чайки, бочили белые точечные, будто фарфоровые головки, темными глазами равнодушно оглядывали близко работавших людей. Отбрасывая слепящие зайчики, озеро перепоясала солнечная дорожка, в ней подплавила пересекавшая ее лодка с рыбаком на корме, а в стороне ершились заброшенные в воду сосновые ветки — самуническая приманка для любивших отстаиваться в затонувшей хвое окуней. Наверное, только звонарю, поднимавшемуся когда-то сюда, на овеваемую ветрами звонницу, знакомы были эта красота, простор озера и лесных далей. Перекуривая на лесах, Самуня как бы впервые видел с непривычной для огляда верхотуры знакомую округу, и душу его тягостно тронул укор оттого, что взялся за неуютное людям дело.

«Но ведь и Верка, и Валерка ее — тоже люди, а кто, как не я, может и должен войти в их положение, чем-то помочь? Пенсией, что ли, своей грошовой, которой едва хватает на хлеб и которую вот уж три месяца задерживают? Разве виноват малец, что родился, что так сложилось у его шепалутной матери? Когда еще подвернется такая работенка, такая «шара»?»

Людей, разбиравших высоко стоявший храм, видно было сдалека, но к

ним мало кто подходил — может быть, потому, что по поселку уже разнеслось, что на этом месте будет кафе, а более из-за давнего деревенского обычая не лезть в соседские дела. Только на второй день приплелась старая Егориха, задрала лицо, прикрыв глаза козырьком ладони от разлитого в небе света:

— Колыша! Это чего ты затеял? Что же ты, охальник, делаешь! Это же церква твоего святого, Чудотворца Николы, угодника-заступника, тебя в ней крестили в честь Николы-Зимнего! Ах, батюшки, грех-то какой на душу берешь!

Старуха причитала, мелко осеняя частыми крестными знаменами то себя, то работавших наверху мужиков. Самуня, всадив в балку топор, молчал, поглядывая на стоявшую внизу старуху в насунутом на лоб белом платочке, казавшуюся сверху особенно тщедушной и узкоплечей. В груди его мутно, удущающе теснились раздражение, стыд, обида, злость... Он длинно и грязно выругался.

— Теть Нюся! Хорошо тебе говорить! А что мне делать? Скажи, если ты такая... умная... Одному-то мне хоб... а тут Верка под судом, пацан грудь тянет... А? Молчишь. А мне хоть в петлю!

Наступило молчание. С писком метались вокруг церкви потревоженные ласточки, не первый год гнездившиеся на звоннице.

— Анна Егоровна! — вступился Бомж. — Мы же аккуратно. Разберем, все сложим...

— А ты, мазурик, больше не приходи! Приветила его, одеялку дала! Глаза бы мои тебя больше не видели... С Божьим словом храм строили, не так, как вы, с матюками рушите...

Бомж уходил с работы пораньше — только можно ли было назвать это работой? — оставлял Самуню одного.

— Пока твой буржуй свой аккорд вы платит, я с голоду загнусь. У меня нет горба, как у верблюда, чтобы запасами жить, кушать-то каждый день надо. Пойду, обещаю бабуле загороду поправить, сулила молока дать...

Бомж оказался мужиком тертым, повидавшим свет, он много рассказывал на ветерке Самунину о своих скитаниях, о работе на БАМе, и тот дивился про себя, как этот человек, знавший, по его словам, столько ремесел, не мог найти себе места в нынешней жизни.

— Пожди, Эдик, не уходи, — придержал Самуня Бомжа, когда тот наладил-

ся слезать с лесов. — Давай вместе перевод сыдем в барабане, а там уж я сам...

Они сняли тяжелый брус, но худосочный, испитой Бомж оскользнулся, не удержал бревна, и оно рухнуло, завалив леса. Брус смаху ударил Самуню в грудь и придавил к стене. У старика потемнело в глазах, он сдавленно застонал от боли и сам, словно бы со стороны, слышал, как что-то хрустнуло и оборвалось в груди.

— Что же ты... — трудно кряхтя, выругался Самуня. — Убил меня...

Опираясь на Бомжа, он едва добрался до дома.

— Ничего... Отлежусь... — прохрипел он, пообещав Бомжу. — Ты пока... там один... Отлежусь...

Но Бомж в одиночку разборкой не занимался, по-прежнему пробавлялся мелкими шашками под харчи. Храм с полуразрушенным барабаном опустел. Только все так же неспешно плыли над ним облака да с писком резали воздух ласточки-касатки.

Самуне лучше не становилось. Отгороженный ситцевой завеской, он тяжело, с присвистом и хрипами дышал, слушал, как Вера гремела ведрами и уговаривала уснуть хныкавшего ребенка.

«Накаркала Егориха, — одолевали его невеселые мысли. — Старая карга... Самой-то сын помогает, деньги шлет... Вызвала своей ругней гнев Господень... Согрешил я... Да что уж теперь...» В груди у него kloкотало, он отхаркивался кровью, с мучительной гримасой глядя с кровати, как в цинковом тазике расплываются красные плевки.

Верка узнала, что приехавший к родне порывачить на выходные парень — врач городской больницы, затасила его посмотреть отца.

— Веди, — согласился врач. — Только ведь я не знал, нет у меня ни тонометра, ни стетоскопа. Но осмотрим.

Он помял хворому грудь, заставив Самуню моткнуться от боли, приложил к телу пахнущую шампунем — родня угостила баней — голову.

— Да, здорово тебя шарахнуло, — почти весело заключил врач. — Вернее всего — отрыв легкого. Нужна операция. И как можно скорее. Хирург у нас хороший. Полис есть?

Ни Самуня, ни Верка о страховке ничего не слыхали.

— Тогда это тебе обойдется тысяча восемь-девять. Дело серьезное.

— Верка, — прокашлялся из-за завески отец, помолчав после ухода доктора. — Поглядывай, не приедет ли Шпырёв. Машина у него голубенькая, он ее в проулке возле груди ставит. Спроси, не заплотит ли за то, что сделано...

Заказчик не заставил себя долго ждать. Он оставил машину, прошел к церкви, оглядел ее, хотел было идти к Самуниным, но тут подскочила Верка.

Она вскоре вернулась.

— Он говорит, что забыл, что ли, он — про тебя, значит, — что мы дого-

варивались аккордно рассчитаться, за всю работу сразу. На кой, говорит, она мне полуразобранная. Пускай кончается, а за мной, говорит, не заржавеет.

— Все верно, — подтвердил, вздохнув нутно, Самуня. — Скотина он, этот Шпырёв...

Так прошло еще несколько тоскливых, безвыходных дней. Бомж не приходил.

— Что будем делать, отец? — подседа к нему на кровать Верка. — У меня картох меньше ведра осталось, до новой не дотянем. Я подкопала — мелочь, горох, только портить... Деньги на хлеб растягиваю. Валерка голодный, орет, титьки теребит, а они как тряпочки, кончается молоко... То хоть рыба была, на молоко меняла, ты что-то продавал. А что теперь? Прямо не знаю, что делать...

— Может, сама сплавашь, поставишь сети? Эдик поможет...

— Да его что-то и не видно... Может, уехал куда, перекати-поле... — Помолчали. — Прямо не знаю, что делать, — повторила Верка. — Валерку жалко. То ты с рыбой на развилку ходил, а теперь хоть самой на дорогу идти, лесовозников веселить — лес все больше возят...

«Права девка, что-то надо делать, — сбивчиво думал Самуня, пустоглазо упершись взглядом в завеску. — Не жилец я... «Бизнесмен» хренов... Поддался ему, грех на душу взял... Грудь болит, да и на сердце камень... Верке обуза... Хоть операция, хоть похороны — расходы ей... Делать надо что-то, пока силы какие-то есть, а то и тех не будет...»

Папаня, ты куда? — удивленно вскинулся от прополки огорода встревоженная Верка.

— Пойду... сетки поставлю... получше мне... — задыхливо ответил отец. — Не ходи... за мной...

Не трогая на вешалах давно просохших сетей, он заступил в лодку, отпихнулся на мелком и поплыл через озеро, отгребаясь на корме веслом. С того места на плесе, откуда виднее всего была церковь, он оглянулся, прошептал что-то, перекрестясь, вытер шапкой слезы.

Ткнувшись в мшистый берег, он выбрался с трудом, оглянулся еще раз на поселок, перекрестился, оттолкнул ногой лодку и побрел в лес.

Найдя в глухом ельнике скопище тесно сомкнувшихся лапами деревьев, Самуня, передыхая, чтобы унять боль, забрался как только мог выше, в темную гушину, прошептал пересохшими губами то, что оставил на записке, прикрыв ее подушкой: «Не ищите — не найдете».

Обнаружив пустую лодку, люди решили искать Самунина в озере. Из города даже приехал водолаз-аквалангист службы спасения, понюрял, но извлек из воды лишь старый, надтреснутый банный котел.

Рисунки Б. Игнатова

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Как правильно выбрать ружье, винтовку, карабин. Авт.-сост. А. В. Литвинов. — М.: АСТ; Донецк: Салкер, 2006. — 5000 экз. 255 с.

Приведены сведения о популярных моделях зарубежного и отечественного охотничьего огнестрельного оружия, его устройстве и боеприпасах к нему. Даны правила обращения с оружием, рассмотрены законодательные аспекты его приобретения и регистрации.

Руковский Н. Н. Охота на мелких хищников и грызунов. Серия: Охотнику в ягдташ. — М.: Вече, 2006. — 3000 экз. 158 с.

Автор рассказывает о биологии и образе жизни промысловых зверей и грызунов, способах охоты на них, а также о приемах снятия шкурки животных и правильной их обработке.

Проблемы охотоведческого образования в современных условиях. Материалы Всероссийской научно-методической конференции 24.05.06—26.05.06, Иркутск: ИРГСХА, 2006. — 98 с.

В сборнике освещены проблемы подготовки охотоведов в высшей школе и техникуме, представлен проект государственного стандарта подготовки охотоведов в высшей школе, принятая резолюция. Следующая традиция факультета охотоведения ИРГСХА, помещены материалы, посвященные творческой деятельности охотоведов Сибири и Дальнего Востока.

Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов. Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 26—30 мая 2005 г. — Иркутск: Изд-во ИРГСХА, 2005. — 614 с.

В сборнике рассматриваются биографические моменты из жизни выдающихся деятелей охотничьего хозяйства, проблемы охотоведческого и экологического образования, вопросы охраны и состояния популяций промысловых животных, обсуждаются правовые, организационные и экономические вопросы охотничьего хозяйства, состояние и охрана растительных ресурсов, производство охотничьей продукции, а также прочие вопросы состояния природных экосистем.

Лосев С. О. Охота на диких голубей. Серия: Охотнику в ягдташ. — М.: Вече, 2006. — 3000 экз. 157 с.

В былые времена на Руси охотились на голубей и даже подавали к столу как деликатес. Сегодня же стреляют лишь по глиняным голубям на стендах. Однако немало любителей и горлиц еще кочуют по европейским лесам, и у охотников есть шанс поохотиться на этих птиц в соответствии с рекомендациями и советами автора книги. А приведенные рецепты старинной русской кухни помогут самостоятельно приготовить блюда из голубиного мяса.

ШОК

Сергей КУЧЕРЕНКО

С нашей памятью порой происходит нечто чудесное и неизъяснимое. Увидишь вроде бы ничего особенного не представляющее или услышишь, казалось бы, обыденное, запах какой-то уловишь. А в голове начнет пробуждаться, словно от летаргического сна, нечто давно происходившее и напроочь позабытое. Как проявляется в ванночке чистый лист фотобумаги в ярком пучке света через негатив...

Месяц назад зашел я в районный небольшой зоопарк и задержался у клетки с замыганным тигром со сломанными зубами. И подумалось мне: да он вроде дворняжки рядом с овчарками или пигмея в племени масаев — рослых, мускулистых, стремительных в движениях и отважных. И вспыхнула в голове другая мысль: уж сколько лет «тигроведы» дискутируют и спорят, каких размеров достигают «вольные» тигры. Одни безапелляционно уверяют: максимум два центнера. Другие возражают: «У вас нет собственного полевого материала, к тому же вы не знакомы с серьезной литературой, вам неизвестно, что в Индии недавно зафиксирован отстрел суперкота весом в 387 килограммов. А ведь амурские общепринято покрупнее. Вспомните Байкова: он ведь приводит конкретные факты добычи колоссальных «котов». Или Байков для вас не авторитет?»

Но вот берет слово сверхсамоуверенный оппонент, сделавший карьеру «ученого» на содержании в просторной вольере тигриного выводка при кормлении затворников чем попало и содержании в условиях, далеких от естественных больше некуда: «Брехня все это! 220 килограммов — это предел веса тигров прошлого, настоящего и будущего...»

И вдруг вспомнилось мне, как лет двадцать назад в древнем селе посреди уссурийской тайги памятно пообщался я с промысловиком в серьезных, но еще не старческих летах, охотившимся в той глухомани еще в 20—30-х годах, много повидавшим и пережившим. Особенно охотно он рассказывал о встречах с тиграми, повадки которых знал лучше, чем характер жены.

Вспомнил, что кое-что из этих бесед я записывал в полевых дневниках, и заспешил домой, чтобы торопливо листать от времени полуистлевшие, давно затертые и замызганные книжечки... И вот наконец! Кратко записано, однако память между строк стала высвечи-

вать куда более яркое и конкретное. События, когда-то ушедшие в бесконечность прошлого, вдруг стали вострачивать из черного провала памяти, чтобы ярко высветиться, растворяясь в беспредельности будущего.

И еще вспомнил, что тот кряжистый дед говорил, беспрестанно путая русскую речь с украинской, а из-за беззубости изрядно шепелявя. Однако был он достаточно грамотным, даже нечто интеллигентное смутно угадывалось в нем и чувствовалась глубоко запрятанная тайна. Много лет спустя, когда его не стало, селяне чуть приоткрыли мне ту тайну. Был он дворянского рода, воевал офицером Белой армии, после ее гибели скрылся в глухом староверческом хуторке, отсиделся в потайном зимовье, а потом стал жить таежными промыслами, войдя в состав семьи староверов. А когда беспощадные руки чекистов перерезали и староверов, мой собеседник, чудом уцелев, ушел в таежной дальний скит, добираться до которого не решались и самые кровожадные борцы с контрой. И только в войну, когда пролетарским властям стало не до староверов, мой знакомец приблизился к верной заветам Христа семье, доживающей свое в полуразрушенной «списанной» деревеньке.

Теперь я не смогу воспроизвести говор того моего собеседника, и нет беды в этом. Главное — рассказать суть оригинальной истории, о которой писать не принято: одни стыдятся подобных былей, другие в них не верят.

— Дело было в начале июня, — стал вспоминать мой собеседник после того, как мы дружно опорожнили мою бутылку перцовки и его банку с маринованными огурчиками. — В пантовку. Имелся в моих угодьях добрый природный солонец, всякий зверь хаживал на какую-то особую белую глину азартно, и добыть там за сезон двух-трех добрых пантачей особых забот не составляло. Надежную и удобную сидьбу еще мой приемный батя устроил на кряжистом раскидистом дубе, этак метрах в десяти над землею. С крыши над головой из драмки и коры, с лестницей из набитых на ствол крепких поперечин. Там от скуки и подремать можно было иной раз, не теряя, конечно, ни слуха, ни нюха, а тем более не засыпая.

Вот... Пришел я однажды на тот солонец уже к вечеру и обнаружил всего в каких-нибудь двадцати метрах от

«моего» дуба здоровенного изюбря, у которого лишь панты были аккуратно обгрызены по самые коронки да солидно выедены «окорока». Нетрудно было определить, что это дело когтей и зубов тигра, и очень даже немалого размера: отпечаток лапы двумя сомкнутыми ладонями не перекрывался. И решил я его опромыслить. В то время за амбу можно было кучку добра получить и год жить безбедно во всеоружии. Да и в том еще была необходимость ухлопать полосатого вражину, что иначе он мою пантовку порешит. А тебе напоминаю: в те славные времена охота на тигров не только не возбранялась, но и поощрялась.

Не стал я следить по солонцу, вдоволь напился, набрал котелок воды, удобно устроился под крышей сидьбы, проверил надежный карабин и залег, настроив себя на терпеливое ожидание незваного гостя. Он, по моим предположениям, должен был явиться к своей добыче на угасающей заре, теперь же почивал на сытое брюхо не иначе как у ключа метрах в двухстах. Пить-то любит, а более того обожает крепко выдыхнуться на полное нутро свежинины с кровинушкой.

Дремать, конечно, я не собирался, тем более что с сидьбы можно было увидеть для души радостное. Оленухи с телками и спичаками-прошлогодками еще посплету приходили полокаться глиной, косульки хаживали, даже зайцы. А прежде с этой сидьбы довелось усечь, как пришлепал сюда буряк и залег у края выеденного котлована, определенно желая подстеречь что-нибудь повкуснее да посытнее, чем весенние зеленя. Тигриных же следов, старых и свежих, тоже доводилось обнаруживать не раз, потому что сторожили добычу здесь тигры не хуже моего.

Да и какой дреме было быть, когда вокруг природа одевалась в такую нежную зелень, птица всякая пела и суетилась и другие разные голоса то и дело доносились, понятные и загадочные... А солнце потихонечку, помаленьку покатилося на покой за моей спиной.

Я спокойно и бдительно сторожил тишину, не пропуская без внимания и шорох полевки, и бесшумно протянувшую сову, и птичий щебет. В одной стороне рывкнул кем-то потревоженный изюбрь, в другой заорала неясно, козодой пометался меж кустов и деревь-

ев и скрылся. И снова было тихо. Так тихо, что слышались толчки крови в жилах и легчайшее потрескивание распускающихся дубовых листьев... Я прислушивался, для надежности приоткрыв рот, и к шепоту хвои, и к беседе деревьев, вроде бы улавливал грустную песню уходящего за горную гряду солнца и еще робкий, но уже густеющий голос сумерек... И так благостно было на душе.

А тигра я засек издали. Он шел в мою сторону до наглости самоуверенно, нимало не беспокоясь, куда опускать лапы, шагал так твердо, как может идти лишь полководец после блестящей победы, царь, хан или другой властитель, которого смертельно боялось все население его владений. Под лапами хрустели сучья и вздыхала трава, и было даже слышно, как шуршала шерсть о кустарники и деревья.

И все же он иногда останавливался, и вся таежная тишина мертво затаивалась в траве, в кустах, в кроне моего дуба. А я все шире и шире раскрывал рот и позорно обмিরал, хотя зверюг похожего вида раньше усекать доводилось не раз. Подобных обличьем, но не таких огромных размеров. И вот я увидел ЕГО — сначала расплывчатым в сумерках контуром гигантского зверя, минутой позже — темным силуэтом и, наконец, стал различать исчерченную иероглифами в пышных бакенбардах башку с небольшими ушами, широченную полосатую грудь и толстые ноги, шагавшие с такой легкостью, словно несли они не груды слоновьего мяса и костей, а что-то пушистое и легкое, вроде шубенки из барашков.

Когда он оказался от меня в двух десятках метров и ясно обозначился, я уже как сквозь туман четко разглядел невероятно мощное тело, виртуозно сгроханное такими дубово-крепкими и могучими мускулами, каких не имеют ни конь-тяжеловоз, ни бывалый бугай, ни секач-заворотень... Бык-лось или матерый медведище в урожайную осень. Я слышал его легкое и в то же время мощное дыхание, причем четко различал вдохи и выдохи. И, казалось, доносились до меня гулкие спокойные удары сердца мощностью в десяток лошадиных сил.

Царственно важной походкой он приблизился к своей добыче, небрежно обнюхал ее, грозно и властно повернул голову в одну сторону и другую, внимательно обследуя ближнее окружение. И вот зевнул, причем размахнув пасть так широко, что увидел я смертоубийственные зубы, розовое нутро с длинным языком, глубокую глотку... Но больше всего пугали клыки. И отчего-то вяло проползла в затуманенном мозгу мысль: под таким оружием легко хрустнет не только кабаный или изюбриный череп, но и бычий. А когда он поднял башку и по каким-то причинам внимательно посмотрел на мою сидьбу, я... Нет, не могу я в полной мере вспомнить весь свой ужас. Вроде бы какая-то острая пика пронзила меня

вдоль и поперек, а потом каменная глыба весом в сотню тонн придавила. И такой жалкий неодолимый страх овладел мною, что и теперь вспоминать стыдно. И все же доскажу, чтоб на старости лет душу облегчить.

Но тут вот другая загадка требует разрешения. Я еще в те страшные минуты вопрошался: какая же сила в этом Гулливере? Ведь все кошки очень сильны, даже мурка из твоей хаты. Рысь в зубах на весу несет тяжеленного для нее барсука, леопард с добычей поувесистее его самого способен не просто бежать, но и прыгать и даже на дерево взобраться.

Теперь потолкуем о тиграх. Частенько пишут и говорят, что полосатый зверь опасается нападать на умеющих за себя постоять матерых медведей, вепрей, сохатых. Так-то оно так, да и не так бывает. Наблюдал я как-то с крутого речного берега погибельную схватку не крупной тигрицы и громадного лося. Как хищница скрадывала столь вроде бы непосильную для нее добычу — не знаю. А увидел, как взрыв снаряда: бык высоко вздыбился, поджав к груди пудовые копыта, и тут же ударил ими нечто. Тигрица то была, но она от страшного удара копыт увернулась, а в следующий миг вцепилась сохатому в губы, забросив зад на круп несчастного. Но он опять поднялся с нею на дыбки и снова ударил копытами, теперь уже просто в землю, и снова выпрямился... Но вот уже трясет головой, не вздыбливаясь... И опустился на колени... А тигрица тут же перехватила его за горло.

Стоя на коленях, жертва рыдала и выла, стонала и все тише хрипела, а через пару минут вытянула ноги... Но не меньше поразился я другому. Тигрица была легко добычи в три-четыре раза, а вот поволокла ее под нависельей в сотне метров, да в кручу, без видимого напряжения. Поволокла через валежины и камни и перебрасывала, словно тянула мешок с крупой. В одном месте копыто плотно заклинило в крепкой развилке вяза, так она с такой силой рванула ношу, что слетело то копыто с голени. И подумалось мне в трясучке страха: коли в той тигрице я увидел такую силу, то сколько же ее в этом страшилище, что совсем рядом со мною? Оно и дуб мой свалил. И слона одолеет, окажись он тут...

Пока мой дедуля крутил козью ножку, я дал ему возможность помолчать и послушать меня:

— Документально зафиксирован случай, как в индийских джунглях почти всю ночь насмерть сражались тигр и слон. Казалось, весь свет рычал, ревел и трубил, и все живое в страхе застывало. И наконец стихло. А утром на месте побоища нашли мертвого слона, и был он так изорван и изуродован, как только тигр и мог сделать.

Однако мой «собутыльник» не дал мне разговориться и потянул свое:

— Значит, на сидьбе я обмяк как подушка и даже стал задыхаться. Обмершее было сердце вдруг стало биться в ребра, потом оно поднялось в горло, и я начал совсем терять себя. Но вот оно опустилось и понеслось вскачь по нутру из одной стороны в другую. И наконец словно влипло в позвоночник и замерло, забыв свое предназначенье. У меня потемнело в глазах, а волосы, казалось, впервые в жизни приподняли шапку. Но и плохо видя, не осознавая события, я глядел на полосатое чудовище туманно-замерзнуто. Я забыл о карабине, забыл, зачем затаился на сидьбе у этого солонца в сей тайге, будь она трижды проклята.

А когда сверхмогучая зверина сомкнула пасть на шее изюбры и без каких-либо усилий поволокла... под мой дуб и тут же стала шумно его пожирать, хрустя костями и чавкая мясом, довольно порывистая, я... Да нет, не поняв мое состояние в те минуты ни тебе, ни кому-либо другому. Душа моя много раз переломилась и скомкалась, а время заморозилось... То был шок — это когда все видишь, слышишь и кое-что понимаешь, а тело твоё ни на что не способно и тебе не подчиняется.

Страх мне был давно знаком — в тайге ведь всякая невероятность случается. Как-то осенью я спокойноенько подремывал после обжигающего чая, ждал, когда угли в костре дотлеют. И вдруг что-то вонзилось мне в бок — вроде бы стрела из тугого лука. Я повернул голову и увидел медведя. Всяких буряков доводилось мне встречать и немало их опромыслил, в том числе и потянувших на амбарных весах под полутонну. Да ведь без внутренностей! Но этот... Невиданной мне огромности. Он показался слонем с оборванным хоботом, одетым в медвежью шкуру. Живая черно-бурая гора! Однако давно известно, что такая громада тракторной силы умеет быть и молниеносно стремительной и способна достичь обидчика даже с простреленным сердцем, чтобы поднять его под себя, жамкнуть и удовлетворенно испустить дух. Более всего не прощают обид тигры и медведи, и месть для них — дело святое.

Он преспокойненько изучал меня и обнюхивал с какого-то десятка метров, я различал на его морде каждый шрам и волосинку каждую, белесые ресницы. Видел устремленные на меня глаза, и колышущиеся от дыхания жирные бока, и чуть ли не до земли провисшее брюхо... Мелькнула было мысль: какой фарт подвалил, и всего-то в пяти километрах по хорошей тропе до избы. И потянулся я за двустовкой, в которой так кстаи были пулевые патроны с полутонной навеской пороха. И стал поднимать ее, медленно поворачиваясь к зверю и привставая на коленях... А поднять приклад к плечу не сумел — руки мои словно парализовало. Может, потому так получилось, что несколькими днями до того был я в лапах другого медведя и мне дико повезло уцелеть —

лайка спасла ценою собственной жизни. Но теперь пришла ко мне уверенность, что не смогу послать пули по месту — так ходуном ходила мушка... И какое же облегчение испытал я оттого, что этот бесхоботный «слон» в медвежьей шубе преспокойненько укосолапил по своим делам в таежном хозяйстве.

И с тиграми я встречался, скажу еще раз, немало, испытывая при этом мелкий страх или покрупнее, но все же не выпускал я себя из рук. И пусть скажет мне кто, что не боялся при похожих столкновениях. Эти полосатые владыки на всех людей оказывают какое-то давящее воздействие, я смолоду это познал. Шатун куда опаснее тигра, но вот не нагоняет же на человека такую позорную боязнь, как полосатое страшилище уссурийской тайги.

А этот. На солонце-то... Он своим видом обратил меня в подобие огороженного пугала или ватой набитого чуче-

ла. От него исходила густая лава чего-то заживо удушающего, какие-то волны накатывались или, как ты говоришь, биотоки страха... Да нет, не страха — ужаса. От которого можно было и душу на небеса отправить. И вспомнился мне в те минуты случай, когда крупная собака не трусливого десятка, уткнувшись в свежий след тигра, свалилась в обморок и долго не приходила в себя. Конь боится переступить следы недавно прошедшего тигра... Знал я и охотников, которые после серьезной встречи с амбою выходили с промысла.

Заклубился махорочным дымом мой друг, задумался, в дали своей жизни удалился. И дал я ему возможность отдохнуть от долгого рассказа.

— Все тобою рассказанное не удивляет меня и не порождает сомнения, — начал я. — Вот посуди. В Африке однажды проводник бесстрашного охотника за слонами коснулся плеча своего хозяина и молча показал на кончик слоновьего хобота, тянувшегося из густой кущи к охотнику. Он ждал этой встречи, в его штучере были настолько мощные патроны, что от удара пули атакующий слон опрокидывался на задницу. Была удачная возможность завалить этого слона дуплетом, и он уже вскинул ружье, а... нажать на спуск курка сил не нашел. И через две секунды слон оторвал ему голову... Или еще. На рассвете в палатку тоже знаменитого истребителя львов в раскрытые полы просунулась огромная желтогriвая башка, присматривающаяся к темноте палатки. Казалось, Бог милостию привел богатый трофей прямо к лагерю всей Африке известного храбреца, и мощная заряженная винтовка лежала под боком. Но он не смог ею воспользоваться и сам оказался трофеем людоеда... Описан и такой эпизод. Нагруженная бивнями лодка под веслами гребцов плыла вдоль берега реки. И

неожиданно все увидели в шести метрах огромного слона с великолепными бивнями. Счастье само в руки просилось. Гребцы молча притормозили ход лодки, ожидая выстрела хозяина. Но у него парализовало руки, и он не смог поднять мощное оружие... Бывает, в такие критические мгновения дело и смертью кончается. Недавно рассказали мне: шел охотник своей тропой и, забыв о настороженной на медведя петле, подошел к полузадушенному зверю слишком близко. Медведь с ревом бросился на человека, трос задержал его от жертвы в каком-то полуметре. Человек умер от разрыва сердца. А смелым был, полсотни добытых медведей на счету числил... Так что хвала тебе за то, что ты на сидьбе не помер от страха.

— Дай мне договорить о себе, — отобрал у меня слово дед. — Через какое-то время нашлась-таки во мне крохотная силенка для того, чтобы потихоньку-помаленьку брать себя в руки. И стал я рассматривать это чудовище с какой-нибудь дюжины метров под собою. Я увидел широченную желтую спину в черных поперечных полосах, жадно рвущую плоть изюбря головищу с белоснежными пятнами на ушах... И решил всадить в него пулю точно в затылок и тем прекратить кошмар. Ведь для этого же забрался на сидьбу, черт возьми.

Осторожно поднял карабин, выждал минуту, когда зверь вовсе увлечется ужином, стал целиться, уложив ствол на край сидьбы, кое-как приспособился, чтоб мушка не прыгала. Однако... не смог нажать на спусковую скобу и выстрелить. Представь себе, не мог наскрести крохотульки сил для того, чтобы надавить на скобку железа... Я оставался в полубоморочном состоянии с потерянной волей и помутненным разумением. И ведь не считал я себя

трусом, бывало и не такое. Но тут меня стиснул шок от вида в упор громадного тигра, от его крепкого духа и еще чего-то более важного, что остается для меня тайной и по сию пору.

Пришлось мне однажды видеть такое. Тигр подполз к увлекшейся кормежкой оленухе на два-три прыжка. Она его засекла вовремя и вполне могла если и не умчаться, то постараться сделать это. Но хищник издал страшный рев и вздыбился в прыжке. Засеменила несчастная на месте, засеменила, жалобно мзкнула... И только. Это ведь тоже шок был?.. И еще. Читал я как-то в книжке о путешественниках в Африке и до сих помню, как один англичанин, оказавшись подо львом, все видел, все понимал, но и боли не чувствовал, и предпринять хоть что-то для спасения не мог. Пока не выручили его негры и не привели в чувство.

А я все же упорно старался брать себя руки. Уговаривал, самого себя совестил. Вспоминал, что похуже было и при стычках с шатунами, и когда плохо стрелянный секач-заворотень, задрав рыло, рванул на меня, дергающего затвором по заклинившемуся патрону винтовки, и когда разъяренный сохатый колотил рогами по стволу хлипкого дерева, на которое я проворно вскарабкался на шесть-восемь метров... Когда горел в кольце таежного пожара, когда захлебывался под ревушим речным заломом, когда не находилось спасения в ураганном смерче, валящем вековую тайгу, словно слон кустарники... Пусть всего лишь похожим то было, но ведь оказывались же во мне сила и воля для спасения!

С полчаса трапезничало то чудовище. Сначала жрало с жадностью месяца голодавшего волка, потом со спокойствием коровы, пасущейся на богатых зеленых, и наконец лениво, явно через силу набивая утробу. И все эти полчаса я брал себя в руки, боясь пошевелиться, скрипнуть настилом сидьбы и, упаси Боже, кашлянуть.

В некотором роде обрел я себя лишь в загустевших сумерках. Но к этим вечерним минутам глаза мои уже приспособились, я различал силуэт хищника и все так же четко видел белые пятна на ушах, всадить свинцовую галушку между которыми означало прикончить его, себя вернуть в собственную жизнь и смыть стыдобу животного страха. И я стал целиться в то междушье. Забеленная мушка моего оружия металась в нем, я удерживал ее, укреплял. И вот стал жать на спуск... И наконец грянул ужасный гром, деревья закачались аки кустики, мой дуб заходил ходуном, а уже темное, но еще с редкими звездами небо раскололось на части и валится глыбами на мою сидьбу.

Но не успел утихнуть этот гром, как разорвал тайгу рев разъяренного царя всего живого на Дальнем Востоке. И этот рев был еще более ужасным, чем гром из моего карабина и рушащееся небо. Тигр метался вокруг дуба, вздыб-

ливался, остервенело махая передними лапами, и вот стал прыгать на мое дерево и с такой мощью ударялся о него, что ворохнулось новое ледящее во мне: не выдержит дуб, сломается. Или дотянется зверь до моей сидьбы и сдернет ее вместе со мною...

И я потерянно упал на настил, жалкими проблесками сознания пытаюсь угадать, плохо ли, хорошо ли выстрелил и неужели промазал с десяти метров по такой огромной цели? И стало в моих глазах темно, уши залило свинцом, сердце мертво заклинило в горле, и я куда-то исчез...

Очнулся за полночь в могильной тишине и темени. И стал крадучись приходить в себя, стараясь уловить малейшие звуки, хотя бы шорох хвои, листьев или шепот рассыпавшихся звезд, ехидно за мною наблюдающих. Но тишина была ничем и никем не шелохнутой.

И вот я осторожно приподнялся на локтях... Стал вглядываться в непроницаемость заставшего мира — тогда электрических фонариков не было. Но и травиночка не давала о себе знать. И заключил я: или вражина моя околела, или затаилась поодаль, чтоб не выдать себя и дыханием. И вызрело решение единственное: ждать рассвета, при этом овладевая собою в достойной таежника-зверовика мере.

И как же долго пришлось того рассвета дожидаться! В каких подробностях невольно наблюдаю зарождение дня! Сотни раз встречал рассветы, но такой я словно бы видел впервые, даже чувствовал себя будто заново родившимся. Уже поуспокоившимся, в некой мере овладевшим собою и тысячу раз пристыдившим себя за собственную трусость. Медленно светлел восток, пробовали голоса самые заботливые птахи, кто-то грыз глину в котловане солонца... Гасли звезды, розовело небо, гуще оседала роса, таежный мир лопался от запахов. По хребтам зашептались первые вздохи ветерка. Звонче пел ручей.

А признаков тигра — никаких...

Я внимательно, стараясь не пошевелить тишину, всматривался в каждое дерево, в каждую колдобину, в каждый корч, но более всего в полусъеденного зюбняка и помятую зелень вокруг него. И вот различил на ней темные пятна явно побуревшей крови. Выходит, не промазал, но и точности выстрела — стыдобушка-то какая! — не было: ни в затылок, ни в шейные позвонки пуля не угодила, хотя определенно прошла рядом.

Да-а, ситуация прояснялась: тигр ранен и теперь где-то лежит околевающим или терпеливо сторожит обидчика. Караулит во всепожирающей жажде места.

Что-то надо было делать. Еще раз превнимательнейше осмотрев округу и ничего подозрительно не заметив, я дал себе строгую команду слезать с дерева — не околевать же там. Тем более что страх наконец отпустил меня.

Знал я, что тигр умеет затаиваться как никакой другой хищник, причем затаиваться коварно, и его нападения поминутно надо ждать с любой стороны, и потому раз за разом приостанавливался, не снимая пальца со спусковой скобы и расстегнув сдвинутые на живот ножи.

Крови возле изюбря оказалось не так и много, больше ее было вокруг дуба, на который он вне сомнения хотел забраться, да слишком тяжелым для этого оказался. Но вот увидел поодаль окровавленную лежку, немного дальше — другую, и еще. И на всех тигр лежал головой в сторону моего дуба.

Я не делал и шага не вглядевшись в каждый выворотень и валежину, даже в кустик и пучок травы, идти же старался по самому чистому месту. И все время велел себе: не дрейфь, не позорься, ведь и ночного страха достанет на всю оставшуюся жизнь. И все же с каждым шагом задавал себе вопрос: не повернуть ли прочь с солонца? Черт с ним, с этим тигром, жизнь ведь не только тебе принадлежит, но жене и дочери... И все же погнал себя вперед вдоль окропленной кровью травы, оправдывая это решение тем, что не сегодня так завтра он меня здесь подстережет, в лучшем случае на пантовке ставь крест. И так упорно захотелось отмыться за ночной позор на сидьбе.

Я засек его не глазами и слухом, а запахом: в нос вдруг ударил крепкий кошачий дух из-за выворотня в каких-нибудь двух десятках метров. Взметнулась мысль: это расстояние двумя прыжками не одолеть, но трех молниеносных будет достаточно, и жить мне осталось, быть может, секундочку. Секунд-доч-ку!

И в эту секунду, вернее сказать — в этот миг, пока я рывком оборачивался к выворотню, раздался громоподобный ужасающий рев и взметнулось рыже-бело-черное в полнеба. В стремительном, как выстрел, прыжке зверь закрыл от меня тайгу, вытянувшись на несколько метров, широко разведя ноги с выпущенными когтями, развернув пасть и глубоко прогнув спину, и тут же стал сжиматься в глыбу...

А далее не я, а кто-то другой стал решительно управлять мною. Говорят ведь бывалые, что в каждом из нас бдит некий «двойник», который и берет в свои руки власть в погибельные минуты, отстраняя своего хозяина. Впрочем, и я так предполагаю, хотя чаще склоняюсь к мысли, что не в «двойнике» суть, а... Как ты сказал? Да! Суть в могучем и мудрейшем инстинкте самосохранения. И, должно быть, он взял меня в свои руки в ту роковую секундочку.

Это потом я ее вспомнил, удивляясь. Первую пулю я успел всадить в нападавшего, в его первом прыжке, и угодила она, как потом выяснилось, верь не верь, в самое сердце, а вышла под хвостом. Однако не свалила она его за смертью, а всего лишь на миг задержала, и это дало мне возможность пере-

дернуть затвор и выстрелить в опять левешую на меня судьбинушку. Вторая пуля угодила ему в череп. И все равно он убил бы меня просто ударом страшной силы — аки снаряд с броненосца. Но кто-то резко толкнул меня вперед, прямо под брюхо супостата, и я во всю прыть рванул туда, падая и как бы ныряя, вытянув руки вперед и туда же швырнув карабин. И то брюхо шаркнуло по моей спине, а когти задних ног вспороли куртку. Но я уцелел, тут же вскочил, спешно передергивая затвор, и обернулся с пальцем на спуске курка. И увидел тигра при последних секундах его издыхания, но все же сумевшим обернуться и упорно тянущим ко мне лапы с напружиненными когтями, с раскрытой пастью и плотно прижатыми ушами. И было в его еще яростных, хотя уже стекленеющих и закрывающихся глазах столько лютой ненависти, такая всепожирающая жажда мести, что мелькнула во мне трусливенькая мысль: наскребет крохотульчку сил — достанет... И я выстрелил промеж тех глаз, не слыша выстрела, но ворохнув в себе другую мыслишку: молодец, хоть теперь не потерял себя.

У моих ног он оказался еще более громадным и страшным, чем виделся с сидьбы. Потом, овладев собою окончательно, я бечевкой зафиксировал длину своего трофея от кончика носа до корня хвоста, а дома измерил — оказалось три метра двадцать сантиметров. Вот на этой стене отмерь такое. Ну и как? А в плечах он был примерно полтораметровой высоты и наверняка мог поднять голову выше моей.

Освободив его нутро, сняв шкуру и уложив все это в «холодильник», я в тот же день рванул домой, чтобы привести трех мужиков с выючными битюгами. Ушли тяжело загруженными. И думаю, мне по сию пору, что было в том царя царей ну никак не меньше четырех центнеров, скорее побольше...

Потом, помнится, я спросил своего собеседника:

— А что, батя, не жалко было, не советно стрелять этого царя царей уссурийской тайги? Чем он пред тобою провинился?

И четко запомнился его ответ:

— То и сегодняшнее время разные огромно, тогда тигр был промысловиком не только трофей, но соперник и враг. Не так редко люди становились его добычей, и многим из них был ведом вкус человеческой крови. Выходить же к сёлам и давить скотину было для этого ярого хищника делом привычным... Однако самое важное в том состояло, что не мог человек спокойно промышлять в своих угодьях по соседству с тигром, который считал их своей неприкосновенной собственностью. И были в этой войне враги непримиримыми. При виде свежих тигриных следов таежник приводил свое оружие в немедленную готовность к стрельбе. Кстати, точно такое же делается и теперь, только об этом никто никому не говорит. И поделом: тигр всегда был и остается опаснейшим хищником с непредсказуемым поведением, с той лишь разницей, что все же в годы моей молодости эти громилы относились к людям куда как менее уважительно, чем теперь. Тогда тигр был опаснее и кровожаднее, даже когда кормов ему хватало. Людей не боялся и далеко не всегда уступал им дорогу. Скотину за просто давил средь бела дня и тут же ее внагьяка пожирал. Да что там скотину! Людей утаскивал так нагло, что ты теперь и не поверишь. Вот пилят двое бревно — и вдруг одного не стало. Тесал мужик балку — и нет его. На запряженных в повозки коней кидался, не обращая внимания на вопли людские... Отец мой рассказывал, что в годы его молодости газеты пестрели сообщениями об ужасающей дерзости тигров. И не удивительно, что власти того

времени разрешали иметь нарезное оружие даже просто переселенцам... Кстати, ты и сам должен помнить, что уже при советской власти тигр долго оставался вне закона и, как вредный хищник, истреблялся круглый год.

Теперь о совести. Тогда мне не было стыдно, потому что в тайге водилось полно всякого зверя. И ведь неспроста же я в тот год прослыл героем едва ли не на весь край; такого великана одолел в единоборстве! Конечно же, о своем позорном страхе, какого я ни до той ночи, ни после не испытывал, я никому никогда не говорил... Как-то по первому снегу тропил белогрудку и ненароком вышел к логову с тигрятами. И только вознамерился обойти их стороной, как будто с неба свалилась к моим ногам полосатая мамаша. Не более восьми метров было между нами. Как она редела! Как бесновалась! С какой яростью била лапами по чему попало! И вот яна изогнулась к прыжку... Если бы я в те секундошки обабдел от страха, как на той сидьбе у солонца, не беседовали бы мы теперь. Страх, конечно, стиснул меня, но себя я не потерял и шока не было. И потому стрельнул навскидку ловко и метко. Тот шок был единственным за все долгие годы моей жизни.

Покурили. Помолчали. Дохрумкили огурчики. И снова понесло меня на «допрос»:

— Скажи-ка, батя, повторись те солонцовые события теперь, стал бы в того великана стрелять?

Он долго молчал, стараясь уйти от ответа, однако я все же его «достал» и услышал:

— Не знаю... Может быть... Или нет... Не скажу. Есть вопросы, на которые можно отвечать лишь себе... А вот эти слова старого таежника запомни: мирного «сожительства» между тиграми и промысловиками как не было, так и не будет — у каждого должны быть собственные владения.

— Но все же скажи мне, — снова попытался я, — неужели у тебя и твоих друзей теперь-то, когда так много всего изменилось в тайге, не появилось уважения к бывшему врагу? Который в повадках и в отношении к людям, что ни говори, стал тем, да не тем. Ну что без него тайга? Ведь зверь единственный в своем роде. Красавец, силач, смельчак...

И последовал на этот вопрос незамедлительный ответ:

— Уважения? Еще сколько! Иного и лютого врага надо уважать как достойного противника. Тигр — не акула и не крокодил. Я не был и не стал другом амбы, но в то же время, уверен, что без него наша тайга не будет уссурийской.

А на прощание он вот что сказал мне, долго теребя пуговицу моей куртки:

— Без того шока жизнь моя потеряла бы много особого света в памяти... С годами я его вспоминаю все чаще и четче...

Рисунки Б. Игнатьева

Биоразнообразие охотничьих животных в США

В. ДЕЖКИН. Фото И. Середкина

Введение. Известный французский ученый Жан Дорст писал: «В начале XVII века, перед началом массового вторжения европейцев, Северо-Американский континент оставался еще нетронутой, почти первобытной землей, и жизнь редкого коренного населения, рассеянного по всей стране, протекала в полной гармонии с окружающей его природой».

Численность некоторых видов зверей, птиц и рыбы поражала воображение. Так, размер популяций бизона на континенте определялся в 75 млн., бобра — в 60 млн., а тундрового северного оленя — в 100 млн. особей! Гнезда странствующего голубя «так плотно лепились друг возле друга, что деревья порой обламывались под их тяжестью». В штате Висконсин одна из колоний, насчитывавшая не менее 136 млн. птиц, гнездилась на площади 220 кв. км. Подобных примеров колоссального фаунистического изобилия приводится очень много.

За 2—2,5 столетия Живая Природа Северной Америки была буквально разграблена. «К концу XIX века во всем, что касалось возобновимых природных ресурсов, весь континент находился в состоянии полнейшего упадка. Естественное равновесие было повсеместно нарушено, возникла угроза исчезновения большей части представителей крупных животных, неоправимой деградации целого ряда ландшафтов, а следовательно исчезновения многочисленных видов, составлявших их флору и фауну. Северная Америка является одним из самых трагических примеров разрушения естественного комплекса так называемым «цивилизированным» человеком» (Ж. Дорст «Дотого, как умрет природа»).

Состояние популяций названных выше животных подтверждало выводы ученого. Немислимое дело: бесчисленные, казалось бы, странствующие голуби были *полностью уничтожены*. Канадских бобров на континенте осталось не более 10 тыс. голов. Примерно до такого же уровня сократилась численность бизонов. Во многих арктических регионах стал редкостью тундровый северный олень. Требовались чрезвычайные меры для спасения многих видов охотничьих зверей и птиц Северной Америки.

К середине-концу XX века положение существенно изменилось. В частности, были в значительной мере восстановлены ресурсы охотничьих животных, и сейчас мы упоминаем США как одну из передовых охотничьих держав мира. Во многом этого удалось добиться благодаря осуществлению обширного комплекса законодательных, природоохранных, социально-экономических и

охотоведческих мероприятий, о которых мы рассуждаем в своей статье.

Природно-климатические особенности США. Природно-климатические условия Соединенных Штатов существенно отличаются от российских условий. Без краткого знакомства с ними невозможно понять многие важные обстоятельства.

Под влиянием холодного Лабрадорского течения арктический климат Канады проникает до широт, на которых в России расположена Москва; граница тундры проходит здесь южнее, чем в Европе и Сибири. Но в целом Северная Америка сдвинута к югу в сравнении с Евразией. Большая часть ее подвержена влиянию теплых морских течений, имеет более мягкий климат, чем лежащие на тех же широтах местности Евразии.

Сравнительный экологический потенциал России и США характеризуется следующими показателями. Годовая сумма солнечной радиации равна в первой стране 2500—5000, во второй — 4200—8000 МДж/кв. м. Продолжительность безморозного периода, соответственно, 60—210 и 150—270 дней. Районы, свободных от заморозков, в России нет, в США заморозков не бывает на побережье Мексиканского залива, на полуострове Флорида и на отдельных участках Тихоокеанского побережья. Вечная мерзлота в Соединенных Штатах отсутствует, в то время как в нашей стране она занимает 10—11 млн. кв. км. Наконец, сравниваемые страны сильно различаются по гидротермическому режиму. Годовая амплитуда среднесуточных температур (январь-июль) в США составляет 32—36 градусов, годовичное количество осадков от 259 до более 1000 мм, у нас — 60 градусов и более 500 мм.

Под влиянием этих факторов формируется и такой важный показатель, как первичная биологическая продуктивность, или прирост фитомассы (в центнерах на один гектар в год). В США на равнинах она равна 100—300, до 500 — на крайнем юго-востоке, не более 25 в полупустынях и в пустынных районах Кордильер. Российские показатели гораздо ниже: они колеблются от 10 до 150, достигая 170—300 в зонах смешанных и широколиственных лесов и лесостепей (Кочуров, Антипова, Костовска, 2005).

В переводе на обычный язык все это означает, что на значительной части США охотничьи звери и птицы имеют более благоприятные условия обитания, чем в России, что они лучше обеспечены необходимыми кормами, что эти корма быстрее возобновляются, что опасные лимитирующие факторы, сдерживающие развитие популяций,

выражены гораздо слабее, и т. д.

Ситуация очевидна, скажут некоторые читатели, познакомившись с приведенными выше сведениями. Живую Природу США уничтожали в основном браконьеры. Как только с массовым браконьерством покончили и навели в угодах строгий порядок, высокая биологическая продуктивность дала о себе знать. Все «само собой» пошло в рост, возобновилось. Вновь появились миллионные популяции диких зверей и птиц. В России охотничье хозяйство «тянут вниз» менее благоприятные природные условия (и, конечно, непрекращающееся браконьерство).

Но такое объяснение выглядит слишком упрощенным. Конечно, «по надобности» Америку нам не догнать, у Хрущева были плохие референты-экологи. Однако имеющийся и все нарастающий разрыв в состоянии охотничьих ресурсов и в показателях деятельности охотничьего хозяйства двух стран нуждается в глубоком и дифференцированном анализе, который может вывести нас далеко за рамки нашей отрасли природопользования.

Некоторые коррективы в ход наших дальнейших рассуждений могут внести два дополнительных обстоятельства. Первое — территория России примерно в два раза больше, чем территория США, что необходимо учитывать при расчете фактических и потенциальных ресурсов охотничьего хозяйства. Второе — душевой денежный доход у американцев значительно выше, чем таковой у россиян. Это позволяет им тратить на удовлетворение любимой страсти относительно больше денег, чем это могут сделать наши соотечественники. Отчасти отсюда — значительно более высокие экономические показатели американского охотничьего хозяйства.

Биоразнообразие охотничьих животных в США. Соединенные Штаты Америки, как это видно из приведенной выше характеристики их природных условий, не могли не обладать очень разнообразной и обильной фауной зверей и птиц — объектов охоты. Эти свойства в основном характерны для американской охотничьей фауны и в настоящее время, пережив, правда, периоды значительного оскудения. Некоторые виды животных почти выпали из сферы охотничьего хозяйства, объявлены редкими, но многие восстановили свою численность и даже превысили зафиксированные в истории уровни.

По принятой в США классификации все охотничьи животные подразделяются на три группы: крупная дичь (big game), мелкая дичь (small game) и дикие пушные звери (wild furbearers).

Крупная дичь играет ведущую роль в

охотничьих предпочтениях многих американских охотников. Это прежде всего дикие копытные животные: белохвостый и чернохвостый олени, вапити, лось, карибу, вилорогая антилопа, бизон, американский снежный баран (толсторог), снежная коза. Не все эти «ветераны» Северной Америки сохранили свое место среди серьезных объектов охоты. Далее следуют медведи, бурый, черный и белый. Из птиц следует упомянуть многочисленную ныне дику индейку.

Будучи озабочены проблемой «обогащения» фауны охотничьих животных, американские охотоведы серьезно загрязнили ее видами-акклиматизантами. По состоянию на середину 60-х годов прошлого столетия в пределах «Америки английского языка» (США и часть Канады) было расселено более 18 тыс. диких копытных животных, относящихся к 28 видам: европейский кабан, благородный и пятнистый олени, европейская и азиатская формы лани, индийский замбар, олень аксис, скандинавский северный олень, сардинский и корсиканский муфлони, гривистый баран, индийская черная антилопа, нильгау, зебра, антилопа гну и др. Подлинными аренами акклиматизационных экспериментов, далеко не всегда обоснованных, стали штаты Техас и Гавайи. Здесь организуются своеобразные сафари на животных-экзоты. Реальный хозяйственный успех имели выпуски европейского кабана, ставшего объектом охоты во многих штатах.

В США имеются довольно крупные популяции одичавших копытных животных — диких лошадей (мустангов), ослов, крупного рогатого скота, овец и коз. Охотникам иногда приходится «прикладывать руку» к регулированию их численности.

Основные виды крупной дичи.

Белохвостый и чернохвостый олени. И тот и другой относятся к большому подсемейству американских оленей. Самый многочисленный белохвостый, или виргинский, олень населяет всю Северную, а также Центральную и Южную Америку, от срединных провинций Канады до Боливии и Центральной Бразилии. Численность этого зверя в последние годы достигла рекордных величин — 32—35 млн. особей.

Чернохвостый, или муловый, олень встречается лишь в западной половине Северной Америки. Этот зверь отличается черной окраской на хвосте и большими ушами. В 60-е годы на континенте обитали 6,3 млн. чернохвостых оленей.

Вапити, североамериканский подвид благородного оленя. Имеет довольно обширный ареал, от Большого Невольничьего озера на севере до Калифорнии на юге. Численность вапити возросла от 350—400 тыс. голов в 60-х годах прошлого столетия до 1,2—1,3 млн., что является историческим максимумом.

В Северной Америке, как и в Восточной Сибири и на Камчатке, обитают

В XVII веке на Северо-Американском континенте обитало 75 миллионов бизонов

самые крупные лоси с лопатообразными рогами. Этот мощный красивый зверь — мечта многих охотников. Численность этого зверя довольно велика. Например, на Аляске насчитывалось от 130 до 160 тыс. животных. Всего же в 70-х годах прошлого столетия на континенте имелось примерно 0,5 млн. лосей.

Вилорог — единственная антилопа Северной Америки. В середине 60-х годов ее численность определялась почти в 300 тыс. голов. Велась умеренная охота.

Медведи играют различную роль в охотничьем хозяйстве США. Самый многочисленный — черный медведь, или барибал. Он обитает более чем в 40 штатах и является довольно обычным объектом охоты. С ростом численности черных медведей они утрачивают страх перед человеком и серьезно беспокоят его на ранчо и фермах.

Бурый медведь, или гризли, охранялся в 80-х годах в трех штатах из пяти, а в Монтане и на Аляске на него разрешалась контролируемая охота.

В разряд «крупной дичи» входит и пернатый обитатель лесов — дикая индейка. Она является очень желанным объектом охоты. Численность этой удивительной птицы к началу XXI века, после длительного упадка популяции, превысила 5 млн. особей. Индейка также в массе разводится на специальных фермах.

Мелкая дичь. Северная Америка очень богата мелкой дичью. К этой группе охотничьих животных относят как млекопитающих, так и птиц.

Млекопитающие. Белки. В США обитают два вида бурундуковых белок, серая и лисья белки. Из зайцеобразных встречаются черно-бурый, мексиканский и калифорнийский, или чернохвостый, зайцы. Американский, или малый, беляк во многом сходен с европейским видом. Очень многочисленны дикие кролики — флоридский, болотный, водяной, кролик-пигмей и некоторые другие.

Основные охотничьи виды дичных млекопитающих

Белки. В отличие от Евразии, их не относят к пушным видам. Численность зверьков в некоторых штатах очень высока. Охотятся преимущественно на серую и лисью белку. Большую часть зверьков отстреливают ради спортивного интереса и на мясо.

В популяциях диких кроликов насчитываются многие миллионы зверьков, они являются обычным объектом любительской охоты в различных штатах. На американского беляка охотятся в предпочитаемых им стациях, в хвойных и смешанных лесах.

Пернатая дичь представлена тремя группами: полевой, лесной, водоплавающей.

К полевой дичи относятся «коренные американцы» — полярный, или степной, шалфейный, луговой, дымчатый, малый степной, острохвостый тетерева, популяции большинства которых в свое время серьезно пострадали от человека. К полевой пернатой дичи относятся также фазан, виргинская и калифорнийская перепелки, серая куропатка.

Основные виды полевой пернатой дичи

Массовые объекты охоты — виргинская перепелка (принадлежит к большой группе американских куропаток) и калифорнийская перепелка. Их численность достигает многих миллионов особей. Акклиматизированная серая (венгерская) куропатка создала высокие промысловые популяции в некоторых штатах США и провинциях Канады. Чрезвычайный эффект имела акклиматизация в XIX веке европейского фазана. В настоящее время эта популярная у охотников и чрезвычайно многочисленная птица встречается в США от берегов Атлантического до берегов Тихого океана. В горных районах страны с успехом интродуцирован кеклик.

В лесах США обитают: дикая индейка (представитель «крупной дичи»), воротничковый рябчик, американский вальдшнеп, различные виды диких голубей (кормятся обычно на полях)

Основные охотничьи виды лесной пернатой дичи

Миллионами определяется численность воротничкового рябчика, единственного представителя боровой дичи в Северной Америке, и американского вальдшнепа. Дикие голуби принадлежат к числу самых многочисленных охотничьих птиц Северной Америки. В конце 60-х годов прошлого столетия их численность в восточных регионах континента определялась в 150 млн. особей.

Водоплавающая дичь представлена в США десятками видов речных и морских уток, несколькими видами гусей и казарок, лысухой, многими видами куликов, в том числе дупелем и бекасом, и другими видами водных и околоводных птиц. Общая их численность определяется исследователями в 60—100 млн. особей.

Основные охотничьи виды водоплавающей дичи

Почти во всех штатах главным объектом охоты является крякva. В качестве

ведущих видов называют также американских чирков-свистунков, американских черных крякв, каролинскую утку, шилохвость, американскую свиязь, го-голя, морскую чернеть, лысуху. Важное значение имеет восстановившая и увеличившая численность канадская казарка. В некоторых регионах развита охота на бекаса, дупеля, крупных морских куликов.

Дикие пушные звери. Североамериканский континент с момента его колонизации европейцами славился своими пушными богатствами. Охотники за пушным зверем, трапперы, первыми забирались в неизведанные до того местности и способствовали их освоению. В охотничьих угодьях континента обитают: опоссум, ондатра, нутрия, канадский бобр, енот-полоскун, скунсы (пятнистый и полосатый), барсук, илька, американская куница, норка, выдра, горностай (длиннохвостый и короткохвостый), какомицли, россомаха, лисицы (серая и рыжая), койот, волк, песец, рыси (рыжая и серебристая), ягуар.

Основные виды пушных зверей

Из всего перечисленного разнообразия в качестве наиболее важных объектов пушного промысла следует назвать лишь нескольких. Как это ни странно, некоторое время по стоимости заготовленной пушны в США лидировал енот-полоскун. Этот неприхотливый зверек бьет также рекорды по площади ареала, он обитает во всех штатах этой страны, включая Аляску. В 55 штатах и провинциях он — объект пушного промысла, в 50 — объект охоты.

Численность канадского бобра, заполнявшего в период колонизации все подходящие водоемы континента, из-за его хищнического промысла сократилась до 10 тыс. особей. В настоящее время бобр восстановлен, численность его достигает 6—9 млн. особей и он добывается в больших количествах. Кое-где этот грызун наносит суще-

ственный ущерб хозяйству. В южных штатах, где звери имеют малоценный мех, их разводят на корм аллигаторам.

Ондатра обитает во всех континентальных штатах США, за исключением Флориды. Она искони была и остается многочисленным обитателем водоемов и играет большую роль в пушном промысле. В 18 штатах мясо ондатры официально рассматривается как пищевой и кормовой ресурс. Иногда этот грызун играет отрицательную роль в биогеоценозах и хозяйстве, и поэтому принимаются меры по его регулированию.

Нутрия обитает в 18 штатах США. Ее завезли в штат Луизиана из Южной Америки в 1937 году. С этого времени она значительно расширила свой ареал. В тех местах, где численность грызуна недостаточно контролируется промыслом, он способен наносить большой ущерб хозяйству. Нутрия — не только важный объект пушного промысла, но и источник мяса, имеющего прекрасные вкусовые свойства.

Американская норка заселяет 48 штатов США, за исключением пустынной Аризоны. Промышляют ее в 47 штатах, а в 10 штатах этот хищник, кроме того, объект охоты. В резерватах на водоплавающую дичь прибегают к специальным мерам по регулированию численности норки.

Рыжая рысь — вид с обширным ареалом. Она обитает в 47 штатах, причем в 80-х годах она охранялась в 12 штатах. Во всех остальных штатах эта крупная кошка была одновременно объектом охоты и промысла. Серая рысь, населявшая угодья 12 штатов, в большинстве из них была под охраной.

Довольно существенными объектами пушного промысла в США являются также выдра, серая и рыжая лисицы, американская куница и илька (пекан, или рыболов). Песец, обитающий на Аляске, рассматривается как важный для этого штата промысловый вид.

Окончание следует

Вилороги — единственный вид антилоп Северной Америки

Здравствуйте, уважаемая редакция! Моего любимого мужа зовут Аверьянов Василий Васильевич. Он заядлый охотник, ружье взял в руки, когда ему было всего 12 лет, и с тех пор не расстанется с ним.

Василий готов целыми днями и ночами бродить по полям и лесам. А в охоте ему помогают его верные друзья — гончак Сигнал и спаниель Лада, которая вытаскила из воды несчетное количество уток и гусей. В камышах она сидит очень тихо, боясь шелохнуться и спугнуть утку. Смотрит в глаза хозяину и ждет команды. Но вот раздался выстрел и команда «ищи!», она юркает в воду и очень довольная выходит с добычей, кладет ее перед ногами хозяина. А если утка ушла, она виновато скулит не поднимая глаз.

Муж мечтает и из сына вырастить настоящего охотника. Учит Сашу любить и беречь природу. Они вместе ходят за грибами, на рыбалку, иногда на охоту. Наш 7-летний сын любит рассматривать разных жучков, паучков, кузнечиков. А по вечерам они вместе смотрят ваш журнал, что-то все время обсуждая. Каждый очередной номер Василий читает «от корки до корки», а то и по несколько раз.

Очень бы хотелось поздравить дорогого мне человека с 35-летием на страницах его любимого журнала и попросить вас напечатать его фотографию.

Л. АВЕРЬЯНОВА
Татарстан

В середине августа наша дружная команда из четырех человек приехала поохотиться на уток по заливам, берегам и островам Волги километров за 150 от Москвы. У нас был организатор и вдохновитель всех наших вылазок — Юрий Александрович, завзятый охотник и обладатель машины «Нива», благодаря которой, и еще мастерству водителя, мы забирались в глухие и малодоступные уголки. В маленькой деревушке, куда добирались с большим трудом из-за раздолбанной дороги, жил знакомый егерь Павел, который всегда был рад нашему приезду — охотники не часто навещали его.

Утром мы постояли на зорьке, взяли несколько крыжовых и чирков, а потом подняли голенища сапог и начали прочесывать заросли травы, камыша и куги, пытаясь поднять уток под выстрел. Юрий Александрович взял с собой спаниельку Нору, которую я с ним вместе натаскивал, и она очень хорошо работала. Но собачка маленькая, и долго плавать среди густой водной растительности ей было трудно, она очень устала. Мы тоже устали, хотя охота удалась: каждый взял по нескольку уток. Нора даже не подошла к еде, а свернулась клубочком на траве и отдыхала. Мне стало жаль спаниельку, я спросил Павла, нет ли у него в уголке подходящего болота, где держатся бекасы и дупеля, чтобы сходить туда с Норой. Такое место оказалось в трех километрах. Получил разрешение хозяина спаниельки, и с рассветом я уже бодро топал по дороге. Отдохнувшая собачка бодро бежала впереди.

Мы прошли порядочно по березовому мелколесью к болоту, зашли против легкого ветерка, и Нора заработала... Я радовался ее азарту, старательности и дисциплине. За два с половиной часа мы взяли 11 штук — бекасов, дупелей и коростелей. Стало жарковато, да и Нора подустала, вылезли из болота и направились к дому. Шли не спеша мелколесьем, весьма довольные друг другом. Ружье я заранее на всякий случай зарядил патронами с семеркой и

шестеркой — тетеревиное место! Неожиданно Нора подняла нос вверх, свернула с дороги и потянула по траве к здоровому кусту тальника, поросшего густым бурьяном. Хвостик вертелся пропеллером... Я за ней, ружье в руках, явно что-то приличное учуяла. Собачка останавливается, нюхает куст и решительно лезет в него... Тугой грохот крыльев, и тетерев-петух вылетает прямо на меня и летит низом. Разворачиваюсь и бью в угон, черныш валится в траву. Подбегаю, беру петуха за шею и любуюсь такому неожиданному трофею.

На радостях я и не заметил, как подскочила Нора, прыгнула в азарте, схватила черныша за хвост и вырвала его. Петух только что был длинный и красивый, а стал короткий и кургузый. Нора смотрит на меня горящими глазами, а тетеревиный хвост торчит из ее пасти. Ругать ее было бы бессовестно! Наклоняюсь, хвалю, глажу помощницу, целую несколько раз в носик и аккуратно вытаскиваю слюнявый хвост из пасти.

...Топаем дальше, лесок кончается, мы выходим на поле с низкой травкой. Метрах в ста вижу трех своих приятелей, стоящих у огромного куста и мирно беседующих. Сворачиваю с дороги и иду к ним, удивляясь, чего их сюда занесло. Нора тоже побежала к ним, подскочила, ласкается, прыгает, довольна — хозяин нашелся. Неожиданно, вижу, она отходит от компании, поднимает голову, нюхает, подходит к кусту, встает на задние лапки, опять нюхает и вдруг лезет в него. Я не успел привлечь внимание приятелей

к поведению Норы, как из куста вырвался тетерев-петух и полетел прямо мимо них. Судорожные движения охотников, торопливые выстрелы — шесть по числу стволов, а тетерев стремительно летит над полем целый и невредимый... Лихо мазанули! И такое на охоте случается!

Ю. ШЕВЯКОВ
г. Москва

Здравствуйте, дорогая редакция! Наша семья выписывает ваш журнал уже более 30 лет. И каждый полученный номер читается всеми членами семьи. Каждый находит для себя что-то нужное и интересное — это и советы бывалых охотников, и юридические консультации, а уж статьи о собаках старший сын зачитывает до дыр. Ведь он держит пять собак, каждая из которых знает свое место не только на охоте, но и на подворье. Сын отличный стрелок и большой ценитель природы. Мой муж — Осадчий Николай Николаевич. За заслуги в развитии и укреплении охотничье-рыболовного хозяйства ему присвоено звание Почетного члена Волгоградского общества охотников и рыболовов. Наш внук Денис — это уже четвертое поколение охотников, ему исполнилось 10 лет.

У меня к вам большая просьба: напечатайте фотографию мужа с внуком и с нашими друзьями охотниками. Несмотря на разницу в возрасте, их связывает не только охота, но и настоящая мужская дружба.

Н. ОСАДЧИЙ
Волгоградская обл.

Н. Осадчий рядом с внуком Денисом и друзьями

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Мой любимый журнал!

Наш журнал «Охота и охотничье хозяйство» перешагнул полувековой юбилей. Он не издание-однодневка, а солидный источник прикладной информации со своей историей и своей читательской аудиторией.

За прошедшие полвека у журнала (как и в жизни человека) были разные периоды: более и менее удачные. Я помню себя школьником, в начале 70-х годов пытавшимся подписаться на журнал. На наш поселок с шестью тысячами населения приходило по подписке всего 2—3 экземпляра, поэтому пришлось вставать в 6 часов утра и занимать очередь, чтобы быть первым. Я подписался, но затем узнал, что журнала мне все равно не хватило — видимо, отдали кому-то более «удачливому». Так было.

Со снятием лимита на тиражи периодических изданий в период гласности тираж журнала поднялся почти до 1 миллиона экземпляров. Сейчас тираж составляет около 30 тысяч экземпляров. В условиях жесткой конкуренции журнал устоял, занял свое достойное место среди многочисленных изданий родственной тематики. В первую очередь хочется поблагодарить за это сотрудников журнала: коллектив редакции во главе с бесменным главным редактором О. К. Гусевым. Можно только догадываться, как нелегко было устоять в столь стремительно меняющихся экономических условиях. Но результат налицо.

Теперь о содержании журнала. Оно в своей основе традиционно, и это неплохо. Здоровая доля консерватизма и преемственности жизненно необходима, иначе можно потерять «своего» читателя.

Но время диктует свои законы, и если им не следовать, то можно проиграть в жесткой конкурентной борьбе. Поэтому журналу необходимо размещать на своих страницах рекламу. Это значительный источник доходов современных изданий. Необходимо журналу и страница платных объявлений. Думаю, что такая услуга нужна нашим читателям. Хотелось бы видеть на страницах журнала и рубрику «Техника для охоты». В ней могут быть представлены различные приспособления к существующим серийным автомобилям, снегоходам, лодкам, а также оригинальные самоделки: их конструкции, адреса авторов. Еще один немаловажный момент: малое количество публикаций об охоте за пределами России. Даже в советское вре-

мя журнал публиковал материалы об охотничьем хозяйстве социалистических стран, а уж охоту в республиках СССР освещал постоянно. Необходимо вернуться к этой практике. Сейчас многие журналы публикуют материалы о туристических турах в страны Африки и другие экзотические места. Мне кажется, что для наших читателей будет интереснее узнать не об охотах для состоятельных людей, а об условиях охоты для обычных охотников в странах с близкими к нашим климатическими условиями, например Финляндии, Швеции, Канаде, Польше и в бывших республиках СССР. Было бы неплохо организовать обмен материалами с охотничьими зарубежными изданиями и знакомить с ними наших читателей. Таким удачным материалом считаю статью Б. Абрамова «Охота на фазанов в Венгрии» в № 11 за 2000 г.

Возможно, следует пересмотреть и наполняемость журнала различными материалами. Возьмем для примера журнал № 7 за 2006 г. Не думаю, что в нашем журнале должны публиковаться материалы, подобные статье «Розовый скворец Ставрополья». Я понимаю, что научным сотрудникам (авторам статьи) важно количество научных публикаций, но пусть они печатаются в общепублицистических изданиях. Маловероятно, что данный материал интересен нашим читателям.

Публикация «Советы бывалых охотников. Плоты» Д. В. Житенева. Уж что бы, казалось, еще можно написать об этом? Но прочитав статью, отложил журнал и захлопал в ладоши. Bravo! Дмитрию Валерьяновичу удалось написать такую, на мой взгляд, замечательную статью потому, что это не реферат, «скачанный» из Интернета, а теоретическая подготовка, пропущенная через личный опыт. Для меня ценность нашего журнала именно в прикладном характере его публикаций. Статья «Два юбилея» главного редактора О. К. Гусева. Материал замечательный, но жаль, что он не вышел лет 20 назад. Мы все с интересом читаем интервью К. Савельевой, и очень жаль, что ничего не знали о самом авторе, не видели ее фотографии, то есть не были «лично» через журнал знакомы. Ведь для многих наших читателей журнал — это член семьи, его и читают семьями. Поэтому просто необходимо представлять читателям сотрудников журнала и новых его авторов, и обязательно фото.

Статья «Доводка механизмов МЦ-21-12», на мой взгляд, неактуальна. Подобные статьи в журнале печатались многократно, да и само ружье выпускается уже без малого лет сорок. Надо просто собрать все эти публикации и отправить их на завод. Это они должны доводить механизмы своих ружей, а не продавать охотникам набор «Сделай сам». Рубрики «Литературные страницы», «На привале» — все на высшем уровне. А рубрика «Письма читателей» просто замечательна. Особенно меня потряс материал из этой рубрики (№ 8 за 2006 г.) о Евгении Кулаке. Искренние соболезнования (думаю, от всех читателей нашего журнала) родителям Жени и спасибо за это опубликованное письмо. Оно — предостережение всем нам. ПРИРОДА НЕ ПРОЩАЕТ БЕСПЕЧНОСТИ! Даже очень подготовленный человек может стать жертвой обстоятельств. Рубрика «Охотничье-промысловые звери России» просто необходима. Во вновь издаваемых журналах вы ничего подобного не встретите. Материал «Инфляция и ценообразование» свеж и оригинален. Это уже не первая публикация Е. Ершова. Всегда хороши материалы Л. Гибет, а материал «Охотничье собаководство: проблемы и перспективы» не просто актуален — он кричит о самом больном. И хорошо, что есть такие люди, которые могут не только понять, но и активно отстаивать интересы охотничьего собаководства периферии.

И вообще для многих читателей НАШ ЖУРНАЛ — САМЫЙ ЛУЧШИЙ. На мой взгляд, кроме того, что каждое районное общество охотников и рыболовов должно выписывать этот журнал в обязательном порядке, необходимо через общества вести рекламу подписки на журнал среди охотников и рыболовов. Я делаю это обычно во время собраний в первичных коллективах перед открытием охоты. Желаю успехов и процветания журналу и его сотрудникам, новых авторов и пополнения рядов подписчиков. Мне бы хотелось, чтобы тираж журнала составлял 51 000 (по числу лет издания журнала, умноженному на 1000).

Г. КИЗИЛОВ,
председатель Чердынского РООиР
(Приморский край), биолог-охотовед,
Заслуженный работник охотничьего
хозяйства России

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Начинается подписка на журнал «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»

На второе полугодие 2007 г. Сяешите! Подписка заканчивается 31 мая

Наш индекс 70673 по каталогу Роспечати

Автор очерка Олег Трушин

«Может быть, и зря я забрался так далеко, — корил я себя, сидя прохладной апрельской ночью у костра. — Может быть, и нет тут никакого тока. Был один случайный глухарь, да и тот улетел. А все рассказы о том, что глухари из поколения в поколение тока не меняют, — ерунда». Так почему же тогда тока исчезают? Вот и на моей, не такой уж и «древней» памяти не один ток сгинул.

Огонь наспех разведенного костерка сразу после растопки живо занялся и уже через минуту-другую бодро раскидывал от себя языки яркого пламени, врываясь в темноту апрельской ночи, лаская благодатным теплом.

Ночь наступила так быстро, что всей предкостровой подготовкой я занимался уже в полной темноте, при «вялой» луне и тусклом свете карманного фонаря. Пронадеялся, что батарейки еще сносные, вот и собирал сушняк, словно под мерцающим светом лампадки. Кое-как, натываясь на клыкастые еловые сучья, набрал на растоп, а уж потом все вокруг до последнего мало-мальски подходящего сучка-лежака подобрал, словно и не охотник я вовсе, а подрядившийся на разборку лесных завалов. Да и место для кострища выбрал не совсем удачное. Все искал да искал и вот нашел — на берегу небольшой лесной речушки, невдалеке от бобровой плотины. У бобровой плотины ночь не слышно. Монотонный шум воды, играющей на перекатах, не дает возможности прорваться звукам ночного леса, забивает и прогоняет их прочь. Сперва даже хотел покинуть место ночлега и уйти подальше в глубь леса. Но окинув взглядом окружавшую меня темнь, решил этого не делать — бессмысленно уходить на поиски нового места привала от уже разыгравшегося костра, имея при себе едва «тлеющий» фонарь. Да и ночь перед глухариним током коротка — час-другой посидишь после вальдшнепиной тяги у костерка за чаем, блаженствуя у открытого огня, на мгновения прикрывая глаза, погружаясь в дремоту. Но даже и в такие минуты думаешь о быстром времени, поглядывая на циферблат часов утомленно-сонным взглядом.

Прошедшую вечерку отстоял на тяге, да вот что-то не заладилась она. Не было вальдшнепов. И кто знает, отчего так происходит. Погода? Наверяд ли. Вечера-то один за одним стоят как на подбор: теплые, с влажинкой, тишина — ни одна веточка не дрогнет. Комариные толкунки вьются — знак погожей вечерки. А долгоносых вальшеней так и не усмотрел. Весь вечер до поздних звезд простоял на полянке среди осинника на самой окрайке мелколосья вблизи Жучковой сторожки. Да все напрасно! Моя вальдшнепина жадность и к костру привела уже в полной темноте, все думал: вот-вот сорвется с поднебесья желанное цвиканье лесного кулика, и покажется он над леском, описывая в полете поляну под свет лунного

серпа, уже проснувшегося на ночном небе. Жалко уходить с тяги, так и не подержав в руках красавца вальшеня, но впереди меня ждал глухариний ток, скрывавшийся где-то там, в дебрях диких мещерских болот Дальнего урочища. Подкинул в костер свежей сушины, от которой успокоившееся было пламя занялось, пустив в ночное небо тысячи искр.

Лес безмолвствовал. Шумела плотина.

«Нет, не бывает вечных токов, — говорил мне некогда знакомый охотник-глухарятник. — Были в тех местах тока когда-то давно, до войны. Бежали мы туда еще мальчишками со старыми дедовскими шомполками. А в войну лесничество все те леса под пилу пустило. Дрова на фронт составами гнали. На километры пути одни штабеля из бревен тянулись. Какие уж там боры! Извели те тока на века вечные...»

Сидел я у своего ночного костерка и вспоминал тот самый разговор. Оно и вправду — пропадают тока. Еще вроде бы год-другой на ток походишь, а на третий наведаешься, а петухов-то и нет. Точно знаешь, что никому больше этот ток был неведом. А пропал глухарь! И только вспомнишь причину: бор-то, где жили мошники прошлой осенью, выпилили. Вот и запустовало токовище на верховом болотце — глухарики ведь в нем не живут, а лишь весну встречают. Вот и стало оно им теперь без нужды, «дом»-то уничтожили.

Несколько весен тому назад я уже пытался отыскать тот ток, о котором мне говорил старый охотник. Забрел я тогда в самую болотную глушь — везде чахлый, изломанный сосняк. А под ногами болотный зыбок колыхается, норовя каждую секунду расступиться и прибрать в свои покои. На дальних сосенках глухарки окают, подзадоривают меня мошника разыскать. Идешь сам не свой. Ткнешь колом-шупой в плавучую мочажинину, а он чуть ли не весь уходит — глубина болотная таянет. Тогда, провалившись по пояс в болотную зыбь, я спасся только потому, что мое ружье, перекинутое за спину, пока я протискивался меж двух сосенок, растущих в полуметре друг от друга, напрочь застряло меж ними, и я, сорвавшийся в болотный омут, повис на нем. И тогда дал я себе зарок — никогда больше не ходить на этот ток. Но стоит подступить весне, пригреть теплыми солнечными лучами залежавшиеся снега, как вновь начинают посещать мысли о глухариним токе, тащемся в тех диких болотах.

Вот и вновь после долгого перерыва я решил попытаться надежду в розысках того таинственного тока. А вдруг отыщу? Было у меня так однажды.

Отправился я тогда в урочище Заломы. В тех местах когда-то давным-давно были торфяники. Забросили их после войны, и стали они потихоньку подзарастать. Зарастили спешно. И уже вскоре затянулись густой березово-осиновой мелочью. Сами карьеры превратились в болота. Но что самое интересное, облюбовали кромку бора, который выился плотной грядой вдоль заболотившихся торфяников, для токовища глухари. Торфяники большие, и ток приличный тянулся по всему краю толпой болотины. Подойти к току можно было только со стороны Вичишного бора да местного кладбища с таинственным названием Кути-Поле. Была когда-то при погосте и церквушка. Красивая, говорят. Разобрали ее в годы лихолетья, лишь один ров от нее и уцелел. А вот название погоста осталось.

Так вот, другой дороги к току не было. А выделялся тот ток тем, что «баловали» там глухари над охотниками — меняли токовые точки. Вот и я, однажды приди к «вчерашнему» глухарю, не обнаружил мошника на «месте». Но весна есть весна, и апрель спать не велит. Мошник должен токовать. И решил я его тогда во что бы то ни ста-

ло отыскать. Кругом копалухи вкохчут, звенят колокольным звоном.

Крутанул я раз-другой по самому низу бора и стал забирать выше. Остановлюсь. Послушаю. Тишина. Рассвет уже слегка гложет ночь. Зарянки проснулись. Еще немного, и за их звонкими переливами мошника вовсе не услышишь. Пospешаю. И вот она, удача! Слышу, где-то впереди, чуть правее точит мой глухарь. Трель четко отбивается в раннем темнoзoрье. Уже начало хорошо светать. Быстрыми, но осторожными шагами приближаюсь к петуху. Иду, под ноги не смотрю, все взглядом по сосновым кронам шныряю в надежде поскорее мошника увидеть. Вроде бы вот, совсем близко глухарь. По песне чувствую. Делаю шаг, другой и, запрокинув голову, вглядываюсь в высь. Вот он! Сидит на самой маковке сосны. Хорошо видна массивная шея, бородастая голова, вздрагивающая при точении. Выхожу из елового подлеска. До сосны, на которой токует глухарь, метров десять и... о, Боже! Натыкаюсь на могильную ограду, бросаю взгляд вперед — кресты... Деревенское кладбище. Ток на погосте. Мой глухарь токовал прямо над крайними могилами. Стало как-то не по себе. А глухарь все так же без устали сыпал песню за песней над вечным покоем.

Разом, словно по чьей-то незримой команде, разворачиваюсь и ухожу в глубь леса, слыша за спиной азартную глухариную песню. Надо же! Кладбищенские глухари! Только этого мне еще не хватало. А вокруг кладбища — сосны да ели вековые.

И что здесь раньше появилось — токовище или погост — теперь уж никто не скажет. Не подтвердят старые глухарятники из соседних деревень, каков был раньше этот ток, так как все уж они давненько переселились на этот лесной погост. А зная-то они знали. Это уж точно. Тут и вспомнилось мне, как один охотник, будучи тяжелобольным, просил свою бабушку схоронить его на старом погосте, приговаривая: мол, по весне мне глухари там петь будут. Знал, видимо, о кладбищенском токе. Вечно хотел на тока хаживать. Да не сбылась тогда его просьба, покоится его прах на каком-то городском кладбище — так родня захотела. А на старом погосте все так же по-прежнему ворожат свои песни кладбищенские глухари Кути-Поля.

После того единственного раза я больше никогда не приходил на тот ток. Не из-за страха оказаться апрельским темнoзoрем среди могил и крестов, а с нежеланием беспокоить «вечных» глухарей.

Незаметно за думами пролетело короткое время «глухой» ночи. Пора собираться на поиски тока. Даже дрова

Охотничий натюрморт

не успел все стопить — приличная кучка дровец лежала недалеко от костра. На следующий раз пойдут, решил я, словно собираясь не одну ноченьку коротать у того костра. Как следует присыпал землицей кострище — «до дыма» и, взяв в руки ружье, шагнул в ночную тьму...

О. ТРУШИН
Фото автора

Курьезы охотничьей жизни

Цевье

Вы слышали когда-нибудь байку о том, как охотник очень долго собирался на охоту, казалось, взял с собой все, что нужно, а на охоте вдруг заметил, что самого главного нет — ружье дома забыл? Я тоже думал, что это анекдот, охотничья байка, вымысел — не может охотник забыть ружье. И сам оказался свидетелем... Да чего греха таить, участником (вернее, соучастником) такой истории.

Мой дядя чистил ружье перед охотой — протирал стволы от излишней смазки. Ну как такое дело может обойтись без помощника (14-летнего непоседливого мальчугана) — без меня, то есть? Завороженный, я смотрел на то, как отполированный до блеска латун-

ный стержень шомпола то исчезает по самую рукоятку в хромированных недрах вороненого ствола новенького ИЖ-27М, то появляется из него, пуская солнечных зайчиков в разные стороны.

Кладовка, где занимался мой дядя своим немудреным делом, была тесная. И поэтому «помогать» ему мне мешали бережно разложенные по полочкам разобранные ружья и принадлежности для его чистки. Больше всего я боялся наступить на очень хрупкое, на мой взгляд, цевье и поэтому положил его под стоящий в углу кладовки стул. Протерев оба ствола, дядя стал зачехлять ружье, а я ушел, чтобы не мешать ему.

Закончив со сборами, мы вышли из дома. Вот он — заветный ручей. Дядя стал развязывать рюкзак и собирать ружье, а цевья-то нет... Но не такой он человек, чтобы от охоты отказаться. Оставил мне рюкзак и пошел домой за цевьем. Туда и назад — всего 4 километра, для него это не расстояние, вот только день выдался уж очень жаркий, не то что ходить куда-то, а сидеть тяжело — невыносимо душно. Потому, чтобы мне от жары тоже не страдать, спрятался я в тень под ракитовый куст и просидел там до самого возвращения дяди.

ДЕНИС КОЗЫКИН
Калужская обл.

ДАНИЛКИН А. Дикie копытные: охотничья добыча и неохотничьи потери	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Недостроенное гнездо	4
МИНОРАНСКИЙ В., СИДЕЛЬНИКОВ В., СИМОНИЧ Е. Искусственные гнездовья для водоплавающей дичи	6
ПЕТРОВ Б. Знаменитые соболятники	8
МАМОНОВ Л. «Худые» люди	11
ЛОБАНОВ В. Русская подсадная утка и ее стандарт	12
ТИШКЕВИЧ С. Весенняя охота на камчатских медведей	16
МАЛОВИЧКО Л. Знакомьтесь: зеленая шурка	18
ШАРОВА Н. Состязания, ожидаемые как праздник, но открывшие множество проблем	20
АСТАФЬЕВ Н. Юридическая консультация для охотников	22
ЛАПСИН Г. Мастеровитый Джек	24
БИКУМЛИН А. В темноты	26
АЛЕКСЕЕВ Ю., ГРОЛЬМАН В. Оптимальная масса пуха Полева	28
ЛИПИН А. Ружье МЦ 21-12	29
НАЙДЕНОВ А., КИСЛИЦИНА Н. «ЦКИБ СОО». Оригинальное МЦ255	30
ЧЕРНЫШЕВ В. Кафе-хаус «Алабама»	32
КУЧЕРЕНКО С. Шок	36
ДЭЖКИН В. Биоразнообразие охотничьих животных в США	41
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	15
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой и второй страницах обложки:
В апреле возвращаются с зимовки многие виды перелетных птиц. Сколько радости и надежд приносят нам эти первые вестники долгожданной весны!
Селезень кряквы в праздничном весеннем наряде
Фото А. Севастьянова

Скворец обыкновенный

Фото А. Назарова

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. ДЭЖКИН, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 05.02.2007 г. Подписано к печати 12.03.07 г.
Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29 850 экз. Заказ 4091. Цена 37 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО «ЧПК»

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499) 270-73-00

отдел продаж услуг многоканальный: 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака

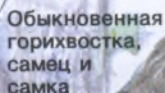
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 №452

Соловей стал по праву синонимом вершины певческого искусства. Волшебна прекрасная песня этого спутника расцветающей черемухи звучит даже среди бетонного мегаполиса на клочке пустыря с кустарником у бывшего водотока. Многим знающим соловьев будет, возможно, интересно узнать, что среди наших дроздовых существует около десятка видов соловьев и не меньшее разнообразие родственных им горихвосток. Наиболее известен благодаря своей чудесной песне обыкновенный, или восточный, соловей, гнездящийся в увлажненных биотопах зоны преимущественно широколиственных лесов, в лесостепи от Восточной Европы до Енисея. Очень похож на него южный, или западный, соловей с более простой песней, обитающий в основном в Западной Европе, на юге России, в Ср. Азии и Казахстане. Почти те же размеры (размах крыльев до 30 см), вес около 30 г, та же буроватая окраска (у обыкновенного темнее на спине), рыжеватый хвост. На светлой брюшной стороне у обыкновенного соловья заметнее сероватый зоб с темными пестринами и светлое горло. Так же скромно окрашен маленький (вес 20 г) соловей-свистун с характерным чешуйчатым рисунком на груди, гнездящийся в Ср. и Вост. Сибири, на Дальнем Востоке. В отличие от других соловьев (гнездящихся чаще на земле), свистун может селиться в полудуплах. На Кавказе и в Ср. Азии обитает близкий настоящим соловьям тугайный соловей (ранее его считали рыжей славкой). Похожий бурой окраской и размерами на южного соловья, он заметно отличается длинным рыжим ступенчатым хвостом с белыми концами рулевых. Оба пола упомянутых выше видов окрашены сходно. У других же наших соловьев самцы выделяются ярким нарядом. Это относится к известной в России варакушке (вес до 25 г), распространенной наиболее широко (от тундры до пустынных предгорий, от Карелии до Чукотки). В брачный период горло и зоб самца украшены ярко-синим пятном, обычно окаймленным снизу темной и рыжей полосой. В центре пятна бывает белая или оранжевая звездочка. Самец соловья-красношейки с ярко-алым пятном на горле, с черными каймами по бокам. Заметны также белые брови и усы. Та же самая красношейка гнездится от Предуралья до Камчатки. Нуждаются в уточнении сообщения о находке в Саянах черногрудой красношейки, нередкой в горах Ср. Азии. У самца черный зоб, черно-белый хвост. На юго-востоке Сибири, на Дальнем Востоке гнездится мелкий синий соловей (вес до 20 г). Синяя спинная сторона самцов контрастирует с белой брюшной. Похожая, но распространенная более широко (до Европейской России) синехвостка в самцовом наряде отличается рыжими боками, белой бровью, отсутствием черной маски. В Оренбуржье отмечался залет соловья-белошейки, гнездящегося в Закавказье и Ср. Азии. У самца (до 30 г) заметна рыжая грудь, белое горло, черные бока шеи. Близка к соловьям японская зарянка, живущая у нас на Сахалине и Юж. Курилах. У самца оранжево окрашенная передняя часть тела подбита снизу черно-серой полосой. Наша же обыкновенная в Европейской России зарянка не имеет полового диморфизма в окраске, у обоих полов есть оранжевое пятно с серыми каймами по бокам. Уступая соловью в красоте песни, зарянка начинает петь раньше других весенних певцов и заканчивает свой концерт в глубоких сумерках. Гнездится в полудуплах, в прикорневых пустотах. В дуплах, в нишах домов гнездится и обыкновенная горихвостка (от Карелии до Байкала), характерно подрагивающая рыжим хвостом; на юге Сибири ее сменяет похожая сибирская горихвостка с белым пятном на крыле, а на Юге, в горной части российского ареала, совместно обитает горихвостка-чернушка с большим развитием черного на груди, без белого лба. На Алтае, в Саянах гнездится чуть более крупная красноспинная горихвостка. Большая (размах крыльев 30 см) краснобрюхая горихвостка (горные биотопы от Кавказа до Забайкалья) похожа на среднеазиатскую водяную горихвостку, но с белым пятном на крыле и одноцветным хвостом. На Алтай отмечен залет из Ср. Азии седоголовой горихвостки, у самца голубая шапочка, черно-белая окраска брюшной стороны, белое пятно на крыле. В горы Ср. Азии залетала мелкая сизая горихвостка. Более обычна там похожая на черно-белую каменку белоножка, образом жизни близкая к оляпкам. У нее, как и у водяной горихвостки, оба пола окрашены сходно. В горах Ср. Азии гнездится полосатая тимелия, один из немногих продвинувшихся на север представителей большого тропического семейства тимелий, родственных дроздам.

В. ШИШКИН

Южный
соловей

Обыкновенный
соловей

Варакушка,
самец у гнезда

Черногрудая
красношейка

Соловей-красношейка, самец

Самец
японской
зарянки

Синий
соловей,
самец

Зарянка у гнізда

Горихвостка-
чернушка,
самец

Седоголовая
горихвостка,
самец

Сизая
горихвостка,
самец

Сибирская
горихвостка,
самец

Красноспинная
горихвостка,
самец

Синехвостка,
самец
Соловей-
свистун

Соловей-
белошейка

Полосатая
тимелия

Тугайный
соловей

Белоножка

Дорогие друзья!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» на второе полугодие 2007 года началась!

В 2007 году нашему журналу исполняется 52 года. «Охота и охотничье хозяйство» - старейшее периодическое издание об охоте, один из самых почитаемых охотничьих журналов. Ему дарована почетная доля – быть рекордсменом-должителем среди всех когда-либо издававшихся у нас охотничьих газет и журналов.

Всегда, во все времена журнал полагал своей главной задачей защиту прав и свобод охотников, защиту ОХОТЫ, как одной из важных отраслей народного хозяйства страны.

«Охота и охотничье хозяйство» последовательно отстаивает право общественности на пользование охотничьими угодьями. Охота, захваченная частными собственниками, становится недоступной для рядового охотника.

В усилении влияния журнала, в его широком повсеместном распространении заинтересованы все общественные объединения охотников: от первичного охотничьего коллектива до областного и краевого обществ охотников.

Руководители общественных объединений охотников! Организуйте подписку на наше издание, премируйте лучших охотников подпиской на журнал, обеспечивайте журналом охотоведов и егерей в охотничьих хозяйствах.

Мы не должны допустить дальнейшего разрушения охотничьих общественно-производственных объединений. В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку.

Фото С. Тишкевича к фотоочерку «Весной на Камчатке»

Наш подписной индекс: 70673 по каталогу Роспечати